

СМЕНА

№ 15 АВГУСТ 1980

МОРСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Претворение в жизнь решений нашей партии — это и пуск больших современных заводов, новых гидроагрегатов, и более весомый колос на каждом гектаре преобразуемых земель, и возрастающая чистота воздуха вокруг крупных городов, но главное — и это гарантирует размах нашего движения вперед — каждодневные, будничные поступки советских людей — коммунистов, комсомольцев, беспартийных... Именно они, эти поступки, трансформировали любую строку из документов XXV съезда КПСС в живую действительность. Вот лишь один пример. «Обеспечить подготовку рабочих высокой квалификации из числа молодежи для всех отраслей народного хозяйства...» — так обозначалась на съезде общая задача по работе с молодой сменой рабочего класса. В год XXV съезда партии передовая работница из Горького, кавалер двух орденов Ленина и медали «Золотая Звезда» Антонина Сергеевна Грибанова объявила о своем решении перейти с фабрики в профессионально-техническое училище мастером-наставником. С того времени и по сей день она щедро отдает свой жизненный и профессиональный опыт молодежи. И уже дала путевку в рабочую жизнь многим и многим молодым труженицам. Вдумаемся: что стоит за многими и многими нашими помыслами и поступками, какая общественная, государственная польза из них вытекает? Открывая новую рубрику — «Навстречу XXVI съезду КПСС», — редакция приглашает наших читателей принять участие в большом предсъездовском разговоре о делах и свершениях советских людей в период подготовки к XXVI съезду КПСС.

Елена МИКУЛИНА

Дом был старый, деревянный, почерневший от сырости. На окнах через тюль занавесок просматривалась герань, высаженная в консервные банки. Поискав глазами звонок и не обнаружив его, Антонина Сергеевна постучала.

Дверь приоткрылась, но оставалась на цепочке. Выглянуло старушечье лицо. Выцветшие, когда-то голубые глаза внимательно осматрели посетительницу. «Кто такая? Зачем?» Но, видимо, белая меховая шапочка, ладно сшитое пальто, а главное, улыбка неожиданной гостьи успокоили женщину. Она открыла дверь.

— Входите.

— Сначала познакомимся, — сказала весело гостья, переступив порог прихожей. — Меня зовут Антонина Сергеевна. Фамилия — Грибанова. Я мастер училища номер восемь, где учатся девочки. А как ваше имя-отчество?

— Петровна звать меня, — сухо сказала хозяйка. — А вам чего надо?

— Хочу, с вашего разрешения, посмотреть, в каких условиях живут мои ученицы. — Грибанова сняла пальто и шапочку и оглядывалась, куда бы их положить.

— На стул клади, — буркнула хозяйка. — Условия, говоришь? Да какие еще могут быть условия? Сладу нет с вашими ученицами. Одного свету нажигают бог знает на сколько. Все читают и читают... — Продолжая все так же усердно ворчать, старуха раскрывала дверь небольшой комнаты, вернее сказать, кладовой с узким окном. Слева, у стены, старый, обтертый диван, напротив — сундук, явно с хозяйским добром, у окна сиротливо приютился узенький столик. За дверью в стене вбиты гвозди, и на них несколько девичьих платков. — Во, гляди, какие условия! — В голосе старухи звучало самодовольство. Но, увидев, как покачала головой Грибанова, насторожилась, поджала губы.

— А где же спят девочки?

— Как это где? Одна вот на этом диване, — старуха

столом занимается, — указывала рукой хозяйка. — Я ведь понимаю, раз учится, значит, надо заниматься. Я сама в свое время техникум кончала. Сейчас, правда, работаю не по специальности. Посменно. Сутки на работе, сутки дома. Так удобнее. Да вы садитесь, пожалуйста. Посмотрите на наше житье-бытье... — Какую-то фальшь источал голос женщины, но какую, Антонина Сергеевна уловить не могла. А хозяйка все говорила, говорила: — И беру я с нее не дорого, всего двадцать рублей. Деньги небольшие, просто мне жаль девочку. Она услужливая, помогает по хозяйству... А в пятницу уезжает.

— Куда?

— Домой, к себе в деревню, — все так же приветливо объяснила хозяйка. — Она ведь деревенская. Три часа на поезде, и уже дома. — Увидев, как изумленно раскрылись глаза Антонины Сергеевны, хозяйка спросила резко: — Вас это удивляет? Но таково мое условие. Нам с дочерью вполне хватает видеть в своей квартире чужого человека пять дней в неделю. Мы хотим отдыхать два-три дня без нее.

— Да, да... — голос Антонины звучал устало. — Вам, конечно, нужен отдых. Но девочка должна каждую пятницу ехать в поезд, идти пешком несколько километров, а в воскресенье снова совершать такой же путь, только в обратную сторону... — Антонина прямо взглянула в лицо собеседницы. — И, конечно, она не имеет права приехать в понедельник слишком рано, чтобы не побеспокоить вас?

— Ну, знаете... — Хозяйка развела руками. — Вы, кажется, хотите меня в чем-то обвинить? Но я повторяю, таковы мои условия! Не нравится, пожалуйста... Пусть уходит.

Пятнадцать квартир обошла в тот день Антонина Грибанова. Не везде оказалось так плохо, как в первых двух. Но так или иначе каждая девушка, снимавшая за 15—20 рублей угол на частной квартире, испытывала те или иные неудобства. Каждой приходилось жить, все время прислушиваясь к настроениям хозяев. Ах, как нужно фирме «Маяк» общежитие! Почему, почему она, Грибанова, до сих пор не занималась вплотную этим вопросом? Может быть, потому, что ее подруги да и она сама никогда не снимали «углы»?

Рабочая повесть «Смены»

АНТОНИНА

потолкала рукой выпирающие пружины. — Второй я велела спать на сундуке. Не захотела. Тогда я ей раскладушку у сына раздобыла. Расставит на ночь и спит себе спокойно... Чего же еще за такие деньги?

Антонина Сергеевна посмотрела на лампочку под самым потолком, на столик возле окна, покачала головой. Она с горечью думала о том, как непросто живется здесь ее ученицам, каково им заниматься в этой конуре, где лампочка светит тускло и наверняка хозяйка, стоя под дверью, ворчит: «Хватит вам, бесстыдницы, свет палить!»

Однако принять немедленное решение Грибанова не могла. А как хотелось ей крикнуть в лицо хозяйке: «Завтра же у вас не будет жильцов! Завтра же мы забираем их в общежитие!» Но Антонина Грибанова знала: общежития нет. И будет оно не скоро. Только недавно министерство выделило деньги на строительство, но еще подрядчика не нашли.

— Ну, что ж, — сказала Антонина Сергеевна, — мы подумаем, как облегчить ваше положение, но пока, прошу вас, не препятствуйте им заниматься. Девушкам нужно читать книги по вечерам.

Поджав губы, старуха пылливо смотрела на гостью. В глазах ее явственно читалось: «Как бы не прогадать? Ишь какая прыткая, «мы подумаем»... А на первый взгляд тихоня. Возьмет да и переселит девчат. Вот и пропала тридцатка. И кто же тогда полы будет в доме мыть? Дрова носить? Ведь все девчата делают...»

— Да я не против, — вдруг сказала она елейным голосом, — пусть читают книжки, раз требуется. Только... — старуха замаялась, потом крикнула: — Пусть по два рублика накинут поверх пятнадцати!

Выйдя на улицу, Антонина Сергеевна передернула плечами, глубоко вздохнула, как бы снимая с себя нечто липкое.

В следующей квартире ее встретили более приветливо. Хозяйка дома, моложавая, подтянутая, широко открыла дверь в комнату, где жила одна из учениц Грибановой. Новенький сервант выставлял напоказ посуду, круглый стол посреди комнаты был накрыт вязаной скатертью. Вокруг него чинно стояли стулья с высокими резными спинками.

— Вот на этом диване Настюша спит, а за этим

Антонина Сергеевна не заметила, как вышла на берег Волги. В темноте река казалась черной, маслянистой, она сливалась с небом, и огоньки на той стороне казались мерцающими звездами. Внезапные воспоминания вернули Антонину в далекий сорок седьмой год. Вот так же, как ее ученицы, она тогда, окончив восемь классов, стала работать на швейной фабрике. Ей не пришлось сидеть за партой ПТУ, она училась на рабочем месте. Но какую же радость испытала, выполнив на «отлично» первую самостоятельную «операцию»!

Тогда была ранняя весна, и с Волги неся холодный ветер, но Тоня бежала по улице Горького в распахнутом пальто. Ей хотелось, чтобы все видели ее рабочий халатик. Ей хотелось кричать: «Смотрите, я уже швея, скоро стану настоящей мастерицей!» Уходя из цеха, она нарочито не сняла наперсток, оставила его на пальце как драгоценный перстенок. И, мчась мимо стен старого кремля, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих, стучала этим драгоценным наперстком по каждой тумбе.

Антонина любую новую модель женского или детского пальто встречала с интересом. И чем сложнее были детали изделия, тем увлекательней казалась ей работа. И вот теперь, став мастером-наставником технического училища швейников № 8, она должна научить мастерству швеи сразу двадцать семь девочек. Но разве только мастерству?!

Грибанова стояла на берегу Волги и думала, что у каждой из девочек, которых она впервые увидела неделю назад, свой характер, свои запросы, что, вероятно, некоторые подали заявления о приеме в училище, не имея правильного представления о характере профессии: одни хотели сбросить с плеч «ляжку» школьной учебы, других послали родители, чтобы скорее «пристроить» к делу... А вдруг, с испугом подумала Антонина, закончив училище, кто-то из них придет на работу в цех, а порядки на предприятии, специальность окажутся не по душе? И покажется такой девушке, что жизнь неинтересна, опустятся руки...

На следующее утро, пользуясь тем, что ее группа занята теоретическими предметами, Антонина направилась в свой цех. Она пришла задолго до начала

УРОК РАБОТЫ.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

НА СЕРГЕЕВНА

смены, но уже через несколько минут появилась профорг Тамара Серова.

— Тонечка! Ты? Соскучилась?

— Здравствуй, Тамара!—Голос Антонины звучал невесело.—Когда вы меня провожали на работу, обещали помощь. Вот я и пришла за ней.

— Ну, что ж, мы готовы. Когда нам прийти к тебе в училище? И кому? Мне одной или вместе с девчатами?

Тамара Серова, как всегда, была готова к действию немедленно.

— Нет,—сказала Антонина Сергеевна,—приходить в училище вам пока рано. Другая мне помощь нужна. Надо найти пять квартир для моих подопечных. Я всех обошла. Пятерых надо устраивать немедленно.

— Пять квартир?—Светлые брови Тамары поднялись.—Ты что?

— Да не пять квартир,—засмеялась Антонина, чувствуя, что помощь непременно будет оказана.—Всего пять коек. Только у хороших людей. Понимаешь? У хо-ро-ших!

Так начала свою работу мастера-наставника Герой Социалистического Труда, швея фирмы «Маяк» Антонина Сергеевна Грибанова.

Группа ей попалась, скажем мягко, сложная. Но вот что написала мне о первой встрече с Грибановой одна из учениц, Надя Белякова.

«Я помню день, когда нам сказали, что мастером у нас будет Герой Социалистического Труда, что до этого она почти 30 лет работала швеей в фирме «Маяк» и преподавать будет впервые. Это нас насторожило. «Работница, конечно, отличная,—думали мы,—а вот каким мастером будет, это еще неизвестно». А затем была встреча. И на ней Антонина Сергеевна произнесла незабываемые слова: «Девочки, до сих пор всегда учили меня. А теперь я должна учить вас. Помогите мне!» Эти слова мне запомнились. И я подумала, что совсем не важно, что наша группа до сих пор плелась в хвосте. Может она стать и лучшей, если захотят все девочки. И я решила уговорить их. Но никого уговаривать не пришлось. Все сразу приняли в сердце нового мастера, и жизнь у нас пошла совсем по-другому...»

Я знаю Антонину Сергеевну лет четырнадцать.

Первое наше знакомство произошло в холле горьковской больницы. Я приехала туда, чтобы увидеть чудо, увидеть, как впервые сидит в кресле Вера Завьялова, девушка из Шары, над которой тогда шефствовали бригада запорожского завода и бригада горьковских швейниц фирмы «Маяк». Именно эта бригада ухаживала за Верой после перенесенных ею тяжелых операций, вместе с врачами добивалась, чтобы Вера осталась в Горьком, получила квартиру и начала учиться заочно в Институте иностранных языков. Да что там говорить, это была настоящая эстафета человеческой доброты, бескорыстной и действенной. Но все это было потом. А в тот день Веру выкатили в кресле, и она, глядя на всех влажными глазами, воскликнула:

— Как удивительно смотреть людям глаза в глаза! Ведь до сих пор я на всех смотрела только снизу вверх.

Все заулыбались, но одна из швейниц заплакала. Это и была Антонина Грибанова.

— Почему вы заплакали, Тоня?—спросила я, когда мы вышли из больницы.

— Я вдруг поставила себя на место Верочки,—сказала она тихо.—Понимаете, я почувствовала себя лежащей на спине и на всех смотрящей снизу. Ухаживая за Верой в больнице, я полюбила ее, но только сейчас поняла весь ужас ее прежнего положения. Я не ставила себя на ее место... Вы понимаете? Ведь это очень важно—поставить себя на место другого...—Мы долго шли молча, а потом Тоня внезапно сказала:—Какой урок! Я не повторю никогда этой ошибки!

Этот эпизод вспомнился не случайно. Я долго считала его той точкой отсчета отношения Антонины Грибановой к людям вообще, а к ее питомцам из училища в особенности.

Уже четвертый год преподает Грибанова. Сейчас на ее счету уже три выпуска—75 девушек, 60 из них работают на фирме «Маяк». И каждая вспоминает с благодарностью не только время учебы, но и доброе, душевное, материнское отношение своего наставника.

«...В новом мастере,—писала Надя Белякова.—мне нравилась больше всего чуткость к нам. Материнская чуткость. Был такой случай, когда с одной девочкой из нашей группы случилась «беда»

(личная жизнь). Антонина Сергеевна сразу почувствовала это, наверное, как мать, и пока не выяснила, в чем дело, не отступилась. Но все это было очень тактично, ласково, участливо. Кончилась эта «беда» свадьбой».

Можно было бы процитировать здесь письма девочек из следующих выпусков: письмо Иры Зиминой или письмо Лены Быстровой, их у меня много. Дело в том, что, решив познакомиться с нынешней группой Антонины Сергеевны, я собиралась в Горький еще в сентябре. Однако Грибанова вместе с «новенькими» уехала на уборку картофеля, в совхоз, и поездку пришлось отложить. Вот тогда я и решила разыскать на «Маяке» бывших учениц Антонины Сергеевны и попросить написать о себе, о профессии и о своем наставнике.

Сказать по совести, я не ждала этих писем. В наш век телефонов и телеграмм редко кто пишет письма. А тут требовалось вернуться в прошлое, поразмыслить, дать оценку... Но письма пришли. Ошибалась я, думая, что новые интересы смогли заслонить время, проведенное девушками в группе Антонины Сергеевны.

...На XXV съезде КПСС отмечалась важность родившейся в коллективах горьковских предприятий инициативы: «Ни одного отстающего рядом!» Когда же в области провели смотр-конкурс наставников, швея Грибанова заняла в нем первое место. Ей присвоили звание «Лучший наставник области».

В том же году Антонина Сергеевна, уже кавалер двух орденов Ленина и медали «Золотая Звезда», объявила о своем решении стать мастером-наставником в швейном училище № 8.

Сказать, что она сделала это по зову сердца, как писали об этом,—значит сказать не всю правду. Ей не хотелось покинуть бригаду, в которой она проработала тридцать лет, и не могло хотеться. Но сработал внутренний голос: «Надо». А ведь «надо» намного важнее, чем «хочется». И все же, прежде чем написать «Прошу принять меня мастером...», Антонина Сергеевна долго беседовала со своей наставницей в жизни и работе, с председателем завкома Клавдией Яковлевной Яхониной.

— Я не смогу жить без «Маяка»,—жалобно говорила Антонина,—без вас, без своей бригады.

— А тебе и не придется жить без нас,—спокойно отвечала Яхонина.—Ты что же, думаешь, выйдешь за порог и мы про тебя забудем? Нет, милая, мы тебя и в училище найдем. И там мы будем с тобой рядом. Ты же для нас будешь кадры готовить...

Клавдия Яковлевна, откинувшись в кресле, задумчиво смотрела на Антонину. Вспомнила, как бригада Грибановой шефствовала над школьниками. Как заболела о прикованной к постели Вере Завьяловой...

Она все сваливала на его усталость. Квалифицированный механик автомобильного дела, работая в гараже, он все время брал дополнительную работу, часто задерживался. И Тоня, уложив сына, с нежностью думала о том, какой работающий у нее муж, как заботится о них с сыном.

Не знала Тоня, что берет муж частные заказы и «обмывает» свои дневные заработки с друзьями.

Она старалась сблизить мужа со своими друзьями. Приглашала подруг домой, вовлекала его в коллективные загородные поездки, в бригадные вечера и всевозможные мероприятия. На людях муж бывал в ударе. Шутил, смеялся, старался быть, как говорят, «душой общества», но, вернувшись домой, едко высмеивал всех и вся.

Так рождалось отчуждение. Нет нужды подробно рассказывать об этом тяжелом периоде жизни Антонины Сергеевны. Стиснув зубы, она ждала, пока вырастет сын, пройдет службу в армии, начнет работать.

Но вот настал час решения. Неважно, что ей перевалило за сорок, она не могла больше задыхаться в атмосфере, созданной мужем. И Антонина Сергеевна подала заявление о разводе.

— Горем, несчастьем оборачивается любовь, когда двое живут по разным законам и не понимают друг друга. Тогда наступает психологическая несовместимость. И умирает тогда любовь трудно, уходя из сердца...

Грустью наполняются зеленые глаза Антонины Сергеевны, но она тряхнет головой, обведет взглядом своих учениц и скажет весело:

— Ваша любовь, девочки мои милые, впереди. Берегите ее и отдавайте только достойному.

Никто из тех, кто хорошо знает Антонину Грибанову, не осуждает ее поступок. И она сама не стыдится его. Стыдится, наоборот, того, что так долго смирялась, так долго была в плену своей любви к недостойному.

Но все это в прошлом. Сегодня жизнь ее светла, радостна и наполнена «ее девчачками».

— Вы же сами видели, они у меня все красавицы, все умницы, — убежденно говорила мне Тоня.

Неожиданно зазвонил телефон. В тишине комнаты звонок показался тревожным. Антонина взяла трубку. Минуту слушала. Потом засмеялась!

— Ну, и почему так волнуетесь? Очень хорошо сделали, что позвонили. Давайте номер телефона, попробую дозвониться до ваших хозяев. Не надо забывать ключ от входной двери! Ну, ладно, звоните мне через десять минут. Сможете? Двушка есть?

— Кто это? — спросила я.

— Мои девчата. Пошли в кино. Хозяйка в ночной смене. Сынишка ее спит крепко. Разбудить не могут...

К телефону никто не подходил.

— Спит мальчишка, как убитый! — вздохнула Антонина.

Через пару минут снова позвонили девчата.

— Ну, где вы сейчас? — спросила Антонина. — Возле Дома культуры? Вот что, приезжайте ко мне. Ночевать здесь будете. Я сейчас ненадолго уйду. Не пугайтесь, ключ оставляю. Вы знаете, где я его кладу? Все! Да, — спохватилась Антонина, — приедете, не забудьте в холодильник заглянуть. Пужинайте.

Мы вышли на улицу.

— И часто они вас так беспокоят? — спросила я, ожидая: «Что вы? Какое беспокойство?» — но Тоня сказала совсем другое:

— Вчера ко мне приходила девочка из моего первого выпуска. Надя Белякова. Она работает в бригаде, где я работала раньше. Прекрасная швея. За год освоила несколько операций на конвейере, в прошлом году получила удостоверение за отличное качество выполняемой операции «Комсомольская гарантия». За весь год контроль не забраковал у Надежды ни единой вещи. Раньше других девочек из моей группы ей присвоили звание «Ударник коммунистического труда». И знаете, зачем она приходила ко мне?

— Тоже забыла ключ от квартиры?

— Нет, — сказала она серьезно, — Надю по предложению Тамары Серовой избрали проформом бригады. Это большая честь! Пришла Надюша советовать: «Как же справляться с такой работой?» «А ты с Тamarой советуйся», — только и успела сказать, а она в слезы: «Вы меня разлюбили! Вы забыли, что я из первого вашего выпуска. У вас теперь новые девчата, вы их любите!» Правда, глупая? — обратила ко мне лицо Антонина. — Ведь я каждую из них люблю! И как я могу забыть своих первых учениц! А любви у меня на всех хватает!

Эти слова Антонины я вспомнила сейчас, заканчивая рассказ о ее жизни и работе. Да, хватает у нее любви, хватает. И любит она полной мерой и грустит при расставании. Такая уж у нее судьба: мастер-наставник. И девочки будут приходить и уходить, унося с собой частицу ее тепла, ее таланта доброты, в котором и заключается весь секрет наставника.

Это не просто красивые слова. Это правда жизни Антонины Сергеевны Грибановой.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1277) АВГУСТ 1980

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
БУДУЩИЕ
МОРЯКИ-ПОДВОДНИКИ
ПРОХОДЯТ
ВОДОЛАЗНУЮ
ПОДГОТОВКУ.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Очерк Владислава ЯНЕ
ЛИСА «Крещение бере-
гом» на 12-й странице.

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС.
РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНЫ».
Елена МИКУЛИНА. «АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА».
- 4 ЧТО ЗНАЧИТ — ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК?
Размышления философа Аллы ЛАВРИКОВОЙ,
рабочего Евгения МОРЯКОВА,
драматурга Виктора РОЗОВА,
режиссера Игоря ВЛАДИМИРОВА.
Письма читателей.
- 7 Стихи Любви БУТКОВСКОЙ.
- 8 Владислав БАХРЕВСКИЙ. «СКОМОРОШЕК». Сказ.
- 10 Стихи Олега БЕЛИКОВА.
Стихи Суюнбая ЭРАЛИЕВА.
- 12 «КРЕЩЕНИЕ БЕРЕГОМ».
Очерк Владислава ЯНЕЛИСА.
- 15 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».
- 16 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Станислав НИКОЛАЕВ. «СЛОЖНОСТЬ ПРОСТОТЫ».
- 18 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 20 Вячеслав ЗАЙЦЕВ, художник-модельер:
«КАПРИЗНА ЛИ МОДА?»
- 22 Виктор АСТАФЬЕВ. «ЗАТЕСИ».
- 23 «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
Конкурс одного стихотворения.
- 24 НАШИ ПУБЛИКАЦИИ.
«ЖИЗНЬ — ЗВЕЗДАМ».
- 27 Стихи Юрия ПОРОЙКОВА.
- 28 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор И. А. Кузьмина.

© Издательство «Правда» «Смена» 1980 г.

ЧТО ЗНАЧИТ- ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК?

В начале года «Смена», напечатав два читательских письма «Признак добра или необходимость выбора?» и «Совесть по кругу», начала дискуссии на тему «Что значит — порядочный человек?».

Многие читатели пожелали принять участие в дискуссии и прислали нам свои письма. В большинстве из них приводятся примеры человеческой порядочности и непорядочности, рассказывается о личных обидах и переживаниях. Мы, естественно, не могли быть объективными судьями в решении каждой конкретной конфликтной ситуации и потому опубликовали в № 4 очерк А. Васильева «Как выносить отношения». Название очерка говорит само за себя — в нем на типичном примере из жизни большого научного коллектива показано, как должны вести себя люди, чтобы их поступки и действия выглядели в отношении других людей морально «честными».

Несколько другой оттенок, а именно — насколько важно быть щепетильным в больших и малых делах, чтобы оставаться порядочным, — носил очерк И. Амальдева «При любых обстоятельствах», напечатанный в № 12.

Продолжая в этом номере дискуссии «Что значит — порядочный человек?», мы вместе с читателями пригласили поразмышлять над этим вопросом философа, рабочего, писателя, режиссера.

Но дискуссия на этом не заканчивается. Она только набирает темпы, и мы приглашаем всех желающих включиться в нее, поддержать или поспорить с людьми, чье мнение публикуем в этом номере.

КРИТЕРИИ И ОЦЕНКИ

Алла ЛАВРИКОВА,
кандидат философских наук

Замечали ли вы, что в повседневной жизни мы часто употребляем слова, которые содержат нашу оценку моральных качеств того или иного человека: «добрый», «злой», «хороший», «честный», «эгоистичный», «чуткий», «несправедливый» и так далее. Эти слова стали как бы разменной монетой общения, почему-то вытеснив из нашего повседневного лексикона такое емкое слово, как «порядочный».

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова «порядочность» трактуется как «честность, неспособность на антиморальный, низкий антиобщественный поступок». Формулировка эта позволяет утверждать, что вопрос о степени порядочности человека может быть решен не простым перечислением тех или иных его моральных черт, а путем выявления наиболее значимых, определяющих все другие качества его личности.

Хорошо известно, что жить в обществе и быть от него свободным нельзя, то есть сущность и содержание личности человека определяются всей совокупностью общественных отношений, характерных для данного общества. Следовательно, главным показателем нравственности личности является сочетание в ней личных и общественных интересов, ее **активная жизненная позиция**. Ничто так не возвышает личность, как сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения.

Вот это качество личности, на мой взгляд, и служит исходной нормой для определения порядочности человека.

Порядочность как отражение нравственной позиции человека в любых, подчас конфликтных ситуациях проявляется в справедливом и честном выборе им решения в соответствии с сознанием его **ответственности** перед обществом, системой взглядов на **идеалы, долг, честность, совесть, принципиальность, добро и зло, смысл жизни**.

Я совершенно сознательно и с полной уверенностью в своей правоте ставлю **ответственность** человека за все, что исходит от него самого и что происходит рядом с ним, на первое место среди слагаемых понятия «порядочность».

Ответственность на современном этапе общественного развития приобретает не только глубокий социальный, но и нравственный смысл. Ибо ответственность как черта характера, как важнейший побудитель деятельности человека зависит прежде всего от его жизненной, нравственной позиции, а также от уровня его образованности и культуры. Ответственность и **долг** — составные элементы порядочности, потому что именно сознание ответственности и долга обязывает человека серьезно и вдумчиво относиться к своим действиям и поступкам. В этой связи вспоминается письмо учительницы Анны М., которая, утверждая на литературных примерах одно, в жизни, не задумываясь над последствиями своих поступков, проявляет непоследовательность, безответственность, прощя говоря, непорядочность. Анна М. пишет, что она «должна», заметьте — **должна**, покрывать хулиганский поступок в классе, только чтобы не придавать его огласке в районе, и, следовательно, защищать честь школы. По-видимому, Анна М. не совсем четко уяснила для себя, что такое «честь школы» и ее собственная честь классного руководителя. Думается, честь и авторитет учителя пострадают гораздо больше не оттого, что в классе совершен хулиганский поступок, а оттого, что этот поступок скрывается. Ведь учителю, формирующему детские души, важно ни на минуту не забывать о тех моральных последствиях, какие это укрывательство будет иметь для школьников. Напрасно она пытается утешить себя тем, что мнение ее учеников о ней не изменится. Их отдаленность — свидетельство того морального ущерба, который нанесла учительница своим ученикам. И потому на вопрос Анны М. «Как дальше жить, что думать о себе самой?» хочется ответить: надо **быть** порядочным человеком, а не казаться таковым, а это значит, что надо поступать и вести себя в соответствии с осознанным общественным долгом.

Истинная порядочность служит человеку своеобразным «компасом» в его повседневном поведении, ибо наши моральные качества находят свое материализованное воплощение в конечном счете в наших поступках. А это значит, что о моральном облике человека, уровне сознательности и порядочности можно и должно судить только по поведению его в коллективе, в семье, на улице и т. д. Причем оценка человека — порядочный он или нет — может быть объективной только тогда, когда учитывается

вся совокупность его черт, качеств и поступков. Заметьте: мы часто сталкиваемся с людьми, которые на работе являют пример добросовестного отношения к труду, к товарищам. Но как только человек оказывается вне коллектива, где его хорошо знают, с ним происходит своеобразное перевоплощение: он может не уступить в трамвае место инвалиду, не пропустить вперед женщину с ребенком, дома проявлять грубость и бестактность по отношению к жене, к соседям, к собственным детям. Происходит как бы раздвоение личности: один человек — на работе, совсем другой — дома. Истинная же порядочность проявляется не в единичном поступке, а во всем поведении личности, являясь его **мотивом**.

Трудно говорить о порядочности и в том случае, если человек не считается с интересами общества, пренебрегает своими обязанностями, становится на потребительские позиции, не внося своего вклада, доли своего труда в решение задач, стоящих перед обществом. Поэтому именно в **коммунистическом отношении к труду** находит свое выражение еще одно слагаемое понятия «порядочность».

Нет слов, приятно чувствовать себя справедливым, великодушным, гуманным и прощя всего проявлять эти качества на словах. Но от слов до дела, как известно, большой шаг. Есть люди, которые называют себя честными, порядочными, однако не считают зазорным прихватить с работы банку белил, кусок проволоки или еще что-нибудь для собственного дома или дачи. Такие поступки, как правило, определяются психологией — «государство у нас богатое, не обеднеет». Мы должны твердо сказать подобным «рачительным хозяевам»: суть понятия «честность» всегда неизменна. Она определяется взглядами на жизнь, среди которых **нетерпимость к существованию за чужой счет, за счет общества** у порядочного человека всегда на первом месте.

«**Внутренние тормоза**», **моральные запреты, воспитанность** — все это не врожденные, а приобретенные качества, результат социального становления личности, которое начинается с воспитания в семье, а затем продолжается в том коллективе, где человек сначала учится, а потом работает. Коллектив, его моральная чистота, его товарищеская нравственная атмосфера играют огромную роль в формировании личности человека.

БЫТЬ, А

Евгений МОРЯКОВ,
Герой Социалистического
Труда, токарь Ленинградского
завода строительных машин

Ать однозначный ответ на вопрос «Что значит — порядочный человек?», по-моему, трудно. Хотя, я думаю, можно было бы сказать и так: быть порядочным — это значит быть Человеком. Человеком именно с большой буквы.

«Смена», конечно, не случайно начала дискуссии на эту тему. Действительно, сегодня мы почему-то очень редко произносим хорошее старое слово — порядочность. А ведь именно оно, на мой взгляд, является основополагающим качеством человеческой личности.

Мы призываем людей быть честными, отзывчивыми, принципиальными, трудолюбивыми, совершенно забывая о том, что все эти качества составляют емкое понятие «порядочный».

Посмотрите характеристику, которую выдают человеку на работе. Что угодно будет в ней написано: дескать, он и передовик производства, и лучший рационализатор, и морально устойчив, и женат, и имеет детей, и так далее, и тому подобное, но только никогда вы не найдете фразы — человек он порядочный. Почему? Разве порядочность не главная человеческая добродетель?

Совершенно естественно, что у разных людей свои представления о порядочности. Одни на первое место здесь ставят ответственность, другие — принципиальность, третьи — трудолюбие. Для меня лично это понятие прежде всего ассоциируется с **добротой и честностью**.

Мне очень понравилась опубликованная недавно в «Смене» статья поэта Михаила Дудина, где он приводит услышанные им в тяжелой блокаде дни слова пожилой ленинградки:

— Когда тебе плохо, ты попробуй сделать что-нибудь очень хорошее для того, кому хуже, чем тебе. И тебе самому после этого станет хорошо.

Эти слова, на мой взгляд, мог произнести только порядочный человек!

За свою жизнь я встречал много таких людей. Вспоминаю детство, когда семья жила на Волге, в Рыбинске. Время тяжелее — война, в городке у нас было много эвакуированных. Многим из них местные жители буквально спасли жизнь, делясь с ними куском хлеба, единственной картошкой. Ни смерть, ни голод не убили тогда в людях доброты, чувства братства и душевного тепла. И ведь не по приказу, не по обязанности делали так, а потому просто, что были порядочными людьми. Обстановка кругом, природа, сама Волга, которую и сегодня называем мы Волгой-матушкой, воспитывала таких людей.

Помню однажды — мне было тогда 8 лет — потерял я хлебные карточки на всю семью. Облазали мы все вокруг дома, все меж в картошке, каждую травинку пересмотрели — так и не нашли карточек.

Соседка же наша — фамилию ее запомнил на всю жизнь — Егорова шла с работы и каким-то образом нашла их и принесла родителям. А ведь представить себе невозможно, что было бы с нашей большой семьей, останься мы без карточек... Для меня, мальчишки, остро переживавшего свою вину, эта женщина стала тогда очень близким человеком, а пример ее честности и доброты остался в памяти на всю жизнь.

Еще хочу вспомнить своего деда — Александра Федоровича. Привезли его маленьким в Питер, выучился он там сапожному делу и всю жизнь так сапожником и проработал. Был дед удивительно доверчивым и порядочным

НЕ КАЗАТЬСЯ!

человеком. И частенько его за эту порядочность наказывали: жулья-то кругом тоже было достаточно. К примеру, пошлет его бабка на рынок за мылом, он сходит, купит, истратит много денег, а стирать начнут, смотрят — мыло сверху, а внутри деревяшка.

Бабка и говорит:
— Дед, ну неужели тебя люди ничему не научили?

А он в ответ ей:
— Разве это люди, бабка? Это не люди. Чему же они меня научить могут?

Или пошли однажды с дедом кино смотреть — «Два бойца». Ну, у него все деньги из кармана и вытащили. Бабка опять его наставляет:

— Сколько живешь, а все мудрости житейской не набрался. Подальше надо прятать деньги от людей.

Дед только отмахивается:
— Да что он, вор этот, счастье свое на моих деньгах построит, что ли?

Вот с такими людьми посчастливилось мне общаться в детстве, и это общение приучило меня верить в то, что порядочных людей вокруг нас гораздо больше, чем не порядочных. Только надо учитывать, что сегодня у нас изменилось отношение к нравственному облику человека и требования к нему стали гораздо выше, да и сами критерии оценки порядочности усложнились.

Конечно, и сегодня порядочность начинается с «мелочей»: уступил пожилому человеку место в трамвае, не бросай окурки на автобусной остановке, газету после себя на стадионе не оставяй, на работу не опаздывай. Это, так сказать, элементарные вещи. Но мы сегодня в своей воспитательной деятельности заботимся не только об этом, но и о многом другом, а именно: чтобы каждый человек жил с пониманием своей ответственности за дело, инициативно, сознательно относился к труду, был глубоко предан нашим идеалам.

Я целиком согласен с Виктором Розовым, который говорит о том, какое огромное значение в деле воспитания порядочности в людях имеет нравственно здоровый микроклимат коллектива.

К примеру, у нас на производстве, в рабочей среде, за чужой спиной не спрячешься, чужой славой не проживешь. У нас быстро узнают цену человеку — что ты стоишь, что знаешь, что можешь, — и если ты лентяй и пустозвон, то быстро разоблачат и, как говорится, за ушко да на солнышко — сверкай своими «добродетелями»...

Конечно, и сегодня, как и в прежние времена, тон всему задают старые кадры рабочих, ветераны. Сколько среди них по-настоящему порядочных людей! Я хорошо помню, как пришел на завод после семилетки учеником электромонтера. Поначалу учение не пошло, хотя нравилось. То ли мастер попался не очень добросовестный, то ли я был плохим учеником, то ли еще что. Только не ладилась у меня учеба долго: в основном годился только для того, чтобы подать да принести чего-нибудь. Без

этого тоже, конечно, нельзя в ученичестве, но когда я увидел, что оно затянулось, стал пропадать на токарном участке. Вот там-то другой мастер меня заметил и говорит: «Давай попробуй». Я сначала боялся — обжегся ведь уже на одном ученичестве. Но вскоре привык и поверил в своего нового мастера. Он очень много сделал для того, чтобы я стал токарем. Часто и руки болели и терпения не хватало — откуда у пацана терпение? — а он одно говорил:

— Только через терпение, только через упорство приходят успехи. Но запомни, что и они не даются один раз и на всю жизнь: их надо развивать постоянным и добросовестным трудом.

Вокруг нас, учеников, много было токарей-асов. И мы ходили и любовались на их работу, как в театре. Был такой Василий Иванович Можжев — настраивщик револьверных станков. Он и резцы помогал нам точить и скорость учил выбирать, а увидит, что у кого-то работа не ладится — подойдет, сам настраивает станок, постоит немного, посмотрит, как дело пошло, и идет дальше. Вот истинно порядочный человек был!

А ведь они, кадровые рабочие, тогда не обязаны были нас обучать, это не входило в их прямые обязанности — на это есть мастер. Широко распространявшееся сегодня в нашей стране движение наставничества, если подумать, тоже есть движение глубоко порядочных людей. Ведь именно в силу своих душевных качеств, в силу своей природной отзывчивости один человек идет на помощь другому. Должен же кто-то заниматься с ребятами, приобщать их к труду, научить с уважением относиться к рабочей профессии. Это ведь тоже очень важное качество порядочного человека — уважение к труду.

Воспитание людей — дело не простое, длительное. В этой работе у нас накоплен уже достаточно богатый опыт, применяется большое количество разнообразных форм и методов. Но, мне кажется, мы редко напоминаем людям о таком простом и привычном понятии, как **совесть**. Она тоже, на мой взгляд, является одним из основных условий порядочности человека. И в этом меня еще раз убедили письма читателей «Смены» в № 3, с которых, собственно, и началась дискуссия на тему «Что значит — порядочный человек?». Если людей гложут сомнения, как Анну М. и Виталия С., если они самокритично оценивают то, что сделали, если они обращаются к своей совести, значит, они наделены чувством порядочности. Ведь не порядочный человек никогда не обращается к своей совести. Зачем? Она у него за семью замками спрятана от посторонних взглядов.

А вообще всем нам надо почаще заглядывать в самих себя, ежедневно с предельной долей самокритики оценивать свои поступки, и тогда нам не придется прилагать каких-то особых усилий, чтобы не только казаться, а быть на деле порядочными людьми.

шло почти два месяца, но я отчетливо помню тот злополучный вечер, который все перевернул в моей жизни. Живу я на окраине. Проводив после танцев девушку, я возвращался домой. Прохожу на улице почти не было. В темноте у забора я заметил человека. Он лежал, уткнувшись лицом вниз. Я не подошел к нему, а только крикнул, проходя мимо: «Иди-ка, папаша, домой и проспись... Нечего тут валяться!» Человек ничего не ответил. Несколько раз я еще оглянулся, но он продолжал лежать. А утром мне позвонил мой бывший одноклассник и хороший товарищ и сказал, что у него умер отец. Умер ночью, внезапно, от инфаркта, когда

Среди ценностей, которые должен воспитывать учитель в человеке сегодня, мне бы хотелось особо подчеркнуть ту сумму нравственных свойств, которая называется порядочностью. Мы часто в просторечии говорим «хороший мужик», «добрый парень» и не задумываемся над тем, что эти оценки могут прийти в противоречие, если всерьез и прямо поставить рядом с этими оценками вопрос о порядочности. А порядочный ли это человек, тот, кого мы называем «хорошим мужиком» или «добрым парнем»? Как ни парадоксально, но иногда кажется, что этот хороший человек или этот добрый парень по строгому счету не заслуживает названия порядочного человека, что вы не можете поручиться за его честность, за его правдивость, за то, что у него ничего не прилипает к рукам, за то, что он окажется надежным товарищем в тяжелую минуту.

Оценивая деловые, трудовые, политические, моральные и прочие качества человека, мы порой или забываем, или недостаточно твердо держим в памяти критерий порядочности. И зря! Потому что этот критерий и простейший и одновременно важнейший в отношениях между людьми.

Константин СИМОНОВ

НЕ ПОСТУПИТЬСЯ СОВЕСТЬЮ!

Виктор РОЗОВ,
драматург

На мой взгляд, порядочность — слово очень простое и понятное. Оно не нуждается ни в каких синонимах, смысл его ясен каждому, даже пятилетнему ребенку, и расшифровывать его как-то особо, думать, нет нужды.

А вот поговорить о том, легко или трудно сегодня быть порядочным человеком, стоит. Я думаю, безоговорочно можно утверждать, что легко тому, кого окружают тоже порядочные люди. Ну, а поскольку установить всеобщую порядочность, по-моему, невозможно, даже если все до одного будут назубок знать моральный кодекс строителей коммунизма, то следует говорить о том, что и как должен делать каждый сознательный гражданин, чтобы вокруг него и рядом было как можно больше порядочных людей.

Я очень много думал над этим вопросом. С одной стороны, идеальной жизни на Земле никогда не было, нет и, очевидно, не будет. Но когда я встречаюсь с молодой аудиторией, я всегда говорю: «В разные времена жили разные люди: во времена инквизиции были инквизиторы, но в то же время были и Галилей, и Джордано Бруно, и великие живописцы, и даже великие писатели». Однако при прочих равных условиях, когда сегодня в кинотеатрах идут хорошие картины, по телевизору показывают интересные постановки, читаем мы все полезные и

добрые книги, некоторые люди вырастают отпетыми негодяями, а другие всю жизнь свою проживают по-настоящему порядочными людьми. Понятно, что здесь действует старая истина, гласящая, что «в семье не без урода», однако одно дело — родиться с физическими недостатками и совсем другое — недостатки морально-нравственные, полученные в результате неправильного воспитания. А также самовоспитания, добавлю я.

Начинать воспитывать порядочность в человеке надо не в 25 лет. И не в 20. И даже не в 15, а в самом раннем возрасте, когда личность только формируется, когда в ней как бы программируется отношение человека к жизни. В самом общем, упрощенном виде проблема решается так: чем выше к человеку требования, тем больший запас порядочности он сохранит в себе, тем больше он сможет отдать хорошего и доброму окружающему его миру.

Однако я боюсь призывать к такой порядочности, которая обрекает человека на трудное, конфликтное существование, если не порядочный человек будет при этом преуспевать. В то же время мы не можем призывать и к негодяйству: «Ах, раз с тобой так, значит, и ты можешь поступать так...» Такое, с позволения сказать, «воспитание» ведет только к порче личности. В последнее время я все чаще стал замечать примеры такого воспитания. Как же можно призывать молодых людей быть порядочными, если некоторые взрослые сами сплошь и рядом ведут себя не порядочным образом: бросают семьи с детьми, напиваются пьяными, воруют, берут взятки, хитрят на глазах у всех — это все только коверкает наше молодое поколение.

Для меня, драматурга, это большой вопрос. Когда я пишу пьесу, я долго и мучительно об этом размышляю. Каждой своей пьесой я стараюсь бороться с проявлениями не порядочности, искоренять ее из нашего общества, из наших людей. Естественно, в основе моего негодования лежит позитивная программа. Ведь пафос негодования против отдельных темных сторон нашей жизни — естественный пафос. Именно им проникнуты и слова Леонида Ильича Брежнева на XVIII съезде комсомола: «Утверждение норм и принципов коммунистической морали невозможно без постоянной и настойчивой борьбы с антиобщественными проявлениями, духовной скучностью и ее неизбежными спутниками — пьянством, хулиганством,

НЕ МОГУ СМОТРЕТЬ ДРУГУ В ГЛАЗА

Со мной произошло то, о чем я никому из близких не могу рассказать. Меня считают добрым, хорошим, отзывчивым товарищем, готовым помочь в тяжелую минуту. На самом деле все обстоит далеко не так.

Со мной произошла большая беда. Я перестал себя уважать. Это случилось потому, что я предпочел всему свой покой, который теперь обернулся для меня ужасными душевными муками, урызжениями совести. Про-

возвращался домой со второй смены. Потом мне показали место, где это произошло. Именно в том месте я видел лежащего человека. Мне рассказали, что его нашли поздно ночью и умер он в машине «Скорой помощи». Врачи сказали, что если бы их вызвали хотя бы на полчаса раньше, то все обошлось бы благополучно. Я не знаю, что написать еще. Меня постоянно мучает моя совесть, и я не могу теперь смотреть другу в глаза. Но мне хочется (теперь я это остро почувствовал), чтобы люди меньше думали о себе и больше о других.

А., Тбилиси

ТАЛАНТ ДУШИ

...Не того можно назвать человеком истинно нравственным, кто терпит над собой веления долга как какое-то тяжелое иго, как «нравственные вериги», а именно того, кто заботится слить требования долга с потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития так, чтобы они не только сделались инстинктивно необходимыми, но и доставляли внутреннее наслаждение.

Н. А. ДОБРЮКОВ

нарушениями трудовой дисциплины. Не меньшую опасность представляют и скрытые, на первый взгляд не всегда заметные проявления безнравственности. Равнодушие, иждивенчество, цинизм, претензии получать больше, чем даешь обществу,—подобные нравственные изъяны не должны быть вне поля зрения комсомола, да и всей нашей общественности.

Если маленький человек еще в школе видит—а ребята прекрасно видят и понимают все сложности взаимоотношений взрослых, все нюансы их поведения,—что учительница его не самостоятельна в суждениях и в поведении, то постепенно и он начинает смотреть на мир такими же «несамостоятельными» глазами.

Некоторые учителя литературы, например, преподают свой предмет с таким душевным безразличием, что иной ученик, даже не прочитав повесть или рассказ, говорит: «Я и так знаю, как должен отвечать». «Но ты-то сам так же думаешь?» «Нет, я думаю совершенно по-другому, но я знаю, что должен ответить так, как надо учителю, потому что его не интересует, что я думаю».

В подобную ситуацию мне недавно пришлось вмешиваться в одной московской школе. Там ученица написала в школьном сочинении, что Катерина из «Грозы» Островского никакая не героиня и покончила она с собой только потому, что у нее слабая воля. А человек со слабой волей героем классического произведения быть не может. Вот так. Мне горько об этом вспоминать, но девочку эту высмеяли на всю школу. Учительница, ребята проходу не давали: «Смотрите, мол, Белинский высказался». И девочка, растерянная и истерзанная, написала в молодежную газету, и мне пришлось публично отвечать ей, а главное, всем ее хулителям в том смысле, что если школьник не может высказать свое собственное мнение о любом художественном произведении, то, значит, атмосфера в данном классе сложилась явно непорядочная и вредная для воспитания ребят. В следующий раз девочка эта должна будет написать не то, что думает, а позже такая беспринципность станет привычной чертой ее характера.

Или вот такой случай. В школу на Сретенке пришли два корреспондента молодежной газеты, чтобы взять интервью у лучшего ученика. Вызвали парнишку прямо с урока, ничего толком не объяснили и стали задавать вопросы. Об учебе, об общественной работе, о товарищах, с которыми он учится, о планах на будущее. Парень действительно очень хорошо учился, даже занимался на подготовительных курсах в МГУ и, не зная, для чего его спрашивают, откровенно им сказал о том, что на общественную работу времени у него не хватает и что в классе много таких ребят, которые совсем не загружают себя учебой, вот пусть, мол, они и занимаются общественными делами. Корреспонденты это интервью дословно опубликовали, да еще в своем комментарии обозвали парня «антиобщественником и самовлюбленным всезнайкой». Пришлось мне с драматургом Леонидом Зориным ехать в эту школу, выяснять там все обстоятельства, вступаться за парнишку. Но значит ли что-нибудь все эти наши беспокойства по сравнению с той душевной травмой, которая была нанесена мальчику? Ведь после такого «интервью» человек может только все время настороженно

следить, а нет ли снова ловушки, и думать: лучше не скажу вообще ничего, чем скажу правду. Вот так в юной душе невольно воспитывается беспринципность—одно из худших, по-моему, человеческих качеств.

Мы обязаны постоянно разъяснять молодежи, призывая ее к тому, чтобы при любых обстоятельствах она вела себя порядочно. Нельзя мириться с теми, кто в ответ на наши укоризненные замечания говорит: «А что, я один так поступаю?» Как только такая фраза слетает с уст молодого человека, я отвечаю: «Ну хорошо, поступай и ты так же. Записывайся в непорядочные прямо с пионерского возраста, если у тебя не хватает сил и мужества противостоять хамству».

Наша молодежь сегодня сама прекрасно разбирается, что плохо и что хорошо. Но у нас, к сожалению, нет в руках волшебной палочки, и мы не можем сразу изменить нашу жизнь так, чтобы все кругом стало хорошо и все до одного были только порядочными, то есть жили согласно общепринятым нормам морали. Однако мы можем и должны обращаться персонально к каждому: постарайтесь не сдаваться, постарайтесь не калитировать перед непорядочными людьми, не вступайте в их ряды, не говорите: с волками жить—по-волчьи выть, и тогда нас станет много и непорядочные люди будут нас бояться.

Когда я учился в театральной школе, у нас на курсе люди были в подавляющем большинстве, бесспорно, порядочные. И поэтому жилось нам всем хорошо, жилось дружно. У нас сама атмосфера была такова, что непорядочный человек просто вынужден был ломать свой характер. Вот что очень важно для формирования личности—коллектив, в котором такая атмосфера. То есть хороший в нравственном отношении микроклимат. Микроклимат класса, цеха, завода, научного учреждения.

Если в человеке заложено либо природными генами, либо воспитанием в школе, либо примером бабушки, бабушки, родителей сопротивление всему плохому, если активная жизненная позиция стала внутренним убеждением человека, то он будет способен противостоять любым проявлениям непорядочности. Помните пример с Джордано Бруно: ведь согласился он в конце концов с инквизицией, что она, Земля наша, не вертится, и дождался бы до своей естественной смерти, я в этом не сомневаюсь. Но не сказал, не поступился истинной, не изменил своему пониманию порядочности...

ОТКУДА БЕРУТСЯ НЕПОРЯДОЧНЫЕ?

Удивило меня поведение большого ученого, о котором рассказывается в очерке «Как выяснять отношения». Не берусь судить о его научных заслугах, но уверен, что как человек он поступил непорядочно. Некоторые люди, пока ходят в рядовых работах, приветливы и разговорчивы с сослуживцами, но только выбывают в начальники—смотришь, носы задрали и видят уже не каждого и здороваются не с каждым. К сожалению, не все выдерживают испытания должностью. Бывает, вылетит фраза: «Некогда мне. Много вас, а я один!» Вот такое равнодушие к ближнему и

Игорь ВЛАДИМИРОВ,
народный артист СССР,
главный
режиссер Ленинградского
драматического театра имени
Ленсовета

ля меня порядочность человека начинается не с каких-то глобальных и высоких качеств, а с самых обыкновенных и простых, которыми руководствуемся мы ежеминутно, на каждом шагу нашего бытия. Не берусь со всей исчерпывающей полнотой и точностью назвать эти качества, но думаю, что самые важные из них—это доброта, честность, справедливость, чуткость, отзывчивость, самокритичность. Мне кажется, что именно эти качества прежде всего надо воспитывать в только еще формирующейся личности.

Я как-то обратил внимание, что в последнее время уходит мода на очень известных и популярных некогда драматургов, в пьесах которых поднимаются сложные проблемы науки, в частности атомной физики. Люди с огромным интересом бросились тогда в зрительные залы смотреть, как на сцене физики и химики вместе с политиками размышляли о судьбах мира и будущих цивилизаций. Сейчас эти пьесы повсеместно отошли на второй план: зритель очень быстро понял, что в исследовательские планы физиков и химиков он вмешиваться не может. Но он может бороться с непорядочными людьми—физиками, химиками, политиками. Вот почему сегодня в театре произошел поворот в сторону пьес, рассказывающих о человеке и его духовном мире с доверительностью и уважением, которые зритель любой страны понимает и ценит, утверждающих такие простые общечеловеческие понятия, как дружба, любовь, нежность. Есть сегодня дружба? Есть, конечно. Любовь есть? Бесспорно. Нежность есть? Есть. Но людям надо не только в жизни иметь, но и со сцены получить подтверждение того, что есть друзья, которые подадут руку, когда будет трудно, что есть любовь между мужчиной и женщиной и любовь к детям, способная—только она одна—остановить то безумие, которое может свалиться на супругов, задумавших развестись, что есть нормальные порядочные люди, которые живут не только для себя и в свое удовольствие, а живут, делая что-то благородное, полезное и доброе для других.

Вот сейчас я вынужден отчислить из

театрального института, с курса, который веду, четверых студентов. Моя совесть, мой театральный опыт подсказывают мне, что я должен это сделать: ведь артист—фигура общественная, так зачем же плодить плохих артистов, которые своей работой не принесут никакой пользы окружающим... Со стороны этот мой поступок может показаться непорядочным: смотрите, мол, взял и отчислил—ребятам жизнь испортил, у матерей сердечные переживания...

В то же время я понимаю, что могу дать им возможность доучиться и тем самым утешить и убаюкать родителей и их родителей. А что мне до этого—ну, будет еще четверь плохими актерами больше...

И все-таки я отчисляю их, потому что внутренне абсолютно убежден в правильности и справедливости этого решения. И потому считаю, что совершаю порядочный поступок, ибо руководствуюсь пользой не для себя, а для окружающих.

Если человек уверен в своей правоте и может доказать это другим людям, он абсолютно порядочный. Если же он не может доказать правомерности своего решения и не исправляет свою ошибку, то он становится непорядочным. Но если он признает свою ошибку и стремится ее исправить, то этот поступок тоже делает его порядочным, ибо мы все прекрасно понимаем, что человек не может не ошибаться. Вот, по-моему, в осмыслении всех этих «если» и нужно искать ответ на вопрос: «Что значит—порядочный человек?»

За свою жизнь в искусстве я сыграл много разных ролей в кино. Большинство персонажей, которые я играл, были люди порядочные. И все-таки диалектика понятия «порядочность» наилучшим образом проявилась в образе крупного инженера Губанова из фильма «Наш современник». Губанов—начальник большого строительства, но не администратор, а творческий человек. Он знает, что стране, как воздух, нужна продукция, которую должен выпускать строящийся под его руководством комбинат. Условно в фильме эта продукция называется казан, а на самом деле имеется в виду каучук. Губанов понимает, что тот казан, который он будет выпускать, ниже мировых стандартов, но страна задыхается из-за отсутствия этого очень необходимого разным отраслям промышленности материала, закупаемого пока за рубежом. И, совершенно искренне веря в то, что стране нужен и такой казан, а ждать, когда будет разработан способ производства лучшего казана, нельзя, нет време-

ть проявление самой элементарной непорядочности.

Откуда же берутся непорядочные люди? Можно, конечно, взять в качестве ответа на этот вопрос известную поговорку: в семье не без урода. Да, иные пороки свойственны людям от природы, однако культура любого человека все-таки закладывает воспитанием, и прежде всего воспитанием, которое осуществляется до 16—18 лет. Нравственные основы, заложенные в процессе воспитания, являются фундаментом всей дальнейшей жизни человека.

Детям, подросткам в юные годы свойственно подражать, подпадать под влияние других, бывает, не самых лучших, зато более «ярких» натур. Попадал под такое влияние и я с

товарищами. Порою нашими «хумирами» становились те, кто играл в карты, кто знал многое о том, о чем мы еще и понятия не имели, кто уже попивал вино. Сейчас мне кажется это смешным, но кое-кого из нас вино-картежное болото засосало, к сожалению, надолго... Или такой пример. Удивляюсь,—сказала как-то при мне пожилая женщина,—была недавно на «барахолке». Раньше, бывало, мужика-то не затацишь туда, чтобы купить-продать, совместно ему. А теперь что? Молодые парни—кровь с молоком—стоят и торгуют женскими дубленками и сапогами. И не совестно им—считают это в порядке вещей. Непорядочно как-то».

Проходишь мимо некоторых теле-

ни,—он берется за строительство и совершает тем самым неординарный поступок. Повторяю, совершает он его вполне искренне, без каких-либо намеков на собственную выгоду из всего этого дела, а только стремясь к тому, чтобы освободить страну от бремени зависимости от иностранных фирм.

В этот момент появляется человек с новым проектом комбината—помните, его великолепно сыграл Николай Плотников,—и Губанов видит, что комбинат, выстроенный по этому проекту, будет давать продукцию на уровне мировых стандартов. Перед Губановым встает проблема признания совершенной им ошибки. А самое главное—признание того морального ущерба, который наносит подобное строительство: подняли людей на великую стройку, люди бросили насиженные места и приехали с семьями, а комбинат, выходит, никому не нужен в таком виде.

Почему я считаю Губанова глубоко порядочным человеком? Потому что он находит в себе силы и мужество открыто и прямо на заседании Совета Министров СССР признать свою ошибку, а не старается сделать так, чтобы виноваты были другие, но только не он.

Мне могут возразить: ничего себе порядочный—поднял тысячи рабочих с семьями, те приехали и построили комбинат, который будет выпускать неизвестно что, истратил 40 миллионов государственных денег, а теперь берется перестроить комбинат по-иному. И тем не менее я утверждаю, что он порядочный человек, ибо он признает свои ошибки, а значит, в последующем их не совершит. Мы же знаем, к сожалению, что гораздо больше, чем нам хотелось бы, людей не любят вообще признавать своих ошибок. И совершают любые «вольты», зачастую еще более неординарные, чтобы об их ошибках никто не узнал. Кроме того, признание своей вины будет стоить Губанову понижения в должности до рядового инженера. Но он об этом не задумывается, он хочет только одного—исправить свою ошибку и построить новый комбинат. Вот поэтому я считаю его глубоко порядочным человеком.

Почему некоторые строительные руководители принимают—как правило, в конце года—в качестве готовых незавершенные объекты и здания? Чтобы в них побыстрее вселились новоселы? Нет. Чтобы освободить руки родителям, которые ждут не дождутся, когда откроется новый детсад? Нет. Так в чем же дело? Я знаю под Ленинградом кемпинг, который был принят комиссией в качестве готового объекта досрочно, а в нем еще нет... полов. Руководители строительного треста совершили неординарный поступок во имя порядочных, как они считают, целей: как же, ведь приближался конец года, рабочие остались бы без премии, трест не стал бы победителем соревнования с другими подобными себе организациями...

Помните фильм «Коммунист»? Губанов-отец был героем во всех отношениях: бескорыстный, честный, рыцарь революции, собственной жизнью заплативший за то, чтобы дело ее побеждало,

человек, тоже совершавший ошибки, но ошибки эти шли у него от искренности и безоглядности. Следующее поколение Губановых, получившее уже высшее образование, стало больше задумываться и соизмерять свои мысли и чувства с реальной действительностью. И зрители по праву сочли героем и Губанова сына. Не меньшим героем, а может быть, и большим считали они и Ниточкина. Он—полный бесребреник. Всем своим существом, всеми своими действиями он доказывает, что совершение поступков без преследования личных, корыстных целей и есть основное качество порядочного человека. И если я отказываю четверым своим студентам в праве и дальше учиться в театральном институте и быть потом плохими артистами, то я думаю, что совершаю порядочный поступок, ибо, поступая так, я ничего себе не присваиваю. Вот в таком понимании порядочности, очевидно, тоже есть своя правда.

Не могу не сказать несколько слов о фильме «Д'Артаньян и три мушкетера», который недавно прошел по телевидению и о котором довольно обстоятельно высказался на страницах «Смены» ее читатель Юрий Леонтьев.

Вы посмотрите: французы выпустили две версии «Мушкетеров», итальянцы—одну, американцы—одну, потом французы снова вернулись к этому сюжету. Итого—пять версий...

И, наконец, одесская версия. Почему все-таки одесские кинематографисты решились снимать этот фильм? Да потому, что понимали: публика хочет видеть д'Артаньяна. А почему она хочет? Потому что д'Артаньян—очень порядочный человек.

Причем в своей порядочности он исключительный максималист—качество, довольно редко встречающееся в современной жизни. Представьте себе: мы с вами поспорили, я вас вызвал на дуэль, и из нас двоих кто-то должен быть убит. Я выбил у вас шпагу из рук, вы остались без оружия, но я отхожу в сторону и жду, когда вы возьмете шпагу, чтобы снова продолжить поединок. Представить себе такую картину действительно трудно, потому что сегодня, если ссора доходит до драки, дерутся не на шпагах, а просто один из дерущихся ударяет противника сначала в пах для того, чтобы тот потерял ориентировку, а потом бьет его по голове ногами. Он и не подумает дожидаться момента, когда человек встанет и сможет продолжить поединок на равных.

Д'Артаньян—образец благородства, честности, храбрости, долга. Читатели и зрители знают это и хотят лишней раз убедиться в том, что он может проскакать всю Англию и всю Францию для того, чтобы доставить королеве бриллиантовые подвески, защищая ее честь от кардинала, которого все не любят.

Вот эта черта характера д'Артаньяна—увидел несправедливость и остановился, чтобы защитить,—и есть проявление порядочности.

Сегодня у нас в театре идет пьеса Александра Белинского «Пятый десяток». Она утверждает, что нет маленьких людей, нет незначительных профессий. Есть порядочные люди и есть неординарные, с которыми надо бороться. И скромный библиотекарь в маленьком городке—ее играет народная артистка РСФСР Алиса Фрейндлих,—которого любой может обидеть, тоже очень важный для нашего общества человек, потому что она находит в себе достаточно мужества, чтобы сказать всю правду в глаза заезшему московскому журналисту, цинику и бездарии. Вот это мужество, по-моему, и делает ее в глазах зрителей в высшей степени порядочным человеком. Человеком, нравственно достойным нашего общества.

**ЖДЕМ
ВАШИХ
ПИСЕМ!**

Евгений КАРАСЕВ,
Омск

Любовь БУТКОВСКАЯ

Не стало нашего доброго, милого, общительного товарища—корреспондента журнала «Крестьянка» Любы Бутковской.

Неизбывную память оставила она о себе и о своем труде. Ее литературный талант был отмечен премией Союза журналистов СССР за 1979 год. Солнечным днем 5 мая, в День печати, мы все узнали о том, что Любовь Григорьевна стала лауреатом, а утром 6 мая она скончалась.

Когда близкий товарищ трагически уходит от нас, мы порой не скучаем на звучные слова: «прекрасный», «щедрый души»... Но вот еще и еще раз вчитываешься в стихи Любы—и понимаешь, чувствуешь: их мог написать только светлый, только талантливый, только щедрый души человек.

Прочтите их и вы.

И можно буквы знать
И не уметь читать.
Уметь читать
И грамотным не быть.
Быть грамотным
И ничего не знать.
И много знать
И умным не прослыть.

Восемь часов утра.
Желтая луна.
Сияющий полукруг
Еле светит вокруг.

Восемь часов утра.
Легкая голубизна
Серый теснит рассвет,
Как провозвестник дня.

Восемь часов утра.
Нехотя ночь уступает права.
На запад ползет темнота,
С востока идет заря.

Восемь часов утра.
Январские холода.
Поземкой бежит зима.
Дорогу заносит снега.

Мы—листья.
Мы каждой весной
Вырастаем на дереве жизни
И тянемся к солнцу навстречу.

Мы—листья.
Мы дерево летом питаем.
Желтеем мы осенью,
Холодной зимой отмираем.

Мы—листья.
Уходим в безвестность,
Исполнив свое назначение.

Мы—листья,
Псковские, тверские,
Московские и новгородские.

Мы—листья,
Но мы—родовые!
Нас дерево снова и снова
На солнце выносит.
Нас миллионы,
И все мы—похожи.

Теснятся образы.
Виденья чередой
Живыми красками проходят
Перед взором.
Я снова вижу Псков.
Печерский монастырь

и дым,
Широкий веером
закрывший
небосклон.

И синих куполов талпу.
С небес сошедшую залпу.
И солнца отблеск

в золоте крестов.
Я слышу перезвон колоколов,
спокойно возвещающих
о мире.

И запах терпкий стойких трав
Вдыхаю в городе,
где гарь
смешалась
с пылью.

Но прикоснувшись
к матери-земле,
К России, уходящей в глубину
истории корнями,

Я забываю о своей беде,
И будни серые я в праздник
Жизни превращаю.

Слова, слова—изящные стрекозы,
И быстрые, как горный водопад,
Высокие, как каменные горы,
И нежные, как зелень первых трав.
Слова, слова—весомые, как зерна,
Пустьные, как от зерен шелуха,
Веселые, как зайчики, рожденные
от зеркала и солнца,
И грустные, как осенью поля.

Слова, слова—опасные, как пуля,
как яд,
Несущие нам смерть.
И как вода живая, панацея—
от огнестрельных ран
И от смертельных бед.

Слова, слова—мы говорим их просто.
Подчас не думая, о чем мы говорим.
Как воду льем их там,
где уж воды не нужно,
Храним их там, где нужно бы полить.

Бежим от слов, как от опасной боли.
Бежим к словам, спасаясь от смертей.
Слова есть мы.
В слова мы обряжаем
невидимый другим
Наш тайный мир души.

фонов-автоматов и видишь обрывки проводов—трубки оторваны с корнем. Чаще всего это дело рук подростков. Конечно, это хулиганство, но что предшествовало ему? Чаще всего полнейший педагогический вакуум в воспитании, в формировании личности подростка. А ведь учатся эти подростки в наших школах, воспитываются в наших коллективах. Значит, в свое время в их нравственном воспитании что-то было упущено, где-то было проявлено безразличие, равнодушие старших к неблагоприятным поступкам. На мой взгляд, вот это равнодушие и является основной лобой неординарности...

СКОМОРОШЕК

1

Жил да был Скоморошек, сынок скомороха Терентия да скоморошихи Милены. Жили они сегодня здесь, а завтра там. Вместо дома была у них телега, вместо деревни еще три телеги, а в деревеньке той на колесах жили-поживали: бахарь Красное Солнышко, хороводницы да затейницы Лукерья с Аленой, домрачей Гриша, троица мотальников, Втор, Третьяк да Ждан, и Вожатый Лукомор Лукоморыч с учеными медведями Агеем, Агейкой и Аграфеной.

То-то веселая деревенька «Ищи ветра в поле!».

А на скоморохов в те поры гонения от царя были. Повелел царь свести скоморошье племя с лица русской земли, чтоб в дудки да в сопелки никто на русской земле не дудел, не сопел, медведей напоказ не водил, Петрушкой раешным не смешил, чтоб все люди жили смиренно и чинно. Чего гоготать-то попусту?!

До больших городов царские указы на тройке скачут, а до деревни-матушки пешим ходом идут. Вот веселили скоморохи почтенную публику в селе Березайка. Натянули мотальники веревку между телегами и давай по веревке ходить, прыгать, кувыряться, и все им нишпочем. А потом бахарь Красное Солнышко сказки баял, да все складные:

— Стучит-брячит по улице, Фома едет на курице, Тимошка на кошке, а сам я на мошке. «Куда, Фома, едешь? Куда погоняешь?» «Сено косить». «На что тебе сено?» «Коровок кормить». «На что тебе коровы?» «Молоко доить». «На что тебе молоко?» «Деток поить».

— Проснулся мужик в полночь, глядь — солнышко на небе. Пошел во двор волку овсеца задать, а овечки из лесу прибежали да и загрызли серого. Схватил мужик хворостину да кинулся овечек наскрозь проткнуть. А навстречу мужику петух на лисе. Оброк везет: соболя шапка на ножки, на голову сафьяновые сапожки, кафтан бархатный на ручки, рукавички на белое тело. «Батюшки!» — закричал мужик да из подполья-то бряк на печку!..

Одну прибаутку за другой сыплет бахарь Красное Солнышко.

*— Жали мы, жали,
Жали, пожимали,—
Жнеи молодые,
Серпы золотые!*

Тут Лукерья с Аленой выбежали, ребятешек да девок за руки взяли и пошли по лужку хоровод водить с песнями:

*— А как шли кони по улице,
А чем они, кони, попутаны?
А попутаны они золотым путем
Под копытом да под серебряным.
Скачет заяка-заплутайка,
Травку рвет шелковую,
Что вырвет,
То в пучок!*

Тут сразу все и присели, а кто не успел, тому плясать.

*— У медведя на бору
Грибы-ягоды беру!
Медведь постыл
На печи застыл!*

— Кто сказал — постыл? Кто сказал — застыл? — вышел на погляд Лукомор Лукоморыч с медведем Агеем, с медведицей Аграфеной да с медвежонком Агейкой. Схватился Лукомор Лукоморыч с Агеем бороться, Скоморошек — с Агейкой, а медведица Аграфена голову лапами закрыла да и бежать. Принесла ведро воды — бух на Лукомора Лукоморыча с Агеем. Второе принесла — а Скоморошек да Агейка кувырком в разные стороны.

Сели медведи рядком, вышел к ним домрачей Гриша, на домре заиграл. Медведи головами закутили, лапами засучили, поднялись да и пошли танцевать: Агей вприсядку, Аграфена павою, а Агейка все через голову.

Разобрали скоморохи рожки, сопелки, бубны и давай играть, на руках ходить, а скоморох Терентий нескладницы говорил:

— Я с высокого забора прямо в воду упаду. Ну кому какое дело, куда брызги полетят!

— У Боярина пупырь растет, а у мужика живот к спине прилип.

— Молился поп, трудился поп, уходился поп. В двери не пройдет, а в ворота пойдет — столбы трещат.

Натешились люди вдосталь, пришел черед Милены петь песни по-словьяному:

*Цвели в лужках цветики, да поблекли,
Любил меня миленький, да спокинул.
Спокинул, душа моя, ненадолго,
На малое времечко — на часочек,
Часик-то мне — за денечек,
А денек-то — за неделку.*

Уж как запоет матушка Скоморошиха, так все и притихнут, а Скоморошек и совсем замрет — больно уж сладкие песни!

Глухарь, когда поет, охотника не чувствует. Вот и люди заслушались Милену и не углади приставы. Коляска у него легонькая, так и вспорхнула на лужок. Пристав подошел к домрачю Грише, вырвал у него домру да через коленку — хрум, а другие приставы принялись сопелки, рожки, бубны у скоморохов выхватывать — и под каблук.

Много-то не куражились. Главный пристав ножкой на Терентия топнул, ручкой тыркнул:

— Геть! Чтб духу вашего не было аж за двадцать верст отсель!

Покидали скоморохи пожитки в телеги, стали коней запрягать, а жители Березайки, жалеючи потешных, принесли им на дорожку кто что мог: пирогов,

горшок молока томленого, овсеца лошадям, мучицы людям, иные денежку не пожалели. Даже поп к скоморохам подошел, был он и впрямь колобок, и на Терентия не осердился:

— Бог вам в помощь, ребята! Я и сам веселие люблю. А вот поди ж ты! Сурьезные, знать, времена наступают. Не шутейные.

2

На берегу реки стали на ночь лагерем скоморохи. Под телегами спать легли. А ночь была теплая да светлая. Скоморошек смотрит на луну, и она на него глядит, щеки надувает. Сама все светлей да светлей — того и гляди прыснет и расхохочется.

И когда только глаза сон смежил?

Проснулся Скоморошек, а он уже не под телегой, а в телеге, лошади запряжены, Лукомор Лукоморыч с медведями вперед ушел, солнышко над лесом, а мама Милену полную махотку малины принесла из леса.

— Тебя только и ждем! — сказал ей строго Терентий и крикнул лошадам: — Родимые!

Лошади пошли, колеса зашкрипели, а Терентий поманил сънишку к себе поближе и показал ему на лохматый, сукастый дуб.

— Видишь?

— Вижу.

— Запомни! В дупле спрятал я скомороший сундук. Придет время, люди опомнятся, и снова будет наш брат желанным гостем на любом празднике. Речку-то, знаешь, как зовут?

— Да будто Киржач! — сказал Скоморошек.

3

Ехали дорогами заросшими. Где бурелом разбирали, где топь гатили. Пять дней ехали по лесам. Приуныли веселые скоморохи. Стали роптать на Лукомора Лукоморыча:

— Куда завел? Уж не к Лешему ли эта дорога?

Последнюю ночь и не спал никто. Сова кричат, звери режут. Ветер поднялся: лес трясня-трясется.

— Ох, Лукомор Лукоморыч! — заплакали Лукерья да Алена. — Как чуяло сердце, так и есть. Это он по лесу-то гуляет.

Дождались света, коней в оглобли — и ходу, обогнав Лукомора Лукоморыча с медведями его.

Только раскатились, а лес-то и кончился. Поля, луга, вместо горизонта косогор, а на косогоре село, купола на трех церквах золотые — богато живут.

Скоморохи на краю леса выпрягли лошадей, оставили Скоморошка Лукомора Лукоморыча дожидаться, а сами налегке пошли в село: на пропитание заработать.

Скоморошек с корзиной по краю леса бродит, грибы собирает, ягоды в рот кладет, а ягода здесь попадалась кисленькая, с косточкой — костяника.

Тут как раз и Лукомор Лукоморыч пожаловал. Залег в тенечке с медведями подремать, а маленькому Агейке не дремлет: то Лукомора Лукоморыча в нос лизнет, то медведице Аграфене лапой бок пощекочет, а к батюшке Агейке не приставал — у батюшки лапа, ох, тяжелая!

— Скоморошек! — взмолился, разомлев, Лукомор Лукоморыч. — Возьми, бога ради, Агейку. Поиграйтесь.

Скоморошек рад. Сперва сам на Агейке верхом скакал, потом Агейка на Скоморошке. Умаялись — пошли на березах спускаться. На краю леса березы росли, молоденькие, гибкие. Заберешься на вершину и летишь до самой земли: душа в пятках шевит, попискивает.

Агейка раз спустился — хорошо, а на третий — хлоп в муравейник! И заурчал от удовольствия. Медведям муравьиные яйца после меда — первое лакомство.

И вдруг лай, вой! Выскочили из лесу собаки, целая свора. Агейка подхватился и бежать. Да хоть в лес бежал бы, глухой! А он — в поле. Медведица учуяла беду — за медвежонком, за медведицей — Агей. А из лесу еще свора, за сворой боярин с охотниками.

Лукомор Лукоморыч кинулся медведем от беды уберечь: бежит, кричит, руками машет.

А боярин молодой конем старика с дороги своей смахнул и охотой на ученых зверей тешился.

Агей лапами собак расшвыривает, а медвежонка за собаками и не видать: на части рвет. Аграфена — на дыбы, на охотников пошла. Хватила обеими лапами коню по спине — конь и надломился, охотник успел в рожь нырнуть. Бьется на земле, с губ пена кровавая, тут в Аграфену пальнули — и в рогатины.

Закричал Скоморошек тоненьким голосом, да так закричал, что на дальних колокольнях медь колоколов задрожала.

— Уби-и-и-и-и-и-и!

Оглянулся боярин на крик.

— Ату скоморошье племя!

Скоморошек — на березку, а березка — только бы кататься так — и понесла к земле. И собаки вот они!

Не выдала, слава богу, березка. Висит Скоморошек, собаки прыгают, а не достают.

Боярин подъехал, глядит представление.

— Коли не упадешь, мальч, пока медведя твоего до смерти не затравят, — твое счастье.

Рисунок
Натали и Геннадия НОВОЖИЛОВЫХ

Агей матерый был медведь, половину своры передошил, его колют рогатинами, а он до врага через саму смерть добирается. Добрался—таки! Подмял сразу двух охотников, обнял четырьмя лапами и жмет. Ему и сердце уже проткнули, а он жмет.

И у Скоморошка дело плохо. Висит—не дышит. Березке тяжело, держит мальчишку, а силенки у нее слабеют. Опускается вершина ниже и ниже. Вот уже собачье дыхание на пятках.

С поля закричали:

— Готов! Скачи, боярин, сюда! Готов!

— Антип с Прощкой богу душу отдали!

— Твое, мальи, счастье!—сказал боярин Скоморошку, сам румяный, синеглазенький, лицо улыбочатое.

Кликнул свору и через поле в село поскакал.

А Скоморошек висит и рук не может разжать. Охотники за товарищей погибших рассердились, пошли коней ловить, телеги ломать. Отпустила тут береза Скоморошка, упал он на землю и в лес уполз от охотников подальше.

4

Стояли скоморохи у разбитых своих телег. У каждого котомочка, а в котомке—что грабители не унесли. И Лукомор Лукоморыч с ними стоял, за грудь держался.

— Вот и кончилось веселье на Руси-матушке. Может, последнюю искорку затоптали.

Так сказал Терентий, заплакал и пошел по кругу обнимать и целовать троекратно на прощание товарищей своих.

Порешили скоморохи разойтись куда глаза глядят. Попрощались, стали крутом, положили руки друг другу на плечи, покачались туда-сюда, чтоб кручину свою согнать, вскрикнули разом да и пошли на все четыре стороны.

Идут, под ноги глядят и только перекрикиваются:

— Эй!

— Эгей!

— Э-ге-гей!

А голоса все тише, тише.

— Стойте!—сказал Скоморошку да Милена Терентий.—Не слышать. Не слышать голосов-то.

И кинулся вдруг назад, и Милена со Скоморошком за ним побежали. И вот ведь

какое диво! Все собрались у разбитых телег. Одного Лукомора Лукоморыча нету. Вспомнили, куда пошел,—и догонять. А старик на земле лежит, о медведях своих бредит. Вырубили скоморохи слуги, сделали носилки и понесли Вожатого по очереди, понесли по дороге, какая под ноги сама легла.

Шли—помалкивали, а глядели друг на друга так, словно век не видались. Скоморохи друг по другу скучливые.

5

Поселились они в городе, в Закудыкиной слободе. Три дома поставили. В одном жили Терентий, Милена, Скоморошек и Лукоморыч, в другом бахарь Красное Солнышко с Лукерьей да Алена с домрачеем Гришей, в третьем Втор, Третьяк да Ждан.

Лукомор Лукоморыч лапти плел, травками больных лечил, Терентий в звонари определился. Бахарь с домрачеем—в цирюльники, а Втор, Третьяк да Ждан—в плотничью артель.

Женщины промышляли гадаьем, стиркой, торговали на базаре щами, ну а Скоморошек рос да подрастал.

Зима легла в ноябре, в день Федора Студита, а всякому известно: на Федора Студита и холодно и сердито.

Жили скоморохи, поживали, а под рождество не утерпели, собрались все вместе в доме у Терентия. На рождество—самое веселье. Парни и девки колядуют, а у скоморохов—иные затеи. Они бегали по ночным улицам с огнем до самого рождества. Бороды себе мазали мелом, чтоб не спалить, на головы напяливали колпаки из бересты, бегали, играли на дудках, у путников выкуп требовали, а кто не даст, тому бороду подпалят.

Новый царь скоморошью игрища запретил. Вот и раздумались скоморохи: — Да неужто русские люди согласны жить без песен, без игрищ, без затей и смеха, по-мышинному?—спросил товарищей своих Терентий.

— Не бывать этому, пока я, старый, жив! А помру, как хотят!

Так ответил за всех Лукомор Лукоморыч и принялся мастерить березовую шапку.

6

В том городе воеводой был боярин молодой, тот самый, что медведей у скоморохов затравил.

Скукой исходил боярин на воеводстве в маленьком городе. А тут ему и донесли: «В Закудыкиной слободе объявились скоморохи. Люди по ним соскучились,

навстречу высыпают, хлебом-солью угощают, вместе с ними в снегу катаются, огни палат, ночь пугают!»

«Эх, с ними бы побегать! — подумал про себя боярин и тотчас и решил: — А чего бы и не побегать? Под харей* не узнают».

Велел воевода самым надежным слугам вывернуть шубы наизнанку, намазаться сажей, взять вина да еды всяческой и в Закудыкину слободу идти.

Долго искать скоморохов не пришлось, сами на боярина выскочили, давай огнем грозить, денежку просить. Окружили, скачут, в бубны бьют — веселые люди!

— Откупаюсь пиром честным, если к себе принимаете! — крикнул боярин.

— Принимаем! — согласились скоморохи, повели боярина в избу Терентия, стали пить, есть, песни играть.

Боярину в тепле жарко, сбросил он с себя харю, тут Скоморошек и узнал гостя. Как ему было не узнать?

А Лукомор Лукоморыч не признал. На поле том несчастным он боярина и разглядеть не успел, вот и веселился теперь пуще других.

— А хочешь, — говорит, — гостюшко наш желанный, твоим слугам глаза отведу?

— Отведи! — радуется воевода. — Погляжу, устоят ли мои слуги перед твоим чародейством.

Слуг у воеводы трое было. Все трое рядом сидели на лавке, да как подскочат вдруг. Ноги поднимают, полы шуб подхватили.

— Вода! Господи, вода!

На лавку полезли, с лавки на стол.

Смеется воевода. Две полтины достал: одну Лукомору Лукоморычу, другую Терентию.

— Потешили на славу! — И на Скоморошка поглядел: — А ты чего умеешь?

У Скоморошка сердечко так и встало поперек груди кольшком.

— Загадки загадывать могу.

Удивились скоморохи, глядят на мальчонку, а тот встал посреди избы и говорит:

— Отгадай, боярин, первую: «Пошел я на тухтахту, а навстречу мне валухтухту. Кабы не потяф-тяф, так бы меня в живе не было». Кто это?

— Медведь. Давай чего-нибудь позаковыристей.

— Пусть по-твоему будет, боярин. Слушай другую загадку: «Корова комола, лоб как ворота, глаза узеньки. В стаде не пасется, в руки не дается».

— Опять же медведь!

— И на этот раз твою взяла, боярин. Может, и третью загадку отгадаешь: «Ванька малый, где ты был? В зубчатом городе. Что видел? Алхирия. В чем он? В черной шубе и кольцо у губы!»

— И эта загадка про косолапого!

Поглядел тут боярин на Скоморошка, и кровь с его лица схлынула.

Лукомор Лукоморыч из-за стола поднялся и тоже как печка побеленная.

Неведомо куда покатился бы тот пир, только дверь вдруг — настежь, и вбежали в избу стрельцы с пищалями да с бердышами, а за ними пожаловал архиепископ. С крестом вошел.

— Схватить сатанинское племя — противников божьей и царской воли!

— Да я уже схватил их, святой отец! — воскликнул воевода.

Тут же в избе сковали одной цепью веселых скоморохов, а Скоморошка оставили.

— Твое счастье, малый! — подмигнул ему воевода. — Ты меня пуще других развеселил.

— Куда маменьку уводишь, папеньку, Лукомор Лукоморыча? — закричал Скоморошек.

— У них дальняя дорога. В Сибирь пойдут, — сказал воевода и приказал стрельцам: — Гони в шею!

Обняла Скоморошка Милена — отняли от сына, за дверь вытолкали. Потянулся к Скоморошку Терентий — по рукам Терентия бердышем ударили, а Лукомор Лукоморыч растопырился, застрял в дверях и сказал-таки прощальные слова:

— Ступай, Скоморошек, в люди! Да не забудь, какого ты рода-племени! Развеселого да певучего!

Тут и Лукомора Лукоморыча выперли из двери.

7

Укатились в море весенние воды, оделись в новый кафтан леса, и пришел на реку Киржач к лохматому дубу Скоморошек. Достать из дупла сундук — силенок не хватило. Приоткрыл он крышку, взял, что рука достала, а достала рука дудочку и колпак с бубенцами да шарик. Его скоморохи в рот кладут, а из уха вынимают.

Подумал Скоморошек, подумал и решил, что довольно с него на первый раз.

Пошел он по деревням да по селам, по базарам да по ярмаркам. На дудочке заиграет, а ноги — и так и этак сами собой танцуют. Шарик Скоморошек проглатывал, а доставал у ротозеев: у кого из сапога, у кого из шалки, а у кого за пазухой найдет. Колпак с бубенцами Скоморошек надевал на сонных улицах. Пробежит из конца в конец, позвенит, люди и встрепенутся:

— Никак скоморохи!

Высыплют на улицу, а вместо скоморохов — Скоморошек.

— Беденький ты, беденький! — скажут.

А Скоморошек как на дудочке-то заиграет, как побасенку-то сказанет... Люди и схватятся за животы.

— Уморил, пострел! Вконец уморил!

А на прощание Скоморошек пел песенку.

Цвели в лужках цветики, да поблекли.

Любил меня миленький, да спохнул.

Спокинул, душа моя, ненадолго.

На малое времечко — на часочек.

Голос у Скоморошка звонкий — жаворонок и жаворонок.

Пойдет он с колпаком своим по кругу, соберет, чего людям за песни его, за смешинки не жалко, поклонится народу честному до самой земли и пойдет себе, птица вольная. Бабы слезами умываются, вслед ему, малому, глядя. А Скоморошек на околице обернется, помажет людям колпаком с бубенчиками да и сыграет на дудочке «посошок».

Зальется дудочка, с эхом заиграется, с шумом лесным перепутается, и долго будут люди смотреть на дорогу, а на дороге-то уже никого.

* Харя — маска.

Олег БЕЛИКОВ

Ты среди зимы

Зима,

неутешительны прогнозы:
Опять пурга, мороз — до сорока...
Вдруг ты возникла

веточкой мимозы,
Расцветшей и застуженной слегка.

Не отойдя от внешнего кипенья,
Ты замкнута,

задумчива,
грустна —

Неповторимы прежние мгновенья,
Недостижима прошлая весна.

Изнеженная ласковыми днями,
Словами, что внимания полны,
Живешь минувшим —

солнечными снами,
Но долго ль могут продолжаться сны?

Тебе б от сновидений оттолкнуться,
В приход весны поверить горячо,
В любовь,

как в море,
снова окунуться.

«...А до весны — два месяца еще».

Шахтеры

Тех,

кто к труду подземному причастен,
Заботят мало

слава,
похвала;

У них свое понятие о счастье:
Добыча людям света

и тепла.

Похожа шахта
на огромный улей,

Но пыль от угля —
это не пыльца...

Любовь к земле
у нас не потому ли,
Что быются в ней

шахтерские сердца.

В плену простора

Я попал в отливную волну,
Отдаляясь, тает побережье.
Страшно у простора быть в плену,
Вырваться — нет сил и воли прежней.
Надо ж так —

ведь был не слеп, не пьян,

Видел,
лишь на вид волна красива,
Что ж меня толкнуло в океан

В этот час коварного отлива?
Был азарт тягаться

«кто — кого?»,
Волновало вечное движенье...
А волна взяла меня всего,

Приближенье
стало пораженьем.

Как несложно берег потерять,
Ложный шаг —

и ты уже в пучине,
Во сто крат сложнее выплывать,
Даже если плавать научили.

...Я кричал —

услышали мой крик,
Но пока вода меня носила,
Я простую истину постиг:

Выбирай волну
себе по силам.

Суюнбай ЭРАЛИЕВ,
народный поэт Киргизии

Фронтной дождь

Обе стороны,
как сговорясь,
перестрелку затеяли разом...
Вдруг из тучи вода пролилась,
словно некий таинственный разум
приказал,
чтобы бросился дождь
прямо в пекло огня,
в перестрелку,
чтоб живая и влажная дрожь,
а не смертная
стлалась по телу...

То ли кровь захотел охладить,
что от ненависти закипала,
то ль собою решил остудить
раскаленную ярость металла,
то ль обрадовать землю решил —
только,
хлынув тяжелым потоком,
дождь
в мгновение ока прошил
гимнастерки,
пропахшие потом.

Весь окоп залило...
Не спеша
из окопа я вылез на бруствер,
лег в траву
и, свободно дыша,
принял мир
всей распахнутой грудью.

Баткентец

Крепость, как мощный скелет —
памятник воинской славы.
С древности множество лет
здесь враждовали державы.

Надпись на стенах гласит:

«Шестеро нас остается.

Немец сдаваться велит,

только никто не сдается.

Шестеро раненых нас.

Кончились боеприпасы.

Враг окружает. Да здравс...» —

нету бессмертнее фразы!

Подписи нам говорят —

гвоздем иль штыком по цементу, —

что среди прочих солдат

был «Бакберген из Баткента».

Плачу — не плакал в боях.

И не стесняюсь народа.

«Это киргиз!

Мой земляк!» —

хочется выкрикнуть гордо.

Второе рождение

Горноспасателям

Печатью редкой я отмечен —
Прикосновением недр клеймен.
Земля нежданно мне на плечи
Обрушила с десяток тонн.
И так надежно привалила,
Что не издать ни крик,
ни писк...

Никак, почетная могила —
Вверху копер,
как обелиск?

Не с каждым в жизни так бывало —
Живьем попасть в крошечный ад,
Но в этот ад,
в нутро завала

Полез спасателей отряд.
Их бросил в бой гудок протяжный.
Я слышал стук,
как клич «Держись!».

За жизнь мою боролся каждый,
Ни в грош свою не ставя жизнь.
И, грохнув,
как послав проклятье,

Последней глыбой угля,
Свои жестокие объятья
На миг ослабила земля.
Счастливым миг освобожденья,
Рожденья вновь —
во цвете лет —

Был для меня
как возвращенье

С того
на этот
белый свет.

Затем врачи поколдовали,
Смогли,
как надо,
все зашить,

Забинтовали
и сказали:

«Живи!
Ты должен долго жить.
Землю терт и разукрашен,
Не укоряй свою звезду —
Зато сам черт

тому не страшен,
Кто побывал —
хоть раз —
в аду».

Старый восточный мотив

Древний обычай — жестокий тиран:
«Око — за око!» — так было от века...
Не унаследуй кровавый дурман,
Будь человечнее —
будь человеком.

Будь человеком в быту и в любви,
Не добивайся невесты набегом,
Цепь вековых предрассудков порви,
Будь благороднее —
будь человеком.

Будь человеком с врагом и зверьем,
Не умножай счет жестокостей века,
Зверь пред твоим беззащитен ружьем,
Будь милосерднее —
будь человеком.

Будь человеком всегда и везде —
Горе ли грянет, засыплет ли снегом,
Не оставляй человека в беде,
Будь сострадательней —
будь человеком.

Утром услышь, как поет соловей,
Эхо идет по дремлющим рекам...
В души вложи дочерей, сыновей
Тягу великую —
быть человеком!

Зависть

Черней пещеры и коварней дна,
Внимательней охранника уставясь,
На нас глядит порой, не зная сна,
Глухая человеческая зависть.
Она всеядна,
ненасытна,
зла,

Хитра,
труслива
и всегда опасна —
Ведь бьет исподтишка,
из-за угла,

Бьет изощренно,
бьет разнообразно.

Меняются повадки, внешний вид —
Она то в шелк, то в рубище рядится,
Подсядет, по душам поговорит,
Затем и в душу влезть не постыдится.
Из-под полы тебя ж потом продаст,
Разрисовав и вздув за это цену...
И со времен Христа —
в который раз! —

Найдется покупатель на измену,
И расплзутся слухи, как ужи,
Шуршащие в траве неочевидно...
У слухов этих,
как у всякой лжи,
Жизнь коротка и очень незадидна.

Поющие площади

В первый день Нового года по лунно-
му календарю — вскоре после осво-
бождения — на площади в Пномпене
выступал единственный оставшийся в
живых композитор и поэт Мам Бутна
Рей.

(Из газет.)

Народ не переделает в дикарей.
И отучали петь — не отучили!
У пагоды поет Мам Бутна Рей —
Поэт и композитор Кампучии.

Единственный оставшийся в живых...
Впервые после ночи безрассудства
Для земледельцев и мастеровых
Зарей встает народное искусство.
Поэзия и музыка всегда,
Как дух борьбы, тиранам неподвластны.
Опять поют селенья, города —
Негромко, но уверенно, согласно.
Светлеют с песней лица у людей,
Сердца теплеют, отступают беды...

Как нам близки картины площадей,
Раскованно поющих в час победы!

Рисунки Игоря СУСЛОВА

Когда мы шли

На краю небольшого села,
чтоб напиться,
в беленую хату
я зашел,
и воды подала
пожилая хозяйка солдату.

Я напился,
лицо освежил,
и усталость слегка отпустила,
а когда уходить поспешил,
то хозяйка меня попросила:

— Может быть,
что проляжет твой путь
до Берлина в немецкие дали,

ради бога, тогда не забудь
этот дом,
где водой угощали!

Надю-доченьку прошлой зимой
на работы фашисты угнали.
Я во сне ее вижу живой...
Писем нет — и не знаю, жива ли...

Фотокарточку дочки возьми!
Коль в Берлине,
солдат, бываешь —
вдруг на улице встретишь?
Взгляни —
видишь родинку?
Сразу узнаешь!

Коли встретишь,
скажи, что у ней
дочка с матерью
живы остались,
возвращается пусть поскорей...
И на том
мы с хозяйкой расстались.

Я уже удалялся,
спеша
за друзьями —
скорее догнать их,
и сжималась от просьбы
душа:
— Поищи мою Надю,
солдатик!

Ни автобуса здесь,
ни трамвая;
ни гудки,
ни звонки не слышны,
только нету собачьего лая,
без которого нет тишины.
Что-то мне захотелось услышать,
как, лениво потрянув головой,
пес залает на звезды над крышей,
потому что в том лае — покой.
Вспоминаю былые походы,
дым пожарниц и ярость атак...

Ночь на Сусамыре

Я оставляю город свой
с дымом,
смятацией,
суетой
и уношусь в зеленый мир —
на Сусамыре.

Ах,
какая там тишина!
Облокотившись на гору, луна
в черном небе недвижно лежит...
Слышу,
как в теле планеты бежит
кровь Сусамыра...
Дух затая,
слышу,
как сердце твое, Земля,
бьется...

Собачий лай

В эти дни,
в эти грозные годы
я почти что не слышал собак.
Потому что, жилье покидая,
за хозяином пес уходил...
Не услышишь собачьего лая
посреди пепелищ и могил...
Нынче летом в аиле родимом
буду слушать заливыстых псов
и очаг,
истекающий дымом,
вновь почувствую сердцем без слов.

Моя земля!
Мне стать бы деревцом,
в зеленой роще
шелестеть листвою.
Мне б к твоему ручью
припасть лицом,
с тобой сливаясь,
сделаться тобой
иль раствориться
в чистой синеве
высокогорных
белопенных рек...
Не думаю, не мыслю о себе —
лишь о тебе,
единственной навек!

Старик на землю поглядел
и стукнул посохом по камню:
— Я прожил жизнь и поседел,
но верю древнему сказанью,
что та земля была дряхла,
а эта, дочь ее родная,
где новым силам несть числа,
— зеленая и молодая!

Перевел с киргизского
Станислав КУНЯЕВ.

**ОРИЕНТАЦИЯ ПОД ВОДОЙ—
ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ
ПОДВОДНЫХ НАУК.**

ков. Особо отмечались заслуги молодых матросов, недавних выпускников Учебного отряда подводного плавания имени С. М. Кирова, показавших в первом же своем походе высокую выучку и стойкость.

Вскоре на праздничном обеде, когда сели за стол, командир лодки — сухощавый, молодой, со множеством орденов планок на парадном кителе капитан I ранга спросил подчиненных, где бы они хотели побывать в первую очередь. «На ближайшей сопке, — ответил под

**МОРСКОЕ ДЕЛО ТРЕБУЕТ
ПОРЯДКА ВО ВСЕМ.**

КРЕЩЕНИЕ БЕРЕГОМ

Владислав ЯНЕЛИС

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Специальные корреспонденты «Смены»

Ленинград. Проспект, издавна теснимый с обеих сторон зданиями различных морских ведомств, выходящий к самому устью Невы, к бесконечной ленте причалов, к береговым маякам Финского залива. Со дня основания города сторону эту было принято называть морской, потому что в любые годы ни одна улица не пестрела таким множеством тельников и бескозырок, не хлопала на соленом ленинградском ветру таким числом матросских клешей, как эта. И неудивительно. Здесь испокон веку несут моряки службу, здесь учатся они морскому делу.

В самых разных обстоятельствах, в самых разных широтах доводилось мне встречаться с людьми, для которых морские пути-дороги начинались здесь. И куда бы ни забросила потом судьба этих людей, до мельчайших подробностей помнят они этот город, выведший их в океанские просторы, свои первые морские университеты, первых старшин и шелест тополей на берегу, протально кивавших им, уходящим, вслед.

Особенно отчетливо осталась в памяти одна встреча. Случилась она в далеком северном порту. Мы стояли на берегу под холодным, много часов не стихавшим дождем, неотрывно глядя на узкое черное тело подводной лодки, втягивающейся в бухту. Лодка возвращалась из трудного, длительного похода, и экипажу ее предстояло впервые ступить на берег после многомесячного плавания. Военный оркестр, наверное, больше для того, чтобы согреться, грянул «Амурские волны». Но вряд ли до слуха экипажа долетел хоть один звук — подводная лодка была еще далеко.

Наконец, лодка пришвартовалась. Спустя некоторое время экипаж медленно сошел на берег. Моложавый адмирал открыл митинг в честь вернувшихся из похода. Говорили и другие — о трудных вахтах, о мужестве экипажа, выдержавшего испытание, какие не часто выпадают даже на долю подводни-

**ЧИСТО МОРСКОЙ
ВИД СПОРТА.**

одобрительные голоса товарищей кто-то из матросов,—просто подняться на нее и вернуться обратно».

Командир понял, кивнул головой и сказал, что полезет на сопку вместе со всеми. Вот тогда я почувствовал, что для этих людей, прошедших тысячи миль под водой, значат их берег, их дом, их товарищество.

Завтра командир подводного корабля должен был встретить жену и дочь, специально ехавших в северный порт издали, чтобы провести некоторое время вместе с ним. Потом опять предстояла разлука. В тот вечер я спросил у него: не жалеет ли он, что стал подводником?

— Нет, с самых первых дней понял, что будет трудно, иногда очень трудно, но никогда не будет хотеться ничего иного так же сильно, как моей сегодняшней работы. Не знаю, почему это. Может быть, потому, что у каждого человека свой берег и своя даль.

Судьба этого офицера проста и зага-

почти на самой его оконечности в кирпичных корпусах бывшего полуэкипажа уже много десятилетий располагается Учебный краснознаменный отряд подводного плавания имени С. М. Кирова.

Именно отсюда начинался отсчет морских миль для тех, кого мы встречали тогда в далеком северном порту. Отсюда уходят на подводные корабли гидроакустики и торпедисты, радиотелеграфисты и штурманские электрики, мотористы и корабельные коки. Они несут свою боевую вахту в глубинах морей и океанов, отдаленные от берегов Родины порой на многие тысячи километров. Но прежде чем встать на эту вахту, долгие месяцы изучают будущие специалисты-подводники сложную науку управления современным кораблем здесь, в отряде.

Отряду немногим больше 70 лет. По сути, столько же, сколько и самой истории активного подводного плавания, начавшейся с той поры, когда появились

которую переделку модели. Адмиралтейство ему в этом отказало, а саму лодку велено было поставить в амбар «от чужого глаза». Лишь в начале XX века конструкторы создали более-менее надежные подводные корабли, послушные управлению, грозные по тем временам для противника.

Огромно различие между первыми субмаринами с бензиновыми двигателями, развивавшими скорость не более 6—7 узлов, и нынешними, суперсовременными атомоходами, прорезающими морские глубины с едва ли не автомобильной скоростью, несущими в себе самое грозное из существующих видов оружия, не нуждающимися в пополнении кислородного пайка и почти неуязвимыми.

«Дельфин», «Сиг», «Минога», «Акула» — так именовались суда, с управлением которых справлялось полтора десятка человек. Фотографии этих прабабушек нынешних подводных лодок есть в отрядном музее, как есть и макеты их,

изготовленные руками курсантов. Первые лодки по сравнению с более поздними моделями выглядят довольно неуклюже, но надо отдать им должное — дело они свое сделали, сражаясь с врагами России, а потом защищая Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Вот уже многие годы занятия будущих подводников по предложению комитета ВЛКСМ отряда начинаются в Музее боевой славы. И ведут молодежь через галерею подвига сами члены комитета, те, кто сегодня в ратном труде воплощает лучшие традиции флотского комсомола. Экскурс в историю называется уроком мужества. Это очень точное название, потому что вся история советского подводного флота — каждодневное мужество тысяч воспитанников комсомола. И не случайно вот уже более полувека Ленинский комсомол шефствует над Военно-Морским Флотом.

...На вопрос, с чего начинается подводник, каждый матрос и курсант отря-

УМЕНИЕ НЕ ТЕРЯТЬ РАВНОВЕСИЯ НА ТРЕНИРОВКАХ ПРИГОДИТСЯ ИМ В БУДУЩЕМ, ЕСЛИ КОРАБЛЬ ПОПАДЕТ В ШТОРМ.

В ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ БУДУЩИЕ ПОДВОДНИКИ УЙДУТ С ЭТОГО РЕЙДА.

НА МАРШЕ РОТА ПОЧЕТНОГО КАРАУЛА.

ПОТОКИ ВОДЫ БЕСПОЩАДНО ХЛЕЩУТ ПО ЛИЦАМ, И НАДО В СЧИТАННЫЕ СЕКУНДЫ ВБИТЬ В «ПРОБОИНЫ» ПРОБКИ, ВЕТОШЬ, ЧТО УГОДНО, ЛИШЬ БЫ СПАСТИ ОТСЕК ОТ ЗАТОПЛЕНИЯ.

первые отечественные серийные подводные лодки и для управления ими понадобились хорошо подготовленные специалисты. Но каким непростым был путь человека в морские глубины, на который вступил он много раньше!

История сохранила для нас челобитную плотника Ефима Никонова, с которой тот в 1718 году обратился к Петру I. Радея о могуществе и благе отечества, Никонов предлагал царю построить подводное судно, «которым в море в тихую время будет из снаряду разбивать корабли». Петр I заинтересовался проектом Никонова. В 1720 году на Галерном дворе «потаенное» судно было заложено, а спустя четыре года — испытано. Сделана лодка была из дерева, обшита кожей, а формой своей напоминала бочку. Первые испытания окончились неудачно — при спуске под воду пострадало днище. Через некоторое время Никонова на его «потаенном» судне еще трижды спускали под воду. К сожалению, описание результатов этих спусков до нас не дошло, но известно, что Никонову понадобились средства на не-

дочна, как судьбы всех людей, сознательно избирающих из всех трудных дел самое трудное. Учебный отряд. Служба. Училище подводников. Служба. Тридцать восемь лет. Седые виски. Три боевых ордена. И семилетняя дочь, которую он в общей сложности видел от силы год. Но эта судьба — красивая судьба, мужская, яркая. И началась она, как и тысячи ей подобных, в Ленинграде.

да, не задумываясь, ответит: «С учебно-тренировочной станции». УТС — своеобразное чистилище перед вступлением в подводный мир, первый и самый, пожалуй, трудный этап подготовки. Те, кто проходит станцию без срывов, впоследствии легко выдерживают любые нагрузки, связанные с работой под водой.

В УТС учат тому, как в случае необходимости отстоять корабль от пожара, от бьющих со страшной силой потоков, если лодка получила пробоины. Учат здесь, и как в аварийной ситуации покинуть корабль в легководолазном снаряжении, выйдя из него через трубы торпедных аппаратов, специальные люки или боевую рубку.

От пола до купола бывшей церкви, где когда-то отставали молебны нижние чины, высятся тридцатипятиметровая башня, заполненная водой, в которой имитируется выход из лодки по буйрепу — веревке с узлами. Начинающий водолаз делает первый свой выход с глубины 7,5 метра, затем, приобретя необходимый опыт, с 13,5 и так далее. А узлы на буйрепе — это для ориентировки под водой, на них водолазы делают остановку, соблюдая режим декомпрессии.

Мы были свидетелями того, как заместитель начальника УТС капитан-лейтенант Василий Кавка проводил тренировку водолазов. Отрабатывались простейшие элементы — спуск под воду, поиск в глубине неисправного участка трубопровода и ремонт его. Это обязан уметь делать каждый выпускник учебного отряда, независимо от его военной профессии. Василий Иванович стоял над заполненным мутноватой водой бассейном и наблюдал за движением тусклого пучка света под водой — это шел разведчик, в чьи обязанности входило отыскать неисправность. Но вот световое пятно замерло у одной из стенок бассейна, и сразу же несколько раз дернулась веревка, один конец которой Кавка держал в руках, другой уходил на глубину. Капитан-лейтенант выключил секундомер.

— Молодец, быстро сориентировался.

Про Василия Кавку рассказывают много разных, одна другой удивительнее, историй. И о том, как добывал из затонувшей во время войны немецкой подводной лодки сверхважные документы, и как с риском для жизни разминировал фарватер Невы, и как испытывал новое водолазное снаряжение. Сам о себе он говорить не любит, на все вопросы отвечает мягкой полуулыбкой и неопределенным:

— Все может быть.

Обижаться за это на Кавку нельзя. В биографии каждого военного человека есть периоды, о которых говорить в силу разных обстоятельств не положено. Может быть, потом, когда-нибудь... Но то, что многое из рассказов о Кавке верно, свидетельствует орден Красной Звезды на его кителе и высокое уважение, с которым относятся к капитану-лейтенанту товарищи по службе.

Впрочем, среди офицеров отряда немало награжденных боевыми орденами в мирное время. Как правило, это бывалые мореходы, за спиной которых трудные рейды по океанским широтам. Им есть о чем рассказать молодежи, что передать своей морской смене. И случается, что бывшие курсанты отряда спустя полтора-два десятилетия возвращаются в отряд преподавателями военных дисциплин, офицерами-наставниками. А их преемники судьбой своей и работой продолжают и умножают боевую славу отряда на флотах. Это процесс естественный, непрерывающийся: подвиг, который вершили воспитанники отряда в годы Великой Отечественной, соединяется с подвигом, который вершили их продолжатели в годы мира, защищая этот мир, осваивая новые подводные корабли, раздвигая возможности подводного флота.

36 Героев Советского Союза воспитал учебный отряд. Это командиры легендарных экипажей, на счету которых десятки потопленных вражеских кораблей, тысячемильные тяжелые походы, это люди, ставшие впоследствии крупными флотоводцами, командирами отрядов бесстрашных морских пехотинцев. Среди воспитанников отряда командир легендарной «С-56» Г. И. Щедрин, экипаж которой уничтожил 14 фашистских кораблей. «Враг гитлеровского рейха № 1» — командир «С-13» А. И. Маринеско. Это он, невзирая на риск, атаковал крупнейшие фашистские транспорты, на борту которых спасался цвет подводного флота гитлеровской Германии.

В любых, самых критических обстоятельствах подводники оставались мужественными, стойкими, безгранично преданными Родине... Невольно вспоминаются кадры из кинофильма «Добровольцы», удивительные по своему психологическому накалу, драматизму, правдивости. Помните эпизод, когда Лешка, которого блестяще сыграл Леонид Быков, приказывает товарищу покинуть лодку с последним дыхательным аппаратом и тем самым обрекает себя на смерть. Эпизод не выдуман. Так было. Именно такой степенью мужества и способностью к самопожертвованию меряется человек под водой.

Есть на станции отсек, в который мало кто из матросов входит без волнения. Но хочешь не хочешь, а его пройти надо. Иначе какой ты подводник. Отсек как отсек, самый настоящий, вырезанный из отслужившей в свое время подводной лодки и установленный на некотором возвышении. Над отсеком десятиметровая башня, наполненная водой, а обшивка отсека пробита примерно в двадцати самых разных местах. Пробоины закрыты. До поры до времени.

Входят несколько матросов в отсек и занимаются тем, что положено им делать по боевому расписанию. И ждут. Внезапно снаружи доносится грохот — один взрыв, второй, третий: это подводная лодка вступила в «бой», и сверху ее «бомбят» корабли и самолеты «противника». И вдруг по сигналу руководителя занятий в корпусе лодки появляются пробоины, с невероятным шумом и ревом на подводников обрушиваются целые водопады воды, потоки беспощадно хлещут по лицам и спинам, выбивают из рук инструмент, валят с ног. Никакой имитации, все так, как может быть в настоящем бою. И надо уметь не растеряться в этом аду, работать быстро и четко, чтобы в считанные минуты подвести пластырь, вбить в извергающие воду рваные отверстия пробки, ветошь, собственные тельняшки, все, что угодно — лишь бы спасти отсек от затопления и тем самым не позволить кораблю выйти из боя. Так закаляются воля и выдержка подводников, испытываются на прочность характеры людей. И они не однажды еще потом вспомнят учебный отряд — их первые подводные университеты и поблагодарят своих наставников за то, что это испытание не было легким.

Принцип максимальной приближенности к реальным условиям плавания и боя сохраняется на всех стадиях подготовки подводников. Будущие специалисты минно-торпедного дела учатся в специальных кабинетах готовить к залпу настоящие торпедные аппараты и устанавливать настоящие мины, укладываясь в заданные нормативы времени; будущие радиотелеграфисты, изучив морзянку и устройство радиоаппаратуры, работают на настоящих корабельных радиях.

Тренировки радиотелеграфистов больше напоминают состязания радиолюбителей, со всеми спортивными страстями и эмоциональным накалом, чем практические занятия военных специалистов. Проходят они так. Группа курсантов делится на две команды. Каж-

дая идет в свой класс, разделенный на крошечные кабины — рабочие места радиотелеграфистов. В кабинах — радиостанция и литература. У каждого курсанта есть партнер в другом классе. Пары они и работают, но чтобы не привыкли к «почеркам» друг друга, пары время от времени меняются.

Итак, задан текст, который необходимо передать партнеру, время передачи и приема обратного текста. Время весьма ограниченное. Не сначала надо построить разрегулированную станцию, отыскать в эфире волну своего партнера, избавиться от радиопомех. Проходят считанные мгновения. «Есть связь!» — светится улыбкой лицо русоволосого парня возле окна. Можно начинать передачу.

Пожалуй, самые высокие требования при отборе призывников в отряд предъявляются к будущим гидроакустикам. Специальная комиссия определяет не только уровень слуха юношей (который должен быть идеальным), но и их психическую устойчивость в стрессовых ситуациях, природную сообразительность, память. Работа на гидроакустическом посту изматывающая, сверхответственная. Еще раз мы убедились в этом, побывав в кабинете гидроакустических тренажеров на одной из тренировок.

Два часа несли «боевую» вахту у своих приборов Леонид Варава, Василий Криг, Сергей Каторгин, Александр Давидович. Оборудование кабинета до мелочей соответствовало гидроакустическому посту подводной лодки. Связь, освещение, сигнализация, журналы для записей, полная герметизация, даже уровень вибрации — все было таким, каким должно быть во время настоящего рейда по океанским глубинам. В наушниках курсантов был слышен плеск воды, шуршание гальки, скольжение рыбных косяков. Внезапно глухо заурчали корабельные двигатели, послышался шум винтов пока еще далекого каравана. Количество целей все увеличивалось — четыре, пять, шесть. Длинный зуммер разорвал тишину кабинета: «Боевая тревога». Считанные секунды даются гидроакустику на то, чтобы определить цель по вариациям шумов, запеленговать и рассчитать параметры ее. А если их сразу шесть и надо «увидеть» и «услышать» самую опасную для подводной лодки, чтобы атаковать ее прежде, чем «противник» даст залп. На главном командном посту ждут доклада через каждые 30 секунд — командир корабля должен решить, какой избрать маневр.

На посту четверо. За прозрачной перегородкой работу четверки контролирует преподаватель капитан-лейтенант Сатурский. Он управляет выходом целей на горизонт слышимости, он же принимает доклады с поста, следя за тем, насколько они правильны. Впрочем, грубые ошибки при современной гидроакустической технике редки, к тому же за целью следят даже не в оба, а, пожалуй, в десяток глаз. Следят и люди и чуткие приборы.

Первым классифицирует цель Варава по импульсам от ее гидролокаторов. Затем еще двое курсантов вычисляют ее параметры и скорость, четвертый определяет дистанцию до нее. Если ошибается один, трое других мгновенно исправляют ошибку. Двойной, тройной контроль — необходимость, слишком ответственна работа поста, слишком многое зависит от гидроакустиков в реальном бою.

Шесть целей — не просто мишени, это шесть очагов опасности, каждая из шести способна атаковать подводную лодку сама. Любая выпущенная ими и не услышанная подводниками торпеда может быть роковой.

Два часа учебного боя, два часа высшего напряжения. Медики утверждают, что даже во время тренировок пульс людей, работающих на гидроакустическом посту, значительно превышает норму. Эти психические перегрузки сравнимы разве что с перегрузками

испытателей авиационной техники. Это во время тренировок. Что же тогда говорить о боевой обстановке?

И все-таки, несмотря на множество ухищрений, которые использовались кораблями противника, чтобы сбить гидроакустиков подводной лодки с толку — изменение курса, постановка помех — вахта ни разу не потеряла ни одну из целей и на всем протяжении сеанса выдавала на ГКП безукоризненную информацию. Благодаря этому безошибочно сработали торпедисты. Капитан-лейтенант Сатурский, который одновременно работал за ГКП, объявляет результат: «четыре цели поражены».

Но вахта не истекла, еще тридцать минут им предстоит слушать «океан», тридцать минут, из которых каждая становится еще одной проверкой их мастерства, воли, взаимопонимания.

...Они вышли из ворот отряда в первый раз после почти месячных занятий, счастливые уже только тем, что могут прошагать по городу, чеканя шаг, вызывая восторг и зависть мальчишек и улыбки девушек. На них была новая, с иголочки выходная форма, самая красивая, самая ноская среди военноморских форм мира и, пожалуй, самая неизменная. Сколько трепета было в их глазах, когда им, новобранцам, она вручалась! Процесс примерки формы был похож на своего рода священнодействие. Вершился он неторопливо, но четко. Будущие штурманские электрики подходили по очереди к зеркалу, и редкое лицо не озарялось улыбкой. Но зато каждая, казавшаяся лишней складка на форменке вызвала неподдельное огорчение.

— Обтянется, — шутил при этом усталый мичман, выдававший форму, — месяц на турнике покрутишься — как влитая будет сидеть, дело проверенное.

Колышет ветер черные ленточки бескозырок. Пружинист, плотен строй будущих подводников. Сколько таких же вот парней в бескозырках выходили из ворот отряда и шли к Финскому заливу, открывать для себя море, сколько героических судеб начиналось с такого же строя — плотного, ладного, сильного своей цельностью!

Мы с заместителем командира учебной роты по политчасти капитаном-лейтенантом Виктором Первеевым шли сзади, любуясь ровным строем. Первеев рассказывал о рейдах, которые недавно влились в роту.

— Кого только нет среди молодых: музыканты, электрики, строители, животноводы, механики, слесари. Многие благодаря ДОСААФ уже имеют довольно полное представление о будущей военной специальности. Но вот что касается чисто морских навыков — тут сложнее... Несколько человек даже плавать не умеют: негде было. Но ничего, научим.

В устье Невы, на плавбазе отряда, их ждали восьмивесельные шлюпки — море надо открывать в море.

Отделение построилось.

— Кто уже ходил на шлюпке? — спросил Первеев.

Молчание.

— А кто вообще держал в руках весла?

Восемнадцать матросов сделали шаг вперед.

— Нормально, значит, поплывем...

Еще до того, как принять военную присягу, они обязательно побывают на настоящей подводной лодке. Пусть это будет не атомоход, а выдавшая виды дизельная. Это неважно. Главное то, что они ощутят биение ее двигателей, стремительность и красоту линий, надежность ее хода. По команде «корабль к бою и походу» они займут места дублеров согласно их будущему боевому расписанию и уйдут в первое, самое короткое плавание. Оно будет продолжаться совсем недолго, но они успеют повзрослеть за эти часы, понять смысл того дела, которому отдадут потом годы, а может быть, и всю жизнь.

ПРОЗА

Нет чужой боли

«И оглянувшись на сумеречный, промороженный, мрачный лес, с радостью представил себе на миг рыжую лисицу в норе, перелуганную до смерти моими выстрелами и собакой, которая гоняла ее, бедную, оглашая лес набатными ударами гулко и страстно своего голоса, который теперь звучал во мне тихой и торжественной музыкой».

Так заканчивается рассказ «Рыжий Угар» Георгия Семенова из его книги «Голубой дым» («Современник», 1979 г.).

Эта великолепная книга включает повесть «Уличные фонари» и шесть рассказов. Музыкальное построение, мягкость и доверительность, порой даже незащищенная открытость интонации, густота письма и лаконичность детали, выразительность образа, поразительное проникновение в состояние души, в переживание, переплавленное в мысль,— все это приметы письма Георгия Семенова.

Когда-то художник Шишкин сказал, что Россия—родина пейзажей. Необычайно поэтические, «очеловеченные» рассказы Георгия Семенова тоже тому подтверждение. Они родник понятной и знакомой природы. Конкретность и зримость частных пейзажей не мешает им быть образами общей родины нашей. Пейзажи эти—словно некий волшебный ключ, помогающий углубленному пониманию человека—его забот, его душевного состояния, непреходящей ценности его переживаний и размышлений. От умиления и самолюбования автора спасает взгляд на себя со стороны, а если речь идет о другом человеке—то доброжелательная ирония. По всем шести рассказам лейтмотивом проходит мысль—человек должен быть добр, отзывчив, он должен ощущать чужую боль. «Надо без вопросов понимать друг друга и сочувствовать, чтобы нарождался каждый миг добро в нашем огромном мире, в котором суждено нам жить»,—думает охотник Юрий в рассказе «Будорань». Ни один из «охотничьих» рассказов не заканчивается гибелью кого-либо из «братьев наших меньших». Человек с ружьем в лесу должен стать охранителем природы, а не истребителем ее—эта мысль, думается мне, особенно актуальна и близка современному читателю.

В книгу включена повесть «Уличные фонари». Она как бы являет иную, чем рассказы, грань таланта Георгия Семенова—умение скрупулезно создавать и исследовать человеческие характеры. Повесть эта о многом. Она—о погубленной надежде в душе человека и медленном убиении обстоятельствами

свами ожидания счастья. Она о возрождении души, познавшей любовь, о крахе надежд и о чести, которую не может затопить обывательская среда. Она, наконец, о том, что ожидание—не лучшая житейская позиция.

Неторопливая монотонность письма как бы подчеркивает собой монотонность жизни главных героев повести—Демьяна Николаевича и Татьяны Родионовны Простяковых—этаких современных «старосветских помещиков»—и их дочери Дины, в свои тридцать шесть лет все еще неторопливо ждущей явления жениха. Тягостные будни, душевная усталость героев, гриновская тоска по несбытому—все это нужно автору для того, чтобы подвести к мысли: нельзя избавиться от обыденности, важно, чтобы жизнь была настоящей. И если прошлое нельзя переделать, то можно его переосмыслить, сопереживая свою жизнь с жизнью народа, с его нравственным опытом. И герои повести думают. С гневом говорит Дина в конце повести Петру Взорову, человеку, которого она когда-то любила, в ответ на его просьбу подарить ему надежду:

— На что надеяться-то?.. Что ты бросишь нелюбимую женщину и любимую дочь?.. Я не смогу красть, если даже ваша мораль будет на стороне крадущих...

Думается, что книга Георгия Семенова «Голубой дым» будет встречена читателями с благодарностью.

Арсентий СТРУК

ПОЭЗИЯ

Поверхность, скрытая на глубине

Когда поэт издает свое «Избранное», подводят итоги, как правило, далеко не первого жизненного этапа. В этом сложном, всегда мучительном сложном процессе, конечно, первое слово остается за поэтом, но в последнем своем слове он не волен, потому что знает, что волею обстоятельств подведут итоги, что необходимость разделить эту волю и есть то главное, что называется делом поэта. В дальнейшем книга издана и раскрыта. Память, распределенная во времени и на страницах стихов, как бы оживает при чтении, шуршит, измеряется взглядом читателя—до глубины ее, до центра, до начала.

Сердце памяти Владимира Цыбина в Семирече, в заилыхских горах, где он родился. «Нет с памятью моею снова сладу, в огонь ее бросаю из огня»—не пылкая фраза поэта, но скрытая как бы в напльвах тумана угловатая черта поэзии Цыбина. Так линия гор вдали—то срывается в бездну, то блестит наверху ее неровная непрерывная поверхность. Поэты вообще в отличие от художников, скажем, натуралистов, не списывают, к примеру, огонь, но вспоминают его в слове. А в «Избранном» В. Цыбина («Художественная литература», 1979 г.) присутствие в стихах памяти-Семи-

речь имеет еще ту особенность, что она физически достоверна—автор остается верен ее координатам на протяжении почти тридцати лет работы в поэзии.

Конечно, в стихах В. Цыбина, русского советского поэта, много, достаточно много, что закономерно, поэтической злободневности, гражданских, исторических мотивов—здесь от «Дедовой иконы» до отцовской «Шашки», которую поэт «поцеловал в серебряное темя». Об этом достаточно писали. Конечно, читателю интересны истоки, почва гражданственности, откуда—что, все это интересно... Но не только это. Мне хочется обратить внимание читателя на лирического героя поэзии Цыбина, который не только личность, но и человек с широкой русской натурой, тонко чувствующий зарождение любви, обреченный любить: «Живу я, и, словно сапер по минному полю, иду, и жду тот единственный взрыв, последний, на каждом шагу—то нежность, то боль, то разрыв,—и дальше идти не могу». «А имя, что я написал на снегу, вдруг подтаует у просек, и слышу на тысячи верст, как листва выпадает из почек». Только от избытка чувств и чистоты проговаривается любовь. Вот пример наивности, равной чистоте порыва: «Я душу твою в прошлое влущу, влущу—и за него тебя прощу. Скажу тебе:—Ты, как жила, живи! И вспомни, как жилось без любви». Даже из этого ограниченного примера читатель поймет, что наивность поэта—кажущаяся, что она насколко открыта, настолько и непорочна; Цыбин—сложный поэт, даже в самых своих широких, русских проявлениях он не однозначен, потому что действительно сложен и широк.

Можно судить о широте отвлеченно. Сравнить одну широту характера с другой, с несколькими. Можно. Но ощущение в этом случае функционирует, как бы рассеивается в перспективе отвлечений—похоже на то, когда общими словами говорят об общих местах. Взгляду не за что зацепиться, нет холма, нет травы над бездной, нет точки отсчета, то есть болевой точки. Широта природы, широта лирического характера не вычитывается и не выгадывается. Широта угадывается: тут либо есть, либо нет. Иногда поэт проговаривается ею, в этом—правда. Маяковский, например, проговорился: «Сплошное сердце, гудит повсеместно». Вообще надо сказать, что как бы проговариваются очень и очень многие поэты. В стихах уж такой широкий, такой русский, а в жизни гостей вквасом угощает. Не умение проговориться, а обреченность этой в общем-то роковой особенности поэта вызывает у читателя сопереживание строки. Широта характера В. Цыбина проговаривается в «окраине сердца»: «Идешь ты прямо по сердцу, идешь моей окраиной,—так пробивает просеку снежок, метелью раненный. Стой, память сумасшедшая! Ведь так легко отчаяться! Душа моя прошедшая во мне не уместается».

В книге душа тем более не уместается. И все-таки лишь в книгах запечатлены лучшие ее порывы. Собственно стихотворная часть «Избранного» (до поэмы) заканчивается четырьмя стихотворениями, кстати, впервые напечатанными в «Смене» и последними по времени их написания, лучшими, на мой взгляд, в книге по концентрации характернейших качеств цыбинской лирики: широты и сложности мысли, страстности чувства времени.

Читателю предлагается прочитать их самому. Думается, что усилия будут не напрасны.

Егор САМЧЕНКО

ПРОЗА

«Моя привязанность отдана границе...»

Лидия Обухова выросла на погранзаставе. Неудивительно, что сердце ее отдано границам от Дальнего Востока до Прибалтики.

Зеленые фуражки на Севере и Востоке, на Юге и Западе нашей страны, люди, которые всегда на страже, сосредоточенно и зорко охраняют Советскую Родину, покорили душу писательницы с юных лет навсегда. Она как бы провозглашает вместе с Владимиром Луговским: «Да здравствуют работники границы!»

Новая, недавно вышедшая книга Лидии Обуховой «Пограничные характеры» (ДОСААФ СССР) состоит из документальных повестей. Часть их посвящена мирному времени, часть—военному. Открывается книга повестью «Первые выстрелы»—о начале Великой Отечественной войны, которая застала писательницу с семьей в Вильнюсе. О пережитом написано от первого лица, что придает книге свежесть, лирическую окраску, полностью переносит в трагическую и вместе с тем героическую обстановку, в которой оказались жители. Лидия Обухова рассказывает, как, несмотря на это, она занималась с младшими детьми. «Мы должны были оставаться людьми! Мыслилось, узнавать новое. Жить, а не существовать! Назло врагам!»—пишет автор.

В книжке есть небольшой раздел, посвященный женщинам на заставе, их незаметному, а по сути дела, героическому труду. В тяжелых условиях, оторванные от родных, они разделяют судьбу своих мужей на заставе. Молодая девушка Людмила, полковник лейтенанта Каширина, едет с ним на границу, живет на берегу Керченского пролива. Ее не пугают степь, бураны, пески... Сынишке исполнилось только три месяца, а Каширина уже перемелила на Памир. В Душанбе томительная жара, а Каширина назначили в Горно-Бадахшанскую автономную область. Жара сменялась снегом. Людмиле пришлось даже однажды выкапывать из-под снега бывшего сослуживца своего мужа. Но нет, она не жалеет о том, что провела на границе несколько лет. «Где бы я еще столько узнала и увидела?»

Такие эпизоды встречаются часто в книге, читатель живо ощущает, как своеобразен характер пограничников, как необычна и интересна их жизнь.

Общность книги Лидии Обуховой состоит также в том, что в ней много обобщающих мыслей. Автор не ограничивается наблюдением фактов, она анализирует, делает выводы. «Как часто люди продолжают жить в своем времени, не замечая, что оно уже прошло. Ведь и подступы к подвигу меняются». Эта интересная мысль не каждому бросается в глаза. Между тем меняется время, и по-разному приходят люди к героизму. «Иногда люди долго ищут свое

призвание и горько ошибаются: Пограничники, как правило, выбирают дорогу однажды».

Все так. Книга Лидии Обуховой вдохновляет молодежь на героический труд пограничника—вот что особенно важно.

Ольга ГРУДЦОВА

ПОЭЗИЯ

Взаимное обогащение чувств

«Слово растений»—так назвал Александр Плитченко книгу новых стихов (Западно-Сибирское книжное издательство, 1979 г.). И это название достойно звучит в его поэтической речи, где не властвует возвышение над миром, породившим человека, а соблюдается равенство, необходимое для того, чтобы человек оставался человеком.

Мы часто забываем, что только при этом условии и возможен полезный для души разговор, взаимное обогащение чувств, обусловленное желанием говорить не более, чем слушать.

Стихи Александра Плитченко прорастают из прошлого к будущему сквозь слои современности настоящим и естественно. Прорастают от глубоких корней до вершин, все свободнее поднимающихся к возрождению неизведанности, заключающей в себе слагаемые глубины и высоты.

Вот, например, насколько народно выражаются взгляд и чувство поэта в стихотворении «Русская земля», определяющем счастье «корня в теплоте родительской земли», где

Матушка—
Она под небесами
Нашими колосьями звенит,
И глаголет нашими устами,
Нашу ниву
С вечностью роднит.

И у нас единственное дело,
Не умножив ярости и зла,
Все сказать.
Что матушка велела,
Все раздать,
Что матушка дала.

«Ничему не укрыться теперь от моих прозревающих глаз»,—говорит герой стихотворения «Реставратор». И в этом поиске и приближении к первородству духа, где «былому забвения нет», стихотворение приходит к такому искреннему завершению:

Простоты первоуродной черты
Различно сияющий знак.
На, водою живою поя
Слепки духа и слепки огня,
Понимаю, что это не я,
А она—
Возрождают меня.

Возрождение—для добрых дел, для того, чтобы противостоять злу в любых его проявлениях,—на этом пути поэзия Александра Плитченко давно уже преодолела границы сдерживания поэтического слова и вышла на самостоятельный простор сердечного слияния с добротой и мужественностью Родины.

Александр РОМАНОВ

СЛОЖНОСТЬ ПРОСТОГО

Станислав НИКОЛАЕВ.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

В метро спорили два студента, по-видимому, медики или биологи.

— Диагностика может все! — утверждал один. — Даже по одному-единственному волосу определить, двоечник ты или отличник...

Второй недоверчиво хмыкнул:

— Ну ты даешь... Тут бы в обычных анализах как следует разобраться...

Поезд остановился, студенты вышли, и чем кончился спор, я не знаю.

Но услышанная фраза крепко задела в голове. «Неужели это правда — о волосах-то? — думал я. — У кого бы спросить?»

И вот я в Институте эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова, в лаборатории, которой руководит академик Соколов. Задаю ему вопрос о волосах.

Владимир Евгеньевич порывлся в ящиках стола и протянул мне пачку фотографий:

— Для начала полюбуйтесь-ка вот на это...

На снимках было изображено что-то непонятное. Передо мной простиралась виды каких-то инопланетных пейзажей с горами, пропастями, кольцевыми кратерами, поверхностями, напоминающими пчелиные соты...

— Удивляетесь? — улыбнулся Владимир Евгеньевич. — А ведь на всех этих фотографиях изображены самые обыкновенные... волосы. Так они выглядят под электронным микроскопом.

Причин для исследования волос у нас было несколько. — упреждая мой вопрос, стал рассказывать Соколов. — Во-первых, волосистой покров свойствен только млекопитающим и служит характерным признаком класса. И нам было интересно узнать, как меняется строение волоса в зависимости от вида животных, мест их обитания, а также от назначения волосного покрова. Согласитесь, мех морского котика, щетина дикого кабана, иглы ежа — все это волосы животных, ведущих разный образ жизни, а значит, и строение их волосного покрова должно быть различно. Один и тот же объект в разных условиях — это уже само по себе интересно для науки. Во-вторых, наши исследования носили и прикладной характер. Одна из основных функций волосного покрова — теплозащита. А между тем известно, что теплопроводность рогового вещества, из которого состоят волосы, довольно велика. Каким же образом тогда удерживается тепло? И еще: волосы при относительно большой длине имеют малую толщину и тем не менее выдерживают довольно большие механические нагрузки — модницы нещадно треплют их, соорудив замысловатые прически, кабан, не задумываясь, вламывается в заросли, словно танк, тюлени ползают по жесткому, словно наждачная бумага, слежавшемуся снегу, котики нещадно вымачивают свою великолепную шубу в морской воде — и ничего, волосы все выдерживают...

Чтобы разобраться во всех этих тонкостях, группой специалистов под руководством академика Соколова и бы-

ли проведены исследования внутренней архитектоники волос различных животных.

Не думайте, что это была такая уж легкая работа. Уже сама по себе подготовка препаратов к исследованию — довольно сложная технологическая задача. Вот что мне рассказала о тонкостях этого дела старший научный сотрудник института, доктор биологических наук Татьяна Петровна Евгеньева.

Сначала микроскопический кусочек кожи с волосами промывали в течение 10—14 часов в проточной воде. Потом волосы обезжиривали в трех спиртовых ваннах. Затем помещали в ксилол, вслед за этим заливали парафином.

Парафин обеспечил необходимую жесткость клетке, чтобы они не сминаясь при резке волоса под нужным углом специальным резаком — микро-томом.

После резки парафин нужно было удалить, чтобы он не скрадывал полноту картины. И потому те же операции повторялись теперь в обратном порядке: ксилол, спирт, вода... После этого препарат сушился, укреплялся на специальной подставке и помещался в вакуумную камеру для окончательного обезвоживания. Уф! Кажется, все?..

— Нет, еще не все, — отрицательно покачала головой Татьяна Петровна. — Нужно еще покрыть поверхность препарата тончайшим слоем золота. — Золота?! — удивился я. — А это еще зачем?

— Из золота хорошо выбиваются вторичные электроны, а кроме того, молекулы этого химического элемента имеют очень маленькие размеры. Да вы не волнуйтесь, золота на эту операцию расходуется совсем немного. Вот посмотрите, — она продемонстрировала мне готовый к съемке препарат, — его даже не видно.

Но меня волновал вовсе не расход золота. Представляете, исследователям уже немаловажен размер тех или иных молекул!..

Хотя, впрочем, чему я удивляюсь? Ныне ведь биологи и ведут свои исследования на молекулярном уровне. Интересно было взглянуть на то уникальное оборудование, с помощью которого ведутся исследования подобного класса...

Мы прошли коридором, спустились по ступенькам и оказались в небольшом продолговатом помещении, заставленном аппаратурой. У пульта управления одной из установок работал человек.

— Это наш маг и кудесник Валентин Куманин, — представила его Евгеньева. — Он же по совместительству старший инженер по электронной микроскопии.

Валентин Николаевич взял в руки небольшой округлый предмет, похожий по форме, пожалуй, на полиэтиленовую пробку от аптечного пузырька.

— На эту подставку мы приклеиваем подготовленный образец. Теперь насаживаем подставку на штوك, — он манипулировал предметами с ловкостью, которой бы, верно, позавидовал профессиональный фокусник. — и помещаем образец в объектную камеру микроскопа. Закрываем камеру и...

В комнате послышалось отчетливое похрюкивание вакуумного насоса. Затем раздался негромкий хлопок — знак того, что воздух из объектной камеры выкачан. Теперь ничто не будет мешать электронам совершать свой путь от катодной пушки к образцу.

— Подаю высокое напряжение...

Щелчок тумблера — и подаю напряжение 25 киловольт. Переброшен еще один тумблер, и где-то там, под кожухом электронного микроскопа, стала раскаляться нить катода. С ее поверхности начали срываться первичные электроны. Мощное электрическое поле погнало их сквозь систему электромагнитных линз, заставило сфокусироваться в тончайший пучок, который, повинувшись растровой развертке, словно минер щупом, «прочесывает» всю поверхность исследуемого объекта.

Ну а поскольку — помните! — препарат покрыт тончайшим слоем золота, часть электронов выбивается из его поверхности и попадает в приемник — сцинтиллятор, вызывая свечение. Разные точки рельефной поверхности отражают электроны по-разному, поэтому в сцинтилляторе образуется картина — копия исследуемой поверхности. Она считается фотоэлектронным множителем, усиливается и через систему детекторов подается в электронно-лучевую трубку.

Микроскоп позволяет получить увеличение от 50 до 150 тысяч раз, увидеть объекты, линейные размеры которых составляют 75—100 ангстрем. То есть, говоря другими словами, разглядеть «крошку», диаметр которой составляет всего-навсего тысячную долю миллиметра!

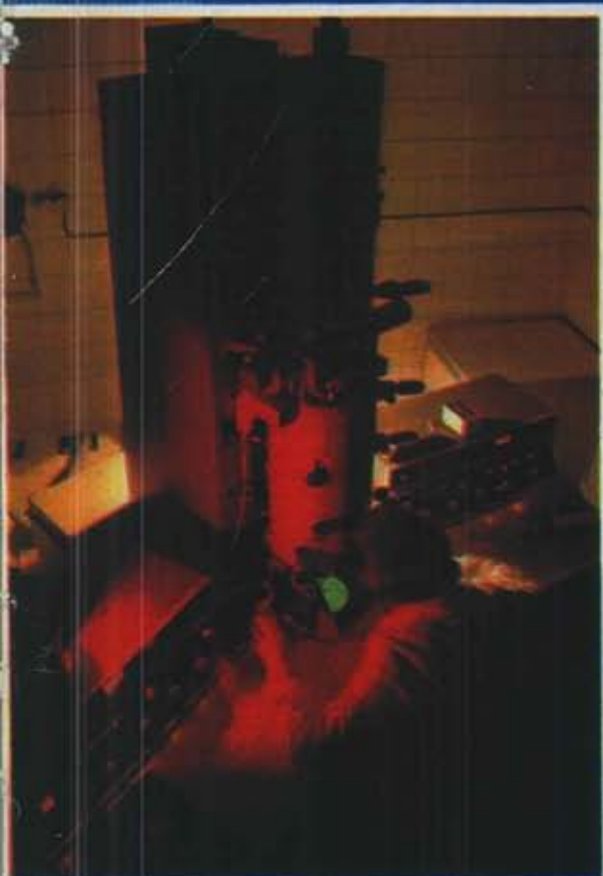
— Но главное достоинство этой машины даже не в большой разрешающей способности, — говорит Куманин, уважительно и ласково проводя ладонью по боковой панели. — Растровый электронный микроскоп позволяет получить как бы пространственное изображение, дает возможность почувствовать форму объекта и зафиксировать его на пленке. А если этого

ВОТ КАКОЙ ОН
СРЕЗ ОБЫЧНОГО ВОЛОСА

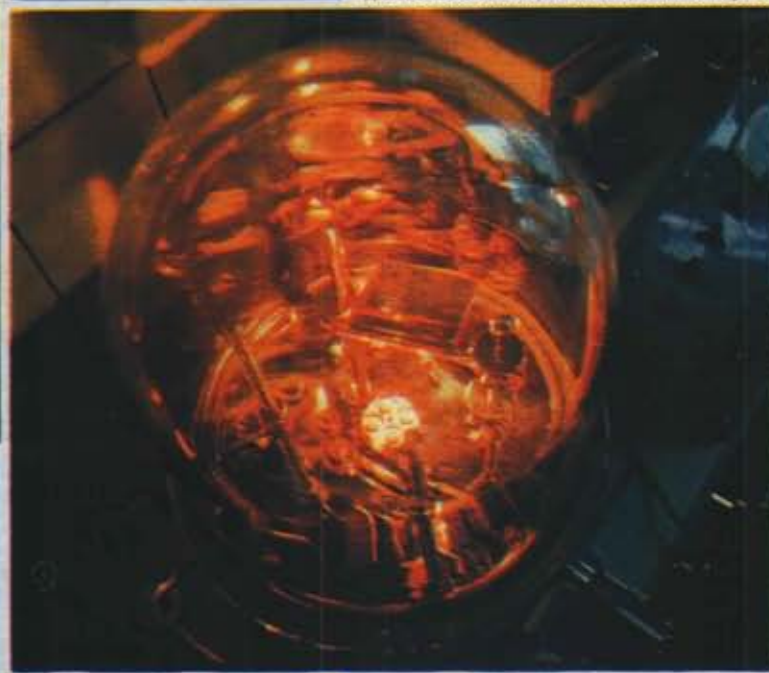
ЭЛЕКТРОННЫЙ МИКРОСКОП
ПОМОГАЕТ УВЕЛИЧИТЬ ВОЛОС
В СОТНИ ТЫСЯЧ РАЗ.

КАКИ ЭТО СЕКРЕТЫ
ХРАНЯТ ОБЫЧНЫЕ ВОЛОСЫ?

ВЛАДИМИР НАУЧНИК СОУРЪНИК
НАТАЛЬЯ КАЗАНСКАЯ
ИЗУЧАЮТ СТРУКТУРУ УЛЬТРАЗВУКОВЫХ СРЕД

В ЭТОЙ КАМЕРЕ ОБЪЕКТЫ
ПОКРЫВАЮТ СВОЕЙ ТЛОУТОЙ

мало—пожалуйста, здесь предусмотрено возможность получения стереоснимков. Иллюзия пространства становится полной...

Вот так были получены те фотографии, с которыми я познакомился в кабинете Соколова. Ему я и задал очередной вопрос, вернувшись с экскурсии.

— Итак, препараты были подготовлены, помещены в камеру электронного микроскопа, сфотографированы. О чем рассказали вам снимки?

Владимир Евгеньевич снова разворачивает веер фотографий:

— Давайте попробуем разобраться вместе...

И вот что я узнаю.

Свободная часть волоса, расположенная над поверхностью кожи, называется стержнем. Стержень этот образован тремя слоями рогового вещества. Наружная пленка называется кутикулой. Внутренняя часть—сердцевинной. В промежутке между кутикулой и сердцевинной помещается промежуточный, корковый слой. Этот слой, как правило, не имеет внутренних полостей, он состоит из плотных клеток, прилегающих друг к другу. А вот сердцевину составляют большие, рыхлые клетки с внутренними полостями. Есть в этом слое полости и между клетками.

В зависимости от категории волос—вibrиссы ли это, направляющие, остевые или пуховые,—от их местоположения на теле животного, времени года и некоторых других причин соотношение толщины корки и сердцевинной может меняться, вплоть до исчезновения сердцевинной вообще.

Это и понятно. Например, для остевых волос, несущих на себе основные механические нагрузки, характерны большая упругость, значительная толщина, предельная длина. Их стержень у различных животных может иметь разную форму. У грызунов и хищников—ланцевидную, с расширенной верхней частью; круглую или овальную в плане, одинаковую по всей толщине—у копытных... Но одно остается неизменным—сердцевинный слой имеет небольшую толщину. И чем жестче ость, тем сердцевина тоньше. В иглах ежа, ехидны этого слоя вообще нет. А ведь именно сердцевина с ее многочисленными воздушными полостями играет главную роль в сохранении тепла.

И вот интересно наблюдать, как природа «конструировала» волосной покров того или иного животного в зависимости от условий его обитания. Взять, к примеру, зубра. Живет он в лесу, в некоторых районах Белоруссии, Украины, Подмоскovie. Зима в этих районах не такая жестокая и длительная, как, скажем, в Заполярье.

Сами зубры тоже иррава относительно спокойного, в чащобу особо не лезут. И вот результат: шерсть у зубров густая, с пропорционально развитыми корковым и сердцевинным слоями.

А вот в шетине кабана сердцевина почти отсутствует. Потому что живут кабаны в густых зарослях, беспрепятственно трутся о кустарник, о камыши... От остевых волос в этом случае требуется прежде всего высокая прочность. Теплозащиту обеспечивает подшерсток и толстый слой подкожного жира.

Примерно такое же устройство имеет и волосной покров гренландского тюленя. Ведь и здесь, несмотря на разные условия обитания, у волосаного покрова та же задача: прежде всего защитить шкуру от повреждений.

Идеальный вариант мы видим, рассматривая строение волоса морского котика. Как известно, у этого животного очень красивый, прочный и теплый мех. За счет чего? Прочная кутикула обеспечивает красивый вид и водозащитные свойства. Довольно толстый корковый слой не позволяет волосам легко ломаться. А большие воздушные полости клеток сердцевинного слоя обеспечивают отличную теплозащиту.

Какие же выводы можно сделать из исследований советских ученых?

— Уже сегодня количество натуральных мехов как в нашей стране, так и во всем мире явно недостаточно,—сказал Владимир Евгеньевич Соколов.—А искусственные меха, что ни говорите, уступают натуральным по многим показателям. Возможно, полученные нами выводы относительно натуральных мехов помогут химикам в создании новых видов мехов искусственных.

Кроме того, тщательное изучение свойств волосаного покрова может оказаться полезным, например, судостроителям. Да-да, не удивляйтесь! Обратите внимание, тюлени, котики и другие морские животные прекрасно плавают, обладают минимальным сопротивлением. Не помогает ли им в этом и волосаный покров? Быть может, волосы выступают здесь еще и в роли своеобразных гасителей турбулентности? Или, наоборот, взвихривают поток столь своеобразным образом, что эти микровихрения помогают животному плыть?..

А вот вам еще одна область применения исследований специалистов Института имени А. Н. Северцева. Это, как ни странно на первый взгляд, архитектура. Посмотрите на иглу ежа или дикобраза. Это же, если хотите, микронебоскреб! С прочными стенками, с теплоизоляцией, с надежными перекрытиями воздушных камер—«квартир». Не пригодятся ли «патенты» иглокожих строителям ближайшего будущего?.. Особенно в тех районах, где часто случаются землетрясения. Такой дом будет качаться, наклоняться, но никогда не рухнет, не упадет.

...Получил я в Институте эволюционной морфологии и ответ на мучивший меня вопрос. Владимир Евгеньевич вынул—дал копию перевода статьи в журнале, который он мне показывал в самом начале беседы. И вот что я оттуда вычитал.

Исследователи на основании ряда проведенных опытов установили, что лабораторный анализ волос может очень многое рассказать об их обладателе: здоров ли он, хорошо ли питается, нормально ли растет и развивается... И если в волосах будет обнаружено повышенное количество цинка, меди и уменьшенное—йода, то с большой долей уверенности можно сказать: «Сей субъект обладает хорошей памятью, сообразительностью, восприимчивостью к накоплению новых знаний...»

В причинах этого интересного явления науке еще предстоит разобраться. Исследования волос продолжаются.

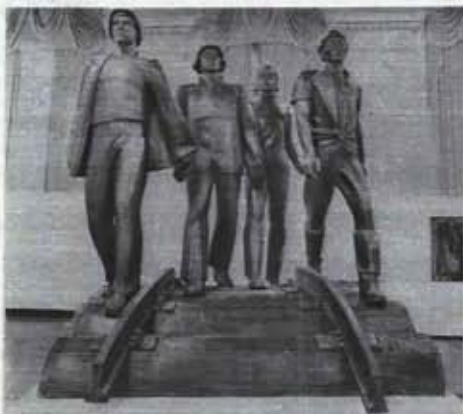
СОАВТОРЫ РЕКОРДОВ

Современный спорт — это быстрые секунды, максимальное напряжение сил, ловкость. Все это требует больших физических нагрузок. На длительных соревнованиях спортсмену зачастую необходимо за короткое время быстро восстановить свежесть своих мускулов. Сегодня все большее внимание уделяется созданию диагностической аппаратуры и аппаратуры, применяемой для так называемой «спортивной реабилитации». Современная наука и техника создают специальные тренажерные устройства, приборы срочной информации о состоянии тренированности человека на данный период времени и помогают тренеру более эффективно управлять процессом подготовки спортсменов. Новые разработки спортивного медицинского оборудования представили студенты МВТУ имени Баумана. Большинство из них утверждено Олимпийским комитетом и рекомендовано к серийному выпуску. По заказу Спорткомитета СССР молодые новаторы разработали уникальный диагностический стимулятор «Синапс». С помощью этого аппарата можно безошибочно и с большой точностью определять физическое состояние нервно-мышечных функций спортсмена, проводить электростимуляцию мышц с одновременным наблюдением реакции на экране осциллографа. Прибор предназначен для проведения медико-биологических работ при исследовании оптимального стимулирующего сигнала. На группу определенных мышц подается сигнал переменного синусоидального тока. Мышцы возбуждаются, и происходит их сокращение. При оптимальном подборе частоты можно осуществлять электромассаж мышцы. Действие такого «прямого массажа» более эффективно, чем обычного, и позволяет за короткий срок восстановить мышечную деятельность спортсмена.

Особенность этой разработки заключается в том, что в приборе предусмотрено программное управление, способное автоматически изменять величину сигнала, то наращивая его, то постепенно уменьшая в зависимости от состояния спортсмена. Данные осциллограммы подсказывают тренеру рациональный подход к организации тренировочного процесса спортсмена. Авторы «Синапса» В. Боевкин, А. Улогов, В. Крюков представили на выставку и другую новинку для спортсменов — целый комплекс адаптивных тренажеров по различным видам спорта. Тренажер «Велознергометр» успешно применяется для тестирования и тренировок в велосипедном спорте. Тренажер имеет автоматическую систему управления нагрузкой, изменяющейся в зависимости от физического состояния спортсмена. Программа же изменения частоты сердечных сокращений задается и регулируется тренером с помощью программного блока.

Василий КУЗЬМИН

ПАМЯТНИК СУББОТНИКУ

Года два назад, когда в столице проходила Всесоюзная художественная выставка «Слава труду!», у входа в Манеж посетителей встречали четыре стройные трехметровые фигуры. Они широко и легко шагали по рельсам, немного искривленным в сферической перспективе, будто изогнутым по форме земного шара. Трое юношей и девушка — бамовские первопроездцы. Автором понравившейся всем скульптурной группы был народный художник РСФСР Олег Сергеевич Кириухин.

Не так давно Олег Кириухин получил новый заказ от депо Москва-Сортировочная, где решено было создать ансамбль, посвященный первому коммунистическому субботнику. Скульптурная группа

должна стать ядром ансамбля, который соединит в единое целое здание депо, один из трех отремонтированных в 1919 году паровозов и деповский музей.

И вот готова рабочая модель скульптуры. Напряженные фигуры рабочих, сильные руки, удерживающие стальную махину паровозного колеса. Три фигуры олицетворяют три трудовых поколения, это воплощенная в бронзе связь времен. Иллюзия движения — даже в чуть смещенной гранитной глыбе постамента. Пройдет еще немного времени — и памятник первому коммунистическому субботнику будет установлен на столичной площади, неподалеку от проспекта Буденного.

Ольга КАМЕНЕВА

МАСТЕРА

СКАЗ О САМОВАРАХ

Недаром говорят, что в Тулу со своим самоваром не едут. И вправду, обожают туляки чай гонять. Особенно из уникальных прадедушкиных самоваров, отмеченных медалями выставок, инициалами мастеров.

Меднобокий увальень выдержал испытание временем. Самогрей тульской марки знали в Германии и Марокко, они были в почете у скотоводов Армении и золотоискателей Клондайка.

Горазды на выдумку и фантазию тульские мастера. Выпускали неброские на вид, но прочные самовары для простолюдинов. Роскошные — с «листьями»-подсвечниками, двумя-тремя краями, обещанные амурами, ангелочками, фигурками диковинных зве-

рей, птиц и растений — для богачей. Самовары были похожи на луковичы и репы, груши и рюмки, на античные вазы и срезанные конусы...

А в начале прошлого века приобрели популярность многогранные самогреи и самовары-сундучки для поездов. У них отвинчивались металлургические ножки и ручки, и самовары без труда помещались в специальных нишах карет и дилижансов.

Теперь настала очередь поведать такую историю.

...Один неизвестный мастер решил поразить всех, изготовив самовар-«петух», в точности копирующий своего живого сородича. И лапы со шпорами самогрей имел и краник наподобие клюва. Ну, ни дать ни взять взаправдашний кочет! Закипая, «петух» залихватисто кукарекал, а встроенный внутри музыкальный механизм издавал мелодичное звучание. Мастер тщательно отравировал уникальное создание, наложил поверху серебро и позолоту. А на стенке замысловатой вязью вывел такие изречения: «Самовар кипит — уходить не велит», «Где есть чай, там и под елью рай».

Весть о чудесном творении разнеслась по миру. В 1873 году «петуха» купил некий богатый купец, взявший самогрей на Всемирную выставку в

Вену. Жюри оценило великолепный самогрей золотой медалью. А потом «петух» невесть куда исчез. Лишь после гражданской войны обнаружил «петуха» на Сухаревке один московский коллекционер. И едва узнал в потрепанном самоваре бывшего красавца. Выкупив «петуха», собиратель очистил его, подлатал и сдал в Исторический музей. Там теперь и хранится уникальный памятник самоварного мастерства.

А в Оружейной палате Московского Кремля есть самый дорогой в мире самовар, инкрустированный сусальным золотом, драгоценностями, слоновьей костью...

И нынче Тула по праву считается самоварной столицей. Современный завод «Штамп» выпускает ежегодно более полутора миллионов сверкающих самоваров: электрических и жаровых, тридцатидесяти разновидностей, отмеченных Знаком качества, экспортируемых в пятьдесят восемь зарубежных стран.

Самовары города оружейников демонстрировались в Токио, Монреале, Тегеране, Лейпциге, Сиднее. И повсюду получали медали и почетные дипломы выставок. Четырехведерный самовар стоит в парижском муниципалитете: он передан в 1965 году в дар парижанам «от трудящихся города Тулы». А у туляков имеется макет Эйфелевой башни — ответный подарок французам. На международном хоккейном турнире на приз «Известий» тульский самовар неоднократно вручался победителям.

...Уютно возле самовара. Напоит, согреет, придаст бодрости и сил, утешит, исцелит... Многими забываемыми мгновениями обязаны мы милосту душе русскому самогрею.

Валерий ПЛЕШАКОВ.
Фото Николая МЕЛЬНИКОВА

Всегда начеку

Из Парижа в дар театральному музею имени Бахрушина прислали костюмы Шалалпина. Бесценный подарок. Но случилась беда: эти уникальные вещи стал поражать опасный жук — кожеед. И тут на помощь искусству пришла организация со сложным для непосвященного человека названием — Российский республиканский фумигационный отряд Министерства сельского хозяйства СССР. В результате обработки фумигантами все исторические реликвии были спасены.

Подобные случаи вам могут рассказать и в музее МХАТа, и в Историческом музее, и в Музее искусства народов Востока. Театральные костюмы и старинные рукописи, выставки национальных костюмов и масок из далекой Гвинеи довелось спасать работникам отряда.

По роду своей деятельности специалисты фумигационного отряда хорошо изучили «повадки» вредных насекомых, которые, как вы видите, добираются даже до произведений искусства. Но основное «поле их деятельности» — фрукты, овощи, хлебные зерна. Тысячи тонн апельсинов, лимонов, яблок, груш спасают ежегодно от гибели работники фумигационного отряда. Их основное оружие — бромистый метил. Это яд первой категории, который легко проникает внутрь продукции, что приводит к гибели вредителей. А как же те, кто потом будет есть эти продукты? Бромистый метил обладает свойством полностью дегазироваться при обработке в специальной камере и не влияет на вкусовые качества и дальнейшее хранение продукции.

Служба карантинная растений, бойцами которой являются и работники фумигационного отряда, всегда начеку.

Игорь ДУБРОВИН

А
ЧТО
У ВАС?

Наш Карандаш

Есть у Карандаша незамысловатая реприза. Он выходит на манеж своей легкой фланирующей походкой, держа в одной руке молоток, а в другой тарелку. Медленно, с паузами, он готовится что-то сделать с ними, демонстрируя поочередно то одно, то другое. Публика в напряженном ожидании, — Карандаш мастерски умеет настраивать аудиторию. И вот Карандаш бьет по тарелке. Все! Зритель смеется над нелепостью столь долго подготовляемого действия, смеется над своим нетерпеливым ожиданием. И задумывается: не так ли и мы, бывает, обставляем пышно пустяки и «делаем из мухи слона».

На арене Карандаш держится непринужденно, как будто зашел сюда повидаться с друзьями, запросто, потоварищески шутит со зрителями, иногда сердится на них или даже поддразнивает. У него есть постоянный спутник — собака Клякса. Она, вероятно, единственное животное, выступающее в цирке, которое никто никогда не дрессировал. Поэтому для нее выход на манеж — просто одна из обычных собачьих прогулок.

Карандаш работает почти без репетиций. Ему бывает достаточно несколько раз пройтись по манежу перед спектаклем — и все.

Но Михаил Иванович Румянцев ведет подготовительную работу каждый день: общаясь с людьми, читая газеты, гуляя по городу... Вслушиваясь в нашу речь, обобщая мелочи нашей жизни, зная проблемы сегодняшнего дня, Михаил Иванович готовится к тем острому, ярким и всем понятным шуткам, которыми он веселит и наводит на размышления своих зрителей.

За пятьдесят лет, пройденных вместе с советским цирком, Румянцев утвердил новый образ клоуна, связанный с древними традициями народных потешников. Карандаш прежде всего сатирик, и он не был бы Карандашом, если бы его работа ограничивалась задачей развлечь, рассмешить публику. Его художественные открытия стали основой для творчества всех последующих мастеров клоунады. Да и сам Михаил Иванович Румянцев, Герой Социалистического Труда, всем известный Карандаш, и ныне радуется нас своим добрым и мудрым талантом.

Мария БОГДАНОВА.
Фото Юрия УСТИНОВА

Что такое КОНХИЛОМАНИЯ?

— Помните, среди мифов Древней Греции есть легенда про козлоподобного Пана, бога и покровителя природы? Зевс наградил его рогом Тритона, обладающим особым свойством: он издавал такие ужасные звуки, что все живое, теряя рассудок, обращалось в паническое бегство. И вполне вероятно, сказочный Пан использовал раковину одного из крупнейших средиземноморских моллюсков — Харонии нодиферы. Ведь именно она служила когда-то в качестве сигнальной или боевой трубы. Об этом, кстати, упоминается еще у Гомера и Феокрита, — говорит Рудольф Буруковский, подносит раковину с отпиленным кончиком к губам, и низкий, глуховатый рев разносится по комнате.

Каждый понедельник Р. Буруковский, ученый-биолог, проводит экскурсии по своему домашнему музею. Да-да, именно музею. Панцирь морской черепахи и маски из черного дерева, кораллы, коллекция минералов, собранная супругой Татьяной... Но главное, конечно, раковины, которых здесь около семи тысяч экземпляров. Это одно из трех наиболее крупных частных собраний в стране.

и многие экспонаты могут украсить экспозицию любого зоологического музея. В числе редкостей — так называемая «Слава Индии», раковина моллюска из семейства Конусов, усыпанная коричневыми пятнами неправильной формы, образующими сложный геометрический узор. Иметь ее — неслыханная удача, которая выпала на долю считанных коллекционеров в мире.

Каких только диковинок нет в этом музее! Вот те же Конусы, чей яд смертоносен. В другом планшете — камнееды Фоласы и Лиофаги. Наутилусы, возраст которых можно определить с точностью до дня. Слово блюдца кофейного сервиза, «морские уши» Галиотисы — королли перламутра.

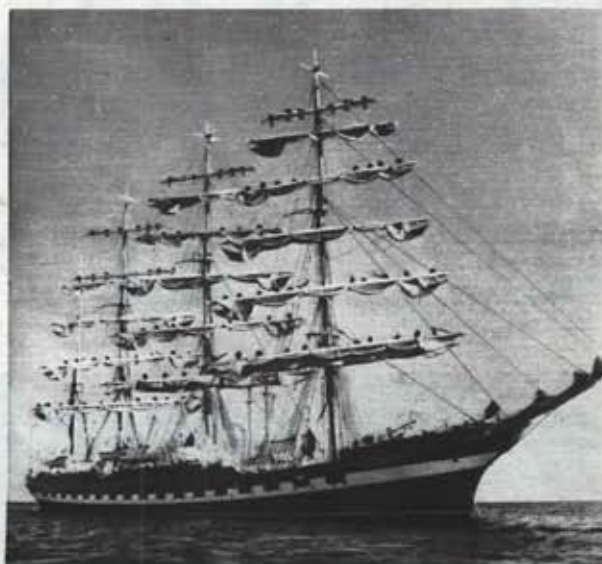
Третью жизнь посвятил Буруковский конхиломании — собиранию раковин. Он привозит их, возвращаясь из дальних рейсов, будучи «плавающим» научным сотрудником Атлантического НИИ мор-

ского рыбного хозяйства и океанографии. Он обменивается подводными диковинками с коллегами, получая посылки со всех концов света. Прослышав о страсти хозяина квартиры, к нему подчас идут незнакомые люди, отдавая в дар свои находки. О многочисленных друзьях и говорить не приходится... А сам владелец коллекции сердечно рад гостям и готов, забыв о времени, часами демонстрировать раковины, увлекательно рассказывая об истории каждой. Неудивительно, что в городе у Буруковского уже появились последователи, а книга «О чем поют ракушки», выпущенная Калининградским издательством, разошлась мгновенно.

Олег СИДОРОВ.
Фото Петра УГРОВАТОВА

ТВОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОД ПАРУСАМИ — ЗА УБЕГАЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

Редко кому нынче удается увидеть большой парусник в море — чаще в кино или на картине. А уж пройти морем под парусами — об этом большинство из нас может лишь мечтать. Вот почему окантоваться на паруснике и для курсантов мореходных училищ — большая честь.

Каждые три месяца для барка «Крузенштерн» формируются команды из курсантов судоводительских специальностей высших инженерно-морских мореходных училищ Министерства рыбного хозяйства СССР. Из Риги и Мурманска, Клайпеды и Таллина съезжаются юные мореплаватели, чтобы освоить профессию палубного матроса, познакомиться с бытом и службой на судне.

Школой отличной мореходной закалки называют практику на паруснике. С утра до позднего вечера курсанты шлифуют необходимые навыки. И вот на ладонях появляются первые мозоли от работы на шпиге при подъеме якоря, но зато морские узлы получаются прочными, не пугает высота рей и вантов, не в новинку и холодные ночные ватты...

Сегодня на парусных регатах встречаются моряки Польши, СССР, США, Англии, Швеции, Норвегии. Собираются, чтобы помериться морской выучкой, обменяться опытом. На «Крузенштерне» во время операции «Парус» при переходе Портсмут — Сен-Мало практиковались иностранные кадеты: англичане, датчане, французы. Тогда за победу в регате «Крузенштерн» получил приз «Капитан Сарк». А сколько доставила радости морякам польского парусника «Дар Поможе», американского «Игле», португальского «Сагресса» визит советских моряков! Всюду, где бы ни находился самый большой в мире барк «Крузенштерн» — в Гамльтоне или Ньюпорте, в Санта-Крус или Гетеборге, — люди радушно встречали советских моряков, искренне пожимали им руки.

Владимир КОНОНЕНКО.
Фото автора

ЗАГАДКА ЛЕДЯНЫХ ГОР

Наш вертолет приземлился у стойбища оленеводов в центре якутской тундры. Когда пастухи собрали расторопное громом моторов многочисленное стадо, начался неторопливый традиционный разговор о погоде, здоровье и, наконец, о делах.

— Однако обедать пора! — спохватился бригадир оленеводов Роман Зуев и послал одного из своих помощников... к «холодильнику».

Только тогда я обратил внимание на небольшую, оплывающую под летним солнцем ледяную гору. Она была похожа на огромную голову голубоватого сахара. Оленеводы пробили в ней несколько пещер и хранят в этом природном холодильнике запасы продовольствия.

Позднее такие горы мне встречались во многих местах якутской тундры, но никто из знакомых геологов не мог объяснить их происхождение. Гипотез, в том числе фантастических, доводилось выслушать предостаточно, но горы так и оставались загадкой. И только совсем недавно ученые проникли в их тайны. Пробурив несколько глубоких скважин, они пришли к выводу, что под мощным слоем оледенелого грунта находятся огромные подземные водохранилища, наполненные... киплятком.

Пробиваясь на поверхность сквозь толщу вечной мерзлоты, эти источники сначала образуют небольшие наледы, которые постепенно вырастают до внушительных размеров. И горы эти солнце не в силах растопить за короткое северное лето.

Горячие подземные источники, по мнению ученых, можно эффективно использовать и в энергетике, и для отопления жилых домов, и для создания множества теплиц, что очень важно для холодной Якутии. Поднятие этих вод на поверхность не потребует ни особого труда, ни больших затрат. Правда, предварительно нужно решить еще одну задачу: как использовать бесплатное подземное тепло, не нарушив природного равновесия?

И весьма возможно, что в ближайшем будущем ледяные горы Якутии будут использоваться не только как холодильники для оленеводов, но и как мощные природные теплоцентрали.

Юрий ВЕДЕРНИКОВ

Однажды я прочитал в одной старинной книжке пословицу: «Полю модиться, живи как водится!» И подумал, что ни разу ни от кого ее не слышал. Может, потому, что с течением времени и ростом благосостояния изменилось само понятие моды? В ней видят уже не «изменчивую прихоть», а в некотором роде элемент внешней характеристики человеческой индивидуальности. Понятно, что при такой постановке вопроса роль художника-модельера в обществе становится весьма значительной, интерес к его работе велик.

Если же спросить у читателей, с кем из современных художников-модельеров им хочется встретиться, думаю, что большинство назвало бы Вячеслава Зайцева.

Высокий профессионализм всегда привлекателен. И всегда интересно приглядеться к его истокам. Поэтому, встретившись с Вячеславом Зайцевым, я, что называется, с ходу спросил:

— С чего же все началось?

— Я родился в Иванове, в семье в общем-то далекой от искусства. Правда, мама и папа в молодости увлеклись художественной самодеятельностью...

В школе меня обуяла жажда деятельности, праздничности. Я пел в хоре, танцевал, даже в театр приглашали играть. Возвращаясь домой, встречал во дворе девочек, вышивавших цветы на модных тогда подшеч-

фабрику спецодежды, где, в частности, был маленький экспериментальный цех. Нас было пятеро, меня назначили старшим.

Опять тяжело — еще на институтской скамье готовился к Дому моделей, уже тогда выполнял работы для международных модных коллекций. А здесь — узкий профиль, горы залежавшего текстиля, от которого отворачивался потребитель.

Закалкой на будущее стали три года на фабрике. Здесь познакомился с наисложнейшей изнанкой своей профессии, ей обязан первым успехом и многими уроками...

— Первым успехом?..

— Фабрику пригласили участвовать в ежегодном всесоюзном эстетическом совещании по модам. В первый раз. И мы показали там коллекцию моделей. Захотелось с учетом фабричной специфики создать нечто новое для сельских жителей, взяв за основу старинную душегрею, валенки, ватник. Захотелось уйти от будничности, серой линейной стеганки, которая тогда так примелькалась, показать прослеживающееся в истории народного костюма умение русского человека в самой скромной одежде подчеркнуть свой природный оптимизм. Телогрейки мы сделали из простеганных на вате цветных ситцев — декоративных, сочных. Валенки были не серые и не черные, а цветные, с аппликациями.

Показ коллекции выглядел как спектакль. Он, по-моему, многих взволновал, но по-разному. Эстетическая комиссия разгромила нас в пух и

прах: это никому не нужно... театр... нежизненно... нереально.

Самолюбие не позволяло мне дальше руководить группой. Я стал работать художником потока, два года создавал модели для цеха. Занимался производством, технологией и даже ценообразованием. С затратами минимальных средств мы реализовали все великвиды. Продукцию охотно брали лучшие магазины Москвы. Словом, прочно вошел в производственно-творческий ритм жизни, в котором производство пока занимало первое место.

А потом я пришел работать в ОДМО — Общесоюзный дом моделей. Памятуют неудавшийся показ, многие из здешних художников поначалу встретили меня с недоверием. Но совместная работа их переубедила. И я пробыл здесь более четырнадцати лет. Модельером, руководителем группы экспериментального моделирования, заместителем главного художественного руководителя ОДМО. Теперь знаю, что завоевать доверие людей, с которыми работаешь, потруднее, чем, например, зрителя в театре.

Сейчас я — художественный руководитель московского Дома моды, биография которого только начинается. Дуюю, что у нашего коллектива есть все возможности сократить дистанцию между творческой лабораторией модельера и теми людьми, для которых мы работаем. Один из путей — показ коллекций с приемом заказов на изготовление одежды по демонстрируемым моделям.

— Кроме того, вы стали препода-

вать в Московском технологическом институте...

— Наверное, у многих в жизни наступает момент, когда очень важно становится передать другим то, чему выучился сам. И самое лучшее место для этого, конечно же, студенческая аудитория. Но и в этом варианте никак нельзя отрывать от творческой работы — иначе наступит застой. Поэтому я создаю много костюмов для кино, театра и телевидения. И считаю эту работу очень серьезной. Во-первых, любой фильм, спектакль или телепередача, о чем бы в них ни шла речь, косвенно обязательно пропагандируют моду, вкус. Во-вторых, одежда должна оттенять характер действующего лица, времени и места действия. Выполнить эти требования не просто, но зато как они помогают оттачивать мастерство!

Первый спектакль, в подготовке которого я принял участие как художник по костюмам, — «Безумный день или Женитьба Фигаро» в Театре сатиры. Затем были МХАТ, «Ромэн», Вахтанговский, имени Моссовета, «Современник». Пьесы самые разные: «Вишневый сад», «Здравствуй, Пушкин», «Ричард III», «Пришлица Турандот»... Кроме того, много работаю для эстрады. Вот уже несколько лет я член Союза художников. Постоянно рисую: фиксирую состояние прошедшего дня, сиюминутное настроение, мысли. Все это, конечно, неотъемлемо от моей основной профессии, поскольку помогает полнее раскрыть творческие возможности, выйти на новые горизонты. Совершенная линия на бумаге — залог

Вячеслав ЗАЙЦЕВ, художник-модельер:

"КАПРИЗНА ЛИ МОДА?"

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ках для иголок — гладью, крестиком... Цветы надо было сначала нарисовать, и я охотно делал это, а бывало, раззадорившись, сам брался за иглу.

После седьмого класса хотел стать военным, но не получилось. И тут одна из вышивальщиц зовет: пойдём в химико-технологический техникум на факультет прикладного искусства, вместе веселей. Пошел. Сдал. На «отлично», что было совершенно невероятно. Через четыре года защитился, тоже с отличием, и был послан учиться в Московский текстильный институт.

Москва ошеломила. Стипендии тогда были маленькие, рассчитывать на помощь из дома не приходилось. Учился и одновременно устроился в одну семью «домработницей». В ту пору я много рисовал: копировал мастеров эпохи Возрождения, русских мастеров и древнерусскую живопись, иранские миниатюры, китайские фрески. Там, где по программе требовалось пять копий, я делал до сорока... Остальное время отдавал самодеятельности. Впоследствии, когда я вышел на сцену уже как пропагандист моды, мне это очень помогло — не было страха перед залом.

В 1962 году вместе с другими выпускниками пришел на Бабушкинскую

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
МОДЕЛЕЙ ОДЕЖДЫ.

бы несколько ярких фактов, так сказать, для знакомства, чтобы заинтересовать темой...

— Знакомство состоится, когда книга выйдет в издательстве «Молодая гвардия». А просьбу вашу я охотно выполню, воспользовавшись главным образом упомянутой выше брошюрой Петрова. Итак, несколько штрихов к портрету моды.

...Вне моды человека нет. Каждый из нас несет ее отпечаток. Он либо старомоден, либо ультрамоден, либо современен.

...Дети оценивают своих сверстников «по одежке» уже в 3—4 года. Первоклассники характеризуют по ней товарищей в 88 случаях из ста.

...Вопрос о происхождении одежды до конца неясен. Вряд ли она появилась только как защита от непогоды — ведь арабы кутаются в жару, а жители островов около мыса Горн оставались обнаженными и в холода.

...Внушительная драгунская форма возникла не шегольства ради, а чтобы в бою было легче отличить своих от чужих.

...В допетровской Руси, когда сарафан носили и женщины и мужчины (включая царя), окладистая борода была отличительным знаком пола для всех слоев населения. Затем она стала уделом простонародья. И в 1812 году вместе с казаками завоевала Париж, а уж там снова привлекла внимание российского дворянства. Как писали, «русские очутились с прежней своей собственной бородой, которую выслали было в дверь, но которая вернулась к нам в окно из-за тридцати земель с заграничным патентом». Мода на бороды и усы уже в наше время возникла как ответная реакция на распространение женских брюк и феминизированные длинные прически, а также различные рюшки, кружева, прочие украшения у мужчин.

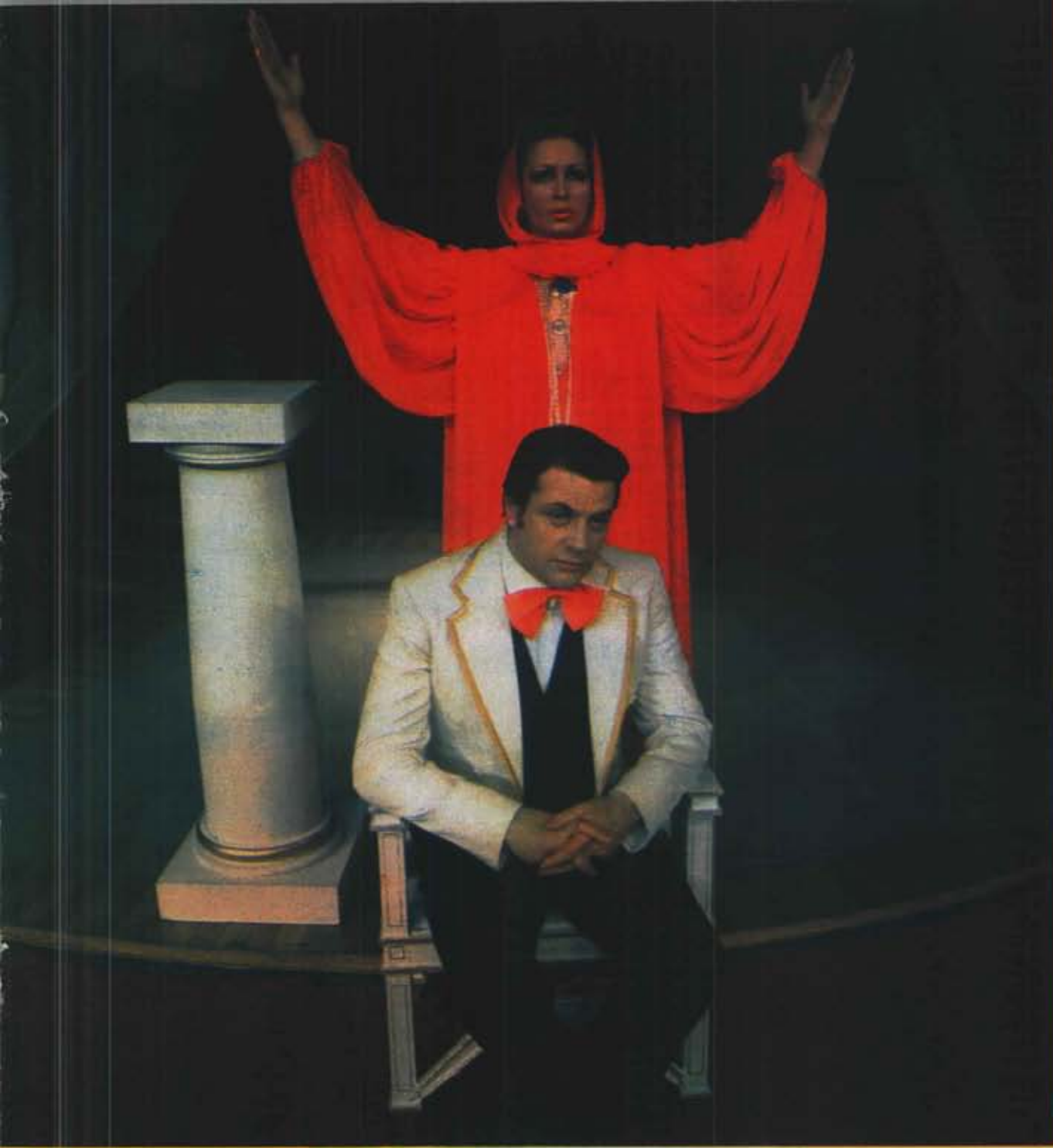
...«Прямо поразительна та ненависть, с которой почти везде мужчины встречали это нововведение. Уличные скандалы в столицах мировых, как и у нас в России, поражают своей нелепостью, своей беспочвенностью. Что, собственно говоря, теряют мужчины при введении новой моды?» Эти строки из «Дамы в штанах» — очерка по истории эволюции женского платья, увидевшего свет в Киеве в 1912 году. Однако борьба против женщин в брюках началась куда раньше. К ней причастно даже священное писание, где сказано: «На женщине не должно быть мужской одежды, мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред господом богом твоим всякий делающий сие».

...Екатерина II терпеть не могла ни французской моды конца XVIII века (за нею чудилась революция), ни лорнетов. Понимая, что бороться запретами с тем и другим бессмысленно, она повелела одеть по французскому «модному фасону» петербургских будничников. На Невском также появились запряженные в экипажи лошади с огромными очками. Компрометация оказалась сильнее запретов.

...Саквояжи «модель атташе» (он же «кейс» или «дипломатка») первоначально стали модны, увы, благодаря одному из фильмов с Джеймсом Бондом — в таком «агент 007» носил яд, отмычки, оружие и прочее шпионское снаряжение, делавшее его всемогущим. Конечно, нынешние владельцы «дипломаток» об этом не задумываются, предпочитая их портфелям просто потому, что форма последних сильно примелькалась.

— Наш разговор, как в журнале мод, почти все время идет вокруг женского платья. Справедливо ли забывать о мужчинах?

— Нет, конечно. Просто сказывается инерция традиций, присущая сильному полу сдержанность. Но хотя сре-

ЗАДУМЫВАЯ КОСТЮМ, ТЕАТРАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК ВОССОЗДАЕТ ЭПОХУ И ХАРАКТЕР.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА СЦЕНУ.

— Все сколько-нибудь значительные изменения в одежде социально обусловлены, продиктованы требованиями времени, а не чьей-то прихотью. Художник-модельер просто воспринимает их тоньше и прежде остальных соображает: пора, скажем, переходить от поднадоевшего прямого силуэта к трапециевидному, от маленького платья — к свободному. А вот эти, ставшие уже классическими модели, наоборот, менять не надо. Чтобы вдохнуть в них новую жизнь, достаточно изменить цвет и фактуру тканей.

— Чем же тогда был обусловлен, например, столь резкий поворот от мини к макси? Правда ли, что на Западе мини-мода была спровоцирована фабрикантами, заинтересованными в выпуске колгот взамен более дешевой чулок, а макси-мода — текстильными фирмами? И почему мини держались долго, а макси только один год?

— Сначала ответу на второй вопрос. Навязать моду очень трудно. Так, европейские фабриканты, попытавшись было навязать покупателям макси раньше времени, потерпели неудачу.

А теперь о собственно моде. Минимода — реакция на стремительные жизненные ритмы нашего века. Она как бы продлевала женщинам молодость — короткое платье всегда ассоциировалось с девочкой-подростком. В этом секрет долголетия мини. К сожалению, соблазн охватил и тех женщин, кому они не подходили ни по возрасту, ни по фигуре. И мода оказалась скомпрометирована. Тогда модельеры предложили макси. Они были как вынужденная посадка и продержались год. Еще на год их сменили миди, а затем завершился переход к проверенной временем, наиболее элегантной и удобной классической длине.

Феномен моды, ее история и эволюция вообще весьма любопытны, а подчас поучительны. Однажды на Ленинградской студии телевидения я познакомился с очень интересным ученым, кандидатом искусствоведения Л. В. Петровым. Беседа с ним и его брошюра «Мода как общественное явление» произвели на меня большое впечатление. Парадоксально, однако, что самый массовый вид прикладного искусства исследуют единицы искусствоведов, а популяризируют и того меньше. В конце концов я даже решил сам вместе с двумя близкими мне по духу журналистами подготовить книгу.

— Понятно, что в рамках интервью ее не пересказать. Но хотя

совершенства линий модели. Рисуя я и потому, что мне, как всякому художнику, важна отдача.

— Поиски кого из коллег вы считаете наиболее интересными?

— Хороших художников-модельеров сейчас в стране много. Москвички Елена Стерлигова и Лина Телегина, минчане Инна и Владимир Булгаковы... Еще мало кому известные, но талантливые художники, вчерашние студенты, пришли в Ленинградский дом моделей.

— Капризы моды вошли в разговорку. Наверное, такова и фантазия у ее создателей — капризная, переменчивая?

ЗАТВОРАМ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОН

Вышел утром на берег реки, а по ней звон, тонкий-тонкий, еле уловимый.

Не сразу понял, в чем дело: река уходила в зиму высокая; прибрежные кусты затоплены, ночью ударил заморозок—вода «подсохла», и на всех веточках, побегах тальников и на затопленной осоке настало по ледышке. Висели они колокольцами над водой, струями шевелило тальники, льдинки позванивали едва внятно, а когда занимался ветерок, звон густел, угрюмая, бурная, все лето недовольно гудевшая река начинала искриться из конца в конец, открываясь добрым материнским ликом.

В тихом, отходящем звуке, в легком свечении пустынной, всеми забытой реки чудилась вроде бы покаянная виноватость—была вот все лето злая, мутная, неласковая, затопила птичьи гнезда, не одарила добычей рыбаков, не одарила радостью купальщиков, распугала с берега детей, отпускников...

Поздняя осень, чуть греющее позднее солнце, но сколько от него светлого свету! И чуть слышный хрустальный звон кругом! Россыпь искрящихся колокольчиков над берегами—голос грустного предзимья по всему поднебесному миру.

ХВОСТИК

Смеется, заливается, хохочет мальчик...

Овсянский остров напоминал когда-то голову—туповатую с затылка и заостренную, чубатую со лба. В любое время года была та голова в окладе венца—бледная зимняя плешь обметана чернотой; весной плешь острова нечесано путалась серо свалывшейся отавой, взятой в кольцо багряно мерцающих тальников, которые не по дням, а по часам погружались в глубину вспененного черемухника. Пока черемуха кружилась, метелила по берегам острова, в середине его вспыхивала, и, страхнув с себя рыхлый цвет, оробело останавливалась прибрежная гуща, утихали листом тальники, ольхи, вербы, черемухи, отгородившись от пожара полосой небоязного к огню смородинника...

В осени мягкий лист кустарников бронзовел, и выкошенный, чистый остров в ровной стрижке зеленой отавы победно возносил мачту над высоким стогом сена. И всю-то зимушку покрыто было боязливое темечко земли пухлой шапкой сена, и серебряно звенел венец, надетый на чело острова. Желтая птица кружилась и кружилась над зимним стогом. Ветер с Енисея гнал ее встреч бурям, и алым флагом вспыхивало крыло высокой птицы под широкой зарею в часы предвечерья.

Гидростанция зарегулировала реку, откатилась вода, и стал Овсянский остров полуостровом. Захудала на нем некошенная трава, усохли кустарники. По оголившейся отныне и пологим берегам налет зеленого помета—цветет малопроточная вода. Перестала цвести и рожать черемуха, обуглились,

почернели ее ветви и стволы; не полыхают более цветы—они вытоптаны или вырваны с корнем. Лишь живучий курослеп сорит еще желтой перхотью среди лета, да жалница и колючий бурьян растут по оподолью бывшего острова.

Прежде были в заречье дёфевенские покосы и пашни, но где они были—уже не найти. Нынче сооружен здесь деревянный причал. Валом валят на эти берега хозяйственные дачники, чтобы холить и выхаживать на личных огородах и в теплицах редкую овощь, цветы, ягоды. В субботу и воскресенье—пароход за пароходом, теплоход за теплоходом, катер за катером, «ракета» за «ракетой» прилипают к причалу и выделяют из себя жизнерадостный народ.

Под бравую песню «То ли еще будет...» расплзается он по затоптанному, растерзанному клочку земли, глядя на который еще раз убеждаешься, что в смысле выделения мусора никто сравниться с высшим существом не может—ни птица, ни зверь... Берега и поляны в стекле, в жести, в бумаге, полиэтилене—на природе жгут костры, пьют, жуют, бьют, ломают, гадят, и никто, никто не прибирает за собою, да и в голову такое не приходит—ведь они приехали отдохнуть от трудов.

Оглохла земля, коростой покрылась. Если что и растет на ней, то растет в заглушь, украдкой, растет кривоносо—изуродованное, поцарапанное, резаное, битое, обожженное...

Хочет мальчик на берегу. Увидел что-то не просто смешное, а потешное, вот и хохочет.

Подхожу, обнаруживаю: возле вчерашнего воскресного кострища, среди обьедков и битого стекла стоит узкая консервная баночка, а из нее торчит хвостик суслика и скрюченные задние лапки. И не просто так стоит банка с наклейкой, на которой красуется слово «Мясо», на газете стоит, и не просто на газете, а на развороте ее, где крупно, во всю полосу нарисована художником «шапка»: «В защиту природы...»

«Шапка» подчеркнута не то красным ломаным карандашом, не то губной помадой, через всю полосу шатающиеся, промоклые, красные буквы, из них составлено слово: «Отклик».

— Что же ты смеешься, мальчик?!

— Хво... хво... хвостик!

Да, хвостик суслика смешон—напоминает он ржаной колосок, из которого выбито ветром зерно, жалкий, редкостный хвостик—никто не сеет нынче в заречье хлеба. Дачными же ягодами суслику не прожить, захудал он, вот с голоду и подался крошки по берегу подбирать, а тут его поймали веселье гуляки и засунули в банку головой, судя по царапинам на бумажной обертке, засунули живого. И «отклик» на газете, догадываюсь я, написан не карандашом и не помадой, а кровью зверушки.

КОСТЕР ВОЗЛЕ РЕЧКИ

Все-таки я встретил тех, кто не только сорит, но и убирает...

Нет, не на родине, не в Сибири. В Подмоскovie встретил.

Ехал от аэропорта Домодедово и возле березовой рощи увидел седого, легко одетого мужчину с полиэтиленовым мешком, в резиновых перчатках, и женщину, одетую в спортивные штаны, в рубашку мужского покроя, тоже в перчатках и тоже с мешком.

Они неторопливо двигались по опушке рощи, о чем-то беседуя, время от времени наклонялись и складывали в мешки бумагу, коробки от сигарет и папирос, фольгу, обрывки полиэтилена, окурки, раскисшие куски хлеба, старые обутки, лоскуты—все, чем сорит вокруг себя человек.

— Видал чокнутых?—почему-то со злобой воскликнул шофер-таксист, везший меня в Москву. Я поглядел на него вопросительно.—Академик с бабой своей. Дача у них тут недалеко. Как идут на прогулку, прихватывают с собой мешки и лопату.

Какой мусор приберут, так сожгут возле речки, че где выправят, че где закопают. Цветки рвать не дают, прямо за грудки берут, и-и-и-удио-оты! Да разве за нами, за поганцами, все приберешь?! И-и-и-удио-оты!..

Он резко крутанул руль. Двое пожилых людей исчезли за поворотом.

...Всякий раз, как еду в аэропорт Домодедово и вижу дымок костерка над речкой Пахрой, с тихой радостью думаю: это они, терпеливые люди, делают посильную добровольную работу, так необходимую уставшей земле,—жгут мусор возле речки.

РАСКОПКИ

Близилась весна.

Пошел с внуком гулять в парк. Раньше был этот парк «патриаршим» или «архиерейским», потому что он позади горки, на которой расположен кремль, собор и множество церквей было, и парк был, и каскад прудов, и горка рукотворная с круглой верандой, на которую восходил его преосвященство и озирали окрестности, довольно просторные и живописные.

Из каскада прудов остались две лужицы, заросшие ряской, а по берегам реденькие липы, клены да березы—под видом борьбы с большими деревьями старые деревья срублены, новые посадить забыли. Горка с верандой обросла неслышанно яркой и густой бузиной, но ее также истребили под корень, чтоб не пили в заманчивых куцах и не шалили юные отроки. И эта коммунальная забота лишней раз подтверждает, что господь бог сотворил землю круглой исключительно для того, чтоб людишки не грешили по углам.

Как все-таки давно и упорно ведется борьба за человеческую нравственность!

Идем мы с внуком по пустынному оснеженному парку. В грязных лужах копошатся двое трудяг городского коммунального отдела, долбят канаву—промерзли пруды до дна, а надо, чтобы вешней воде было куда течь. Вся свежедолбленная канава сверкала малахитовой прозеленью.

Остановились с внуком, глазею. Трудяги охотно оставили работу, вступили в беседу.

— Дно водоемов покрыто стеклотарой,—пояснили они,—современная молодежь без подогрева танцевать не желает. Куда девать бутылки?

Один трудяга, из ученых, видать, задумчиво поцарапал под шапкой:

— И вот откопают нас лет эдак через тыщу, и будут гадать умные головы: зачем и почему предки устилали дно водоемов бутылками?

— Много теорий выдвигают! Много чинов и денег на этом деле добудут!—поддержал мыслителя его соратник по труду.

— Предположим одну из вероятных теорий,—словно на общественной трибуне вещал он.—Сии сосуды опускались на дно водоемов для обогащения жидкости. Возможны варианты. Пос-

кольку раскопают танцплощадку, то сама собою возникает догадка, что бутылки издавали звуки горлами, под которые проходил праздник.

И, берясь за лопату, спросил один из прорицателей не у меня и не у себя, а как бы у пространства:

— Интересно, какую музыку угадают? Ассоциативно-коммулятивную? Или диссонансно-кооперативную? Ха!

— Угадают, угадают,—махнул рукой сотоварищ.—Есть песня, которая пронзит толщу веков: «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночь темная была...»

Я пошел в глубь парка, держа маленькую и теплую руку внука в своей руке. Трудяги, лишившись слушателя, продолжили работу, выбрасывая из канавы звенящее стекло вперемешку с месивом плесневелой ряски и жиденькой грязи.

МАЛЬЧИК И ДЕВИЦЫ

На закате дня, в тихое солнечное предвечерье сидел я на деревянном помосте пристани, парохода дождался, обняв чехол с удочками, будто самую желанную женщину. На одной со мною скамье вольно расположились три девицы, бравшие впереди меня билеты. Одеты и накрашены они были с той щедростью, которая с первого взгляда выдает заскорузлую провинцию, тужащуюся утереть нос столице, и не одной, всем сразу: уж ежели штаны, так не штаны, а «шкары», на полметра ширше, чем у «ихних»; ежели краски на лицо, так без нормы. По норме-то и родители нажились...

Девицы не щebetали, не жеманились, не хихикали. Они вели себя с той вальяжной томностью, которую где-то увидели, подхватили, усвоили, а усваивая, удвоили и утроили. Они неторопливо и даже как бы нехотя потрeбляли мороженое, заголяя намакиюрными вишневыми ноготками хрустящую оболочку, и лениво перебрасывались фразами — на предмет, кто во что и как одет. Особенным, каким-то закоренело-неприятным их вниманием пользовались девицы, и по тому, как часто раздавалось: «Ф-фи-и! Пугало! Вырядилась!...» — выходило, что все хуже их одеты и вообще неполноценны.

По деревянному перрону медленно двигалась с метлой уставшая пожилая женщина в синем запляленном халате, в рабочих ботинках и белом, постаринному глухо повязанном платке. Она вытряхивала в ящик, приставленный к тележке, мусор из железных урн, сметала с перрона бумажки и окурки в совок, и, когда подошла к скамьям, пассажиры неохотно, кто с ворчанием, задирали ноги, потому что всем ожидающим скамей не хватало, и, если покинешь место, его могут занять.

Молча выметая мусор из-под ног, женщина прошла нашу скамью, заканчивала уже работу, когда на пристани объявился всем улыбающийся, опрятный мальчик в старенькой ермолке и начал ей помогать. Он подбирал бумажки, бросал их в ящик, и женщина что-то ему тихо говорила, хвалила, видать. Мальчик, судя по всему, когда-то крепко переболевший, чистосердечно радовался похвале матери ли, родственницы ли, а может, и совсем незнакомого ему женщины, старался изо всех сил, ладонями сгреб мусор, поднес его, словно пойманную птичку. Женщина распрямилась, вытряхнула из рук мальчика сор и, что-то ему тихо выговаривая, терла ладони полый халата, и он преданно смотрел ей в рот, ловил затуманенный усталостью взгляд и все улыбался.

Одна девица домочила мороженое, скомкала обертку, небрежно швырнула ее под ноги, широко зевая, лениво потянулась, забросив руки за спину

скамьи. Две другие девицы так же шлепнули намокрутую бумагу о доски и тоже скукисились, как бы решая утомленно, куда себя девать или чего еще выкушать.

Подошел мальчик, подобрал бумажки и укоризненно сказал:

— Тетенька подметает, а вы сорите. Как нехорошо!

— Ой, дурак! Дурак! — тыча в него пальцами, оживились девицы.

Лицо мальчика дрогнуло. Еще плавала улыбка, делающая лицо мальчика остренно печальным и в то же время доверчиво ласковым, ну, как у всех детей, когда они исполняют добрую работу, радуются сами себе и тому, что полезны, необходимы кому-то. Но она, эта улыбка большого, ущербного человека, уже сделалась лишней, отделилась от лица, а само лицо, разом осунувшееся, обрело выражение той унылой покорности, какая бывает у стариков, навсегда приговоренных доживать век в немощах, в тоске, в безнадежности.

Женщина, закончившая работу, с трудом разняла руки мальчика, в которых он затискал мокрые обертки от мороженого, бросила их в тележку и пошла, ни слова не сказав девицам, лишь слегка покачала головой — перевидала она, должно быть, всякого народу, натерпелась всякой жизни.

Мальчик догнал тележку, взялся подталкивать ее сзади и снова улыбался всем встречным и поперечным, забыв летучую обиду, потому что снова у него было дело и он кому-то был нужен.

— Надо же! Дурак — и шляется! И его не забирают...

— Девушки! Вы не в педучилище ли сдавать экзамены приезжали?

— Ой! А как вы узнали?! — Соседки мои с настроженным вниманием уставились на меня: не наблюдаю ли на знакомство?

Я дал себя разглядеть — стар для знакомств — и повел разговор дальше:

— Понимаете, какое дело: есть профессиональные отличия, уже укоренившиеся, отштампованные, — и безбужно застлал пиллюлю, — по вдохновению на лица и наитончайшему такту в вас угадываются будущие педагоги.

— А-а, — согласились девицы и обмякли. Благодушие, наигранная лень, самодовольство занимали свое место на их лицах. Лишь какое-то время спустя до одной, под мужика стриженной и под шамана крашенной девицы дошло.

— Гражданин! — зыкнула она ломающимся басом. — Если выпили, так не вяжитесь к людям! Пошли отсюда, девочки! — И, уходя, обрушила на меня тяжелый взгляд сытых глаз: — Бр-р-родят тут всякие! Э-э-заразы!..

Я сидел, обняв чехол с удочками. На брусчатый вьезд от причала поднималась женщина с тележкой. Мальчик одной рукой помогал толкать тележку, другой на ходу подбирал мусор.

ЛУННЫЙ БЛИК

Ночью впереди теплохода, на гладкой воде роцкером играл лунный блик. Он серебрился, фосфорно зеленел, ширился, извивался змейкой, прыгал головастиком, убегал шустрой ящеркой.

Верилось, с нетерпением ждалось: вот-вот наступит теплоход живую тень луны, сомнет ее, срежет плугом носа...

Но проходили минуты, прошел час, другой, а отблеск далекой луны все бежал и бежал перед теплоходом, без усилия опережая напряженно работающую машину.

И было в этой ночной картине что-то похожее на жизнь — казалось, вот-вот поймашь, ухватишь смысл ее, разгадаешь и постигнешь всевечную загадку бытия.

Рисунки Валерия СМЕРНОВА

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Галина МАКСИМОВИЧ,
научный сотрудник,
Харьков

Хранители огня

Была такая должность —
хранители огня.

Пусть будет стих
и правда

Хранителем тебя,
Сердца любимых,

станьте

Хранителем
любви.

Себя назначьте
каждый

Хранителем
Земли.

Валентин ШУРАКОВ,

лектор,
Саратов

В моем краю, как будто из восхода,
Струится настоящая река.
И, словно брызги, огоньки заводов
Искрятся на обоих берегах.

В песчаном жалобе кипит протока,
Выбрасывая сизые дымы,
Над хвойным лесом кружатся сороки,
Как пепелинки прогоревшей тьмы.

Окинув мир с какой-нибудь скамейки,
Вдруг представляешь наяву почти,
Что ты стоишь в космической лифте,
При сверхурочной плавке красоты.

Евгений НИКИТИН,

военнослужащий,
Москва

Гармонь

Отсвистели военные пули.
Мне всего-то пятнадцать лет.
И для наших девчат в Караулове
Я не парень, а шпингалет.
Не хватало ребят,
Не хватало
Ни у нас, ни в деревнях окрест.
Все равно не входил я в расчеты
Даже самых невидных невест.
На штанах — симметрично заплаты,
Стрижен наголо, ростом мал.
Не вздыхали по мне девчата
И, конечно, никто не страдал.
Если было чего хорошего,
Да и то не во мне, а со мной, —
Эта старенькая гармошка,
Мне оставленная войной.

Людмила БУТКОВА,

инженер,
Лыткарино

Киж

В ясном небе, в ясном цвете
Древних северных озер
Серебристые рассветы,
Купола летят в простор.

Удалось кому осилить, —
Как иглою, купол сшить?
Сколько хрупкости и силы!
Сколько вложено души!

И нельзя не подвигнуться,
Чудо встретив наяву.
И нельзя не поклониться
Рук крестьянских мастерству.

Конкурс
одного
стихотворения

СТИХИ
Б. А. ВОРОНЦОВА-ВЕЛЬЯМИНОВА

ОБЛАКА

Много в выси под навесом,
Что соткала неба синь,
Опрокинутых над лесом
Белобашенных твердынь.

Тают в небе, в небе тонут,
Растянулись здесь и там,
Тянут вверх, в прозрачный омут,
К неизвестным берегам.

Там вдали целуют пашни,
Перепутались в игре,
Опрокинутые башни
На вечерней на заре.

Дождевые, кучевые,
Словно перьев легкий след
Перекаты легковые—
Сказки детской сонный бред.

НА ЗАКАТЕ

Я помедлить не могу—
Ветерок играет косами,
Я восторженно бегу
По пескам морскими косами.

Солнце скрылось за холмом
И рассыпалось рубинами.
Мне давно уже знаком
Поцелуй его с глубинами.

Блекнет у глубин наряд,
Покидают море краски,
Но тепло его хранят.
И его хочу я ласки.

Наступают и с волной
Отступают цепи гравия.
На закате в час такой
Окунуться в море впрямь я.

1925 год

*Получил
в подарок
уменьшенную
копию
на
возвращение
к себе
с любовью и уважением
Воронцов-Вельяминов
Александр Иванович
20 августа 80 г*

ЖИЗНЬ

Б. А. ВОРОНЦОВ-ВЕЛЬЯМИНОВ

КОЛНАБ

В 1921 году, после окончания гражданской войны, я готовился поступить в МГУ изучать астрономию. Было мне тогда 17 лет. Вместе с родителями мы жили в трех километрах от Ярославского вокзала, в холодном вагоне, и ходить на занятия приходилось пешком. Уже с пятнадцати лет я увлекался удивительным предметом и накопил научные наблюдения переменных и падающих звезд. Еще до поступления в университет мы создали Московское общество любителей астрономии и в нем—коллектив наблюдателей—КОЛНАБ,—участниками которого были мои 15—17-летние друзья, а я в течение десяти лет был его бессменным председателем. Мне очень хочется, чтобы сегодняшняя молодежь представила себе те трудные и вдохновенные годы и нас, подростков, одушевленных любовью к социалистической Родине и к науке.

Наши собрания происходили в МГУ. В сентябре 1921 года членам общества был представлен В. Г. Фесенков—начальник экспедиции, человек среднего роста, молодцеватого вида. О нем мы пока еще ничего не знали, но скоро он стал известен как неутомимый организатор науки и выдающийся ученый. На этом собрании членами общества были избраны мои друзья—Павлик Паренаго, Гутя Тюрк и я.

Павлик был умный и веселый человек, необычайно трудолюбивый и крайне преданный науке. Однажды он обменял свою комнату в каменном доме на Москворецкой набережной на комнату в деревянном доме столетней давности, чтобы не тратить время на езду, так как этот дом находился на территории

КАРИНЫ КОСМОНАВТА АЛЕКСЕЯ ЛЕОНОВА:
«ПЛАНЕТА В ТУМАННОСТИ IC-443» И «СОЗВЕЗДИЕ БЕТА-ЛИРЫ».

За XX век все прочнее утверждается звание века узкой специализации, но как бы наперекор этому он являет время от времени миру людей, в которых живо возрожденческое начало, отмеченное широтой интересов, универсальностью знаний, новизной идей.

Человек, разгадывающий тайны Вселенной, открывающий горные озера и ледники, проникающий в глубь веков, ученый, историк, поэт, учитель учителей, умелец — не тоской ли об утерянной гармонии навеян этот образ, так мало характерный для века узкой специализации? Но этот человек не из эпохи Возрождения, он наш современник, наш соотечественник. Имя Бориса Александровича Воронцова-Вельяминова знает каждый, кому довелось когда-нибудь соприкоснуться с наукой о небесных телах. Вот уже более сорока лет школьники изучают по его учебнику астрономии, студенты, у нас и за рубежом, решают задачи по созданному им «Сборнику задач и упражнений по астрономии», учителя подготавливаются к урокам по его книгам; любители астрономии читают его «Очерки о Вселенной»; астрономы всего мира знают его как выдающегося ученого-астрофизика. Более полвека он беспрестанно руководит одной из основных научно-исследовательских лабораторий Астрономического института имени П. К. Штернберга.

Б. А. Воронцов-Вельяминов развивает такие области астрономии, как физика комет, звезд и планетарных туманностей, строение галактик, космогония и внегалактическая астрономия. Он разработал новое направление исследований: теорию фрагментации галактик в связи с изучением их взаимодействий. Его работы по исследованию морфологии галактик легли в основу многих важных открытий. Его данными о космосе пользуются во всем мире.

Невозможно перечислить здесь все, что сделано им в астрономической науке, список его трудов включает более 450 названий. Образное представ-

ление о его научном творчестве дает отрывок из письма академика В. А. Амбарцумяна в связи с юбилеем Б. А. Воронцова-Вельяминова: «Взгляните на карту мира галактик, как она рисуется в современной астрономии.—обращается он к юбиляру,—и вы увидите многое, что создано вами. В какой интересный мир, полный неожиданностей и сюрпризов, вы вторглись смело, и как щедро вас вознаградила Вселенная, раскрыв некоторые из своих тайн, которые она скрывала от других. Пусть же она будет по-прежнему благосклонна к вам!»

За свои научные открытия Б. А. Воронцов-Вельяминов удостоен премии Ф. А. Бредихина, выдающегося русского астронома.

Жизнь яркой, талантливой личности всегда притягательно интересна, особенно для ищущих. Познавать духовный мир такой личности — это в какой-то степени найти и себя, соразмерить свои возможности, утвердиться в стремлении к совершенству. Каким образом человек находит свое призвание? Почему один, посвятив себя избранному делу, достигает высот, другой же, так много обещавший в юности, остается заурядным? Жизнь каждого замечательного человека дает свой ответ на эти вопросы. Б. А. Воронцову-Вельяминову посчастливилось. Его посвящение в науку, покровительствуемую, по утверждению древних, богиней Уранией, произошло рано и было поэтичным. Случилось это августовской ночью. Пятилетний человек взглянул на ночное небо и обомлел, изумленный его красотой.

Это чувство изумления при встрече с ночным небом осталось на всю жизнь и определило его будущее. В тринадцать лет он завел тетрадь, в которую вносил свои наблюдения за небесными светилами, и увлеченно читал Фламмарiona. Он уже точно знал, кем будет — самый подходящий возраст делать выбор, чтобы успеть сказать свое слово в науке.

Обстановка тех лет мало располагала к изучению астрономии. Не было телескопа, не было специальной литературы, никто в городе не разделял его

страсти к небесным светилам; трудно жилось. С пятнадцати лет он брался за любую работу: был курьером, рыбаком, сапожником, конторщиком. Случалось, у него не оказывалось крышки над головой.

И в более позднее время трудности не убавлялись, все это потом ученый назовет терниями своей жизни. Но, несмотря ни на что, были звезды и крепко заложенное в нем: как высший долг, беречь свое призвание. Уже в те годы девизом его жизни стало латинское: «Пер аспера ад астра» — «Через тернии к звездам».

В 1921 году он поступил на физико-математический факультет Московского университета и в восемнадцатилетнем возрасте опубликовал свою первую научную работу. К окончанию университета у него уже было опубликовано одиннадцать работ, которые обратили на себя внимание ученых. Его труды о новых звездах и планетарных туманностях заметил знаменитый физик Д. Е. Резерфорд. «Я получил удовольствие, читая Ваши работы,— писал он в своем письме молодому ученому.— Чувствую, что Вы заняты делом большой важности». Он не ошибся в своем предчувствии: исследования Воронцова-Вельяминова в области звездной астрономии получили всеобщее признание. Они составляют важный вклад в астрономическую науку и помогают решению ведущих проблем строения и развития Вселенной.

Вся жизнь ученого посвящена звездам, но это не отдалило его от людей — у него много учеников и последователей. Он воспитал несколько поколений астрономов, некоторые из них стали известными учеными, начав первое знакомство с основами мироздания по его научно-популярным книгам. Природа явно наделила талантливого астрофизика не только даром научного мышления, но и живого писательского слова, чтобы раскрывать непосвященным язык звезд, его красоту и смысл. И ярче всего проявился этот дар в его книге «Очерки о Вселенной», недавно вышедшей седьмым изданием.

ЗВЕЗДАМ

обсерватории, можно было отдавать больше времени науке. Впоследствии Павел Паренего стал выдающимся ученым.

Моим большим другом был в то время замечательно добрый Гутя, Густав Густавович Тюрк. Узнав, что мы живем в пустом вагоне и у нас нет даже стула, он нашел у себя на чердаке исправный стул и пешком принес его от Садово-Сухаревской до нашего вагона, стоявшего на путях Москвы-третьей. Он подарил мне астрономические книги: с ним я впервые попал в Москву на спектакль МХАТа «Горе от ума», где раз в неделю с ночи устанавливалась длинная очередь в кассу за билетами. Вместе с ним мы посещали собрания общества, наблюдали в бинокль блеск одних и тех же звезд...

Секция популярной астрономии заслушивала доклады, рассчитанные на учащуюся молодежь и на распространение астрономических знаний в массах. Коллектив наблюдателей — КОЛНАБа — вел научные наблюдения. Мы собирались в тесной комнатке геологического здания МГУ. Изредка у нас появлялись уже тогда известные ученые: Д. О. Святский и Н. А. Морозов, знаменитый шлиссельбуржец, по книге которого «Функция» я изучал высшую математику. Помню, как я, трепеща от гордости и страха, совсем недавний школьник, любитель астрономии, делал доклад. Святский рассказал о ведущихся им исследованиях астрономических явлений по русским летописям, а Николай Морозов-Шлиссельбургский — историк астрономии в России — о своей потрясающей работе. Он построил графическую хронологию разных древних царей и нашел якобы совпадение их друг с другом, откуда заключил, что Рамзес II, Моисей и другие — одно и то же лицо, что древней истории не было, а это разные рассказы об одном и том же: об истории Византии в эпоху ее завоевания крестоносцами.

Я, столь восхищенный другими его трудами, при всем благоговении к нему заявил: «Как же так? Разве мировая культура могла развиваться так скоро, что вы все многолетнее развитие укладываете теперь в несколько столетий?» «Ну, что ж, это и хорошо», — ответил мне Морозов.

В своем дневнике я записал о нем: «Он ужасно простой и симпатичный, простился со мной за руку!»

Мы, юные, благоговели тогда перед научными авторитетами. Н. А. Морозов был в 20-х годах председателем Общества любителей мироведения в Петрограде. Деятели этого общества с ревностью смотрели за возникновением и развитием в Москве моего КОЛНАБа, они не хотели уступать первенства. Позднее, когда мы побывали в Петрограде, мы подружались, и в 1921 году они напечатали в своем журнале мой первый обширный обзор новостей астрономии за 1918—1919 годы — на основе журналов, которые я получил от известного французского астронома тех лет Фламмарiona.

Это была совершенно новая идея — КОЛНАБ: нам следовало организовать и согласовать работу разрозненных и произвольных любителей наблюдений небесных светил по научной программе, обеспечивая взаимоконтроль, плановость работ и большой выход данных.

Знания — в массы — это была одна из главных задач нашей астрономической секции. Работа велась на общественных началах. У нас не было ни бумаги, ни денег, ни машинистки, ни машинки. Чем могли обладать тогда мы, голодные и безденежные пятнадцатилетние мальчишки, страстные любители астрономии, чем, кроме энтузиазма? Помню, я был восторжен и всегда вдохновен, писал стихи о звездах и друзьях. Моей молниеносной деятельности по созданию КОЛНАБа — организации, совершенно новой в истории любительской астрономии, благоприветствовала природа. Всего лишь в середине сентября я вошел в общество, а 16 октября должно было состояться полное лунное затмение, видимое в Москве с начала вечера! Великолепный шанс доказать преимущества организованных коллективных наблюдений. Для разработки научной программы я привлек профессора МГУ Блажко и студентов старших курсов. Мы мобилизовали все наблюдательные пункты Москвы, все телескопы и работали по заранее составленной и захронометрированной программе. На счастье, погода была безоблачной, и мы получили много ценного научного материала, который вскоре был опубликован в «Известиях» Общества любителей мироведения.

Важнейшей проблемой для КОЛНАБа было создание обсерватории в Москве — открытой и доступной

площадки с широким горизонтом. В поисках подходящей площадки мы с Гутей Тюрком обошли всю Москву. Ход на крыши высоких домов всегда был через чердак, и хозяйки, беспокоясь за сушившееся там белье, устраивали нам всякие препятствия, не пускали на чердак.

Нам нужен был также хотя бы небольших размеров телескоп. Тюрк предоставил свою 50-миллиметровую трубу и самодельный телескоп, пожертвованный вдовой одного любителя. Наконец, Тюрк получил от директора школы, где он учился, разрешение хранить в кладовушке свои телескопы. Ночью их можно было выносить на большую асфальтированную площадку с открытым горизонтом. Этой «Первой обсерваторией КОЛНАБа» мы пользовались до 1932 года, пока не произошла кража со взломом и телескопы не были похищены.

Важной была проблема публикаций трудов КОЛНАБа, тем более, что в обмен на собственный печатный орган из-за границы можно было получить труды других обсерваторий. В 1923 году мне удалось создать бюллетень КОЛНАБа, и я был его главным редактором много лет. Издание было тонкое и лаконичное, но на него ссылались даже в научной литературе.

В обмен на наш бюллетень публикуемых трудов КОЛНАБа иностранные обсерватории присылали свои издания, которые стоили бы огромных сумм, если бы мы их покупали. Несмотря на все трудности, наша научная работа приносила заметную пользу в развитии астрономической науки молодой Советской рес-

Автору постчастливилось найти наиболее точную интонацию, чтобы доходчиво и понятно рассказать о самом сложном, дав цельный образ Вселенной, этой главной героини книги. Он свободно, раскованно беседует с читателем, доверяя его возможностям. Он напоминает своему незнакомому собеседнику забытое, приобщает его к новому, приглашая посетить дорогой его душе мир, населенный кометами, галактиками, туманностями и всякого рода другими небесными светилами, имена которых всегда тревожат наше воображение. Он старается пробудить в читателе дух творческого поиска. Дерзайте! Читайте звездную книгу, и Вселенная откроет вам свои тайны. И случается — открывает тому, кто ищет.

«Очерки о Вселенной» живут уже более тридцати лет, по-прежнему вызывая к себе большой интерес.

Всегда хочется, чтобы человек, создающий духовные ценности, и сам оказался бы высококвалифицированным, просто хорошим человеком в житейском смысле слова.

Те, кто близко знает В. А. Воронцова-Вельяминова, знает его как личность, как человека душевного и неравнодушного. Таков он действительно в жизни. Его чуть ироничный взгляд не отчуждает, так же как не отчуждает его некоторая отстраненность: она не от замкнутости или безразличия к людям, это сосредоточенность ученого — у мысли не бывает отпусков.

Человек редкой образованности, он не угнетает собеседника своими знаниями. Не удивляет он никого и чудачествами, которые часто приписывают ученым, наоборот, он естествен. Он участвителен — всегда идет на помощь тем, кто в этом нуждается. И — высокий дар! — он трогательно верен памяти своих ушедших друзей.

публики. Много потом будущих ученых вышло из этого общества любителей астрономии.

По образцу нашего КОЛНАБа впоследствии возникли подобные общества и в других городах. Их организацию и новаторскую идею, положенную в их основу, я считаю одним из главных моих вкладов в создание советской науки.

О МОДЕ В НАУКЕ

Наука испытывает на себе различные влияния. Одним из них, и очень важным, является запрос нашего государства, запрос Родины в помощи нашему строительству в области хозяйства, индустрии и культуры. Здесь все ясно. Но хочу обратить внимание молодежи, той, которая начинает участвовать в развитии наук, на проблему влияния моды. Мода существует и в науке так же, как она существует в ношении одежды. Хорошо, когда молодежь одевается по последней моде. Но будет недопустимо, если в науке все будут заниматься одним и тем же, потому что «это модно».

Естественно, что после какого-либо важного открытия у многих возникает желание проверить это открытие, углубить его. Молодежь, чуткая ко всему новому, стремится к этому, потому что «это современно». Но, между прочим, я часто вижу, что молодежь предвзято считает, что все новое совершеннее прежнего, и торопится считать это незыблемым, спешит пропагандировать это везде. Весьма нередко бывает, что применение нового метода или другая трактовка материала приводят к выводам, отличным от прежних. Часто сами авторы не претендуют на то, чтобы их вывод сразу заменил собой прежний вывод, понимая, что результат исследования часто зависит от метода, от трактовки и необходимы бывают еще длительные исследования, чтобы понять, какой же из результатов ближе к истине или, может быть, истина лежит посередине, между двумя различными результатами. В области наук, связанных с применением дорогостоящего оборудования, молодежи надо иметь в виду, что задачей ВСЯКОГО ученого — молодого так же, как и старого, — является не только «быть одетым по моде», то есть не только числиться участником разработки «модной» темы. Надо учесть, что уже достигнуто в данной теме, сколько еще людей в разных странах «набросятся» на то же самое. Надо взвесить, имеются ли у тебя шансы на успех, на возможность получить и сообщить что-то новое, да еще, быть может, на более низком уровне — из-за худшей аппаратуры или недостатка собственной эрудиции в теории.

Страна требует от нас не того, чтобы мы гнались за модой, а чтобы в ответ на средства, затраченные на зарплату и оборудование, планировалось бы и гарантировалось по возможности получение новых данных или расширение имеющихся, а не повторение пройденного.

Нередко молодежь включает в свой план непосиль-

В кругу своих коллег — с некоторыми он работает вместе более полувека — он известен как человек независимо мыслящий, и, когда необходимо, он мужественно и честно отстаивает истину в науке, не поступаясь своими убеждениями. Таков очень скупо нарисованный портрет ученого. Публикуемые здесь его заметки, возможно, откроют чуткому читателю новые грани его облика.

Если бы можно было двумя словами выразить дух исканий человека, направленность его жизни, то для Бориса Александровича скорей всего подошли бы слова: ввысь и вглубь; ввысь — к звездам и вершинам гор, в глубь веков и явлений. Он любит выбирать нехоженые тропы и идет ими не праздным созерцателем, а делателем.

Когда более полувека тому назад он отправился в путешествие по Кавказу, он выбрал самое глухое по тем временам место: Архыз. В тот год шли сильные дожди, снесло мосты через реку, размыло дороги. Пришлось вернуться, не добравшись до Архыза. Но на следующий год он снова отправился туда, тщательно подготовившись. Он постарался лучше узнать тот край, его природу, быт населения, язык, он научился распознавать следы зверей — его все интересовало; потом краеведам он представит интересный материал об Архызе. Ему удалось обнаружить там озера и ледники, которых не было на карте. Один из крупнейших ледников, открытых им, географы назвали его именем.

В 1952 году он завершил еще одно путешествие — в глубь веков. Ученый-астрофизик написал историю московских и суздальских тысячелетий и их потомства, проследив, как жили разные поколения одной семьи в разные эпохи, чем отличалась жизнь правнуков от прадедов, их быт, мировоззрение. Он

ную для себя работу. Характерно, например, что среди поступающих на физико-математические факультеты будущие первокурсники заявляют, что они хотят «заниматься теорией относительности, как Эйнштейн».

Гораздо больше, чем третьестепенные материалы, полученные по модной теме, может дать обращение к незаслуженно забытой теме и обогащение ее новыми результатами. Молодой ученый должен сам искать плодотворные направления для приложения сил с учетом своих умственных возможностей, с учетом инструментальных средств и других условий. Это лучше, чем плестись в хвосте за модной темой только потому, что она «модна».

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ?

Такой вопрос представляется не только излишним, но и странным. Мы-то знаем, что жизнь вокруг нас на Земле существует! Но такой вопрос могут задавать себе разумные жители других миров так же, как мы задаем вопрос, есть ли жизнь на Марсе или на других небесных телах.

А как же они могут найти ответ на этот вопрос?

Конечно, мы выясняем физические условия на планетах, сравниваем их с земными и на основании этого заключаем, может ли быть на них жизнь, сходная с земной. Научное решение вопроса может опираться только на опыт наблюдений жизни на нашей Земле. Научно можно предположить о жизни только на той основе, какая известна на Земле. Например, мы знаем, что живой белок — основа развитой жизни — при высокой температуре свертывается. Но нельзя полностью поручиться за пределы возможного приспособления жизни и даже за возможность жизни на других основах. Мы будем говорить здесь о непосредственно видимых следах разумной деятельности. Их в принципе можно видеть с далеких расстояний. Лучшие снимки поверхности Марса, полученные на последних космических аппаратах с высоты менее 2 тысяч километров и позволяющие различить образования размером от нескольких сотен метров, не показывают следов разумной деятельности. Пусть разумной жизни нет, это почти несомненно.

Но насколько видна издалека разумная деятельность, заведомо существующая на Земле? Этот вопрос полезно выяснить, и им занялся американский ученый Саган. В 1966 году он и его сотрудники просмотрели огромное число фотографий Земли, полученных с метеорологических спутников. Можно было ожидать, что наиболее заметными следами разумной деятельности при этом будут сезонные изменения вида больших правильно ограниченных полей, засеянных сельскохозяйственными культурами. Но контрастность их изображений мала, а их сезонные изменения маскируются изменениями угла падения солнечного света и угла, под которым сделан снимок.

избрал для своего исторического труда реально существовавшие характеры из рода Воронцовых-Вельяминовых, своих предков. Фамилия Воронцовых-Вельяминовых — одна из древнейших в России, она прослеживается с XI века. Есть упоминание в исторических источниках о том, что один из предков Воронцовых-Вельяминовых был воспитателем Юрия Долгорукого и что некоторые из них были участниками решающих битв на Руси, в том числе и знаменитой битвы на поле Куликовом. Так, отталкиваясь от личного, исследователь дает глубокий разрез нашей русской истории, открывая ее новые страницы. Публикуя отрывок из этой его работы, журнал «История и генеалогия» отмечает, что она носит «оригинальный характер» и что «многие догадки и гипотезы автора дают пищу для размышления, импульс исследователям для дальнейших изысканий». Исторический труд В. А. Воронцова-Вельяминова положительно оценил выдающийся историк, академик С. Б. Веселовский.

История — любимое увлечение Бориса Александровича, но оно не только для души, для собственной радости, оно для всех. Так, увлекшись историей астрономии, Воронцов-Вельяминов написал ряд книг и очерков, которые, по определению специалистов, внесли крупный вклад в историко-научную литературу. Их читают, по ним изучают прошлое астрономической науки.

Есть у замечательного ученого еще одно увлечение — поэзия. Это он держал долгие годы в тайне, считая, видимо, поэзию несolidным занятием для ученого. Но человек, который общается со звездными мирами, не может не быть поэтом. И он пишет лирические стихи о звездах, о полюбившейся ему Теберде, о Крыме, где камни напоминают жертвен-

Более обещающими являются большие искусственные сооружения прямолинейного вида — дороги, мосты, плотины, следы за кормой кораблей в море или белые полосы, оставленные самолетами. Их следы разыскивались на тысячах снимков, свободных от облаков. Было найдено лишь одно четкое указание на техническую культуру: яркая линия только что законченного отрезка автострады. Более сомнительно изображение в районе узкого пролива между Канадой и Гренландией. Оно состояло из длинных полосок — белой и черной, тянувшихся параллельно друг другу под покровом облаков. Возможно, что это был след реактивного самолета и его тени. Еще одним следом человеческой деятельности были белая сетка просек в лесу, на которые выпал свежий снег.

Авторы заключили, что если бы воображаемые марсиане имели снимки Земли в таком же количестве и такого качества, какие были получены «Маринером-4» — первой автоматической станцией, пролетевшей над поверхностью Марса на высоте 12 тысяч километров, то по ним нельзя было бы найти никаких признаков разумной жизни на нашей планете.

НАБЛЮДАЙТЕ И ИЗУЧАЙТЕ ВСЕЛЕННУЮ САМИ

Хотя большинство современных научных исследований и открытий требует от человека обширной специальной подготовки и знания научной литературы на разных языках, сложных и дорогих инструментов, это не значит, что для творческой работы у любителя астрономии не осталось никаких возможностей. Тем более доступно каждому следить за небесными явлениями и на основе прочитанного в книгах уметь находить на небе интересные явления, замечать их подробности, а также правильно их понимать. Нужно только выбирать себе задачи по силам, соответствующие знаниям и возможностям.

Каждый любитель может в телескоп, бинокль и даже невооруженным глазом увидеть небесные светила. Можно фотографировать Луну, Солнце, затмения, кометы, перемещения планет, созвездия. Можно самому сделать фотографическую карту неба. Многие любители получили за последние годы великолепные фотографии комет, имеющие огромную научную ценность. Любители стали самостоятельно изготавливать радиотелескопы, конечно, небольшие. Некоторые любители, знакомые с радиотехникой, смогли даже осуществить посылку радиосигнала на Луну и получить от нее отраженный сигнал.

Серьезную научную ценность могут иметь наблюдения так называемых серебристых, или ночных, светящихся облаков, визуальные, фотогра-

ники Древней Греции. Пишет он также сонеты и канцоны с омонимическими рифмами, чем несказанно удивил поэта А. Коваленкова. «Брюсовская школа,— сказал он о них.— Брюсовская техника... Владеют ею в данное время немногие...» Возможно, кто-нибудь, узнав о разнообразных увлечениях ученого, подумает: зачем все это? Зачем посвятившему себя звездам писать о них стихи? Зачем изучать следы зверей, измерять ледники и наносить их на карту; создавать уникальную любительскую киностудию «Воронфильм»? (На этой студии появились учебные, документальные и целая серия веселых комбинированных фильмов под названием «В доме чародея».) Зачем делать собственными руками телескоп, овладев для этого специальностями токаря, оптики, механика? (Сейчас этот телескоп ученый подарил Саратовскому университету, с тем чтобы им могли пользоваться не только специалисты, но и любители астрономии.) Зачем? Не правильной ли отдавать все силы лишь главному делу? Но так оно и есть. Ей, единственно любимой науке, он посвятил жизнь. Ей служат все его многогранные увлечения. Они не рассеивают его, не уводят от главного дела. Они как бы раздвигают горизонты, позволяя видеть мир объемно, в движении. И главное, они как встреча с интересным собеседником, общение с которым будит мысль, высекая искру, создают счастливое творческое настроение, без чего невозможны открытия в науке, в том числе и в звездной астрономии.

Предлагаем вниманию читателей материалы из неопубликованных записных книжек и дневников ученого.

Валентина ПУТИЛИНА

фические и радионаблюдения «падающих» звезд-метеоров. При наличии телескопа средней силы, даже самодельного, можно с пользой нарисовать изменения на планетах, можно наблюдать изменения блеска переменных звезд или открыть новую звезду, что обычно именно любителям и удается. Например, в августе 1975 года они открыли новую звезду в созвездии Лебедя. Это все области, для которых у специалистов-астрономов «не хватает рук» или времени.

Как все это делать? Какую выбирать программу? Для этого есть специальные руководства и инструкции. Назовем для примера следующие книги: П. Г. Куликовский «Справочник любителя астрономии», изд. 4, Наука, 1971, В. П. Цесевич «Что и как наблюдать на небе», изд. 4, Физматгиз, 1973; Астрономический календарь, Постоянная часть, изд. 6, Наука, 1973.

ОТ АТОМНОГО ЯДРА ДО МЕТАГАЛАКТИКИ

Человек пытливым разумом прокикает в тайны строения систем — как невидимых глазу по своей малости, так и чудовищно громадных. Интересно сравнить, как далеко он проник в том и другом направлении. Изучая системы, из которых состоит он сам, человек дошел до атомного ядра, имеющего диаметр 10^{-13} см, то есть примерно в 10^{15} раз меньше, чем он сам. Изучая системы, частью которых он является, человек встречает в 10^{15} раз большую систему уже в виде Солнечной системы (известный нам сейчас диаметр нашей Солнечной системы, строго говоря, меньше — он составляет 10^{15} см).

Диаметр известной нам сейчас части Метагалактики составляет около 10^{28} см. В области космоса мы проникли, другими словами, в 100 миллионов раз дальше, чем в области микромира мельчайших частиц. Тем не менее свойства величайших мировых систем делаются доступными астрономам лишь на основе изучения мельчайших частиц, исследуемых физикой. Но и в изучении этого микромира огромную помощь приносит наблюдение процессов в космосе, заменяющих неосуществимые в лаборатории опыты. Великое и малое слиты в единстве природы.

В самом деле, для выяснения строения и свойств вещества необходимо изучать его во всевозможных условиях. Однако в земных лабораториях мы пока не можем создать таких разнообразных давлений и температур, какие существуют в звездах и туманностях. Вспомните изучение состояния недр звезд — белых карликов, открытие гелия на Солнце и уже впоследствии обнаружение его на Земле. Так, изучая природу, человек в известном смысле заставляет служить ему и небесные тела, а с их помощью еще глубже познает законы природы.

Святая простота

Юрий ПОРОЙКОВ

Неправый и жестокий суд,
Судьбы суровая десница
Над тем, кого сейчас сожгут,
Над теми, кто вокруг теснится.
И любопытствующий сброд,
Что жаждет смертного исхода,—
Толпа.

Она лишь тень народа,
Похожа только на народ.
О том ли речь?
Что для толпы
Чужая боль, чужие муки?..

Увидел Гус—
Тянулись руки
К нему совсем не для мольбы,
Не сострадания знак—
Судьбы

Был перст
Насмешлив откровенно,
Когда, смиренна и согбенна,
Старушка вышла из толпы,
Чтоб подложить в костер
Полено.

О чем подумал он тогда,
Сказав: «Святая простота!»
И почему простил старуху?—
Великодушье?

Крепость духа!
Историки наморщат лбы
И скажут:
Факт второстепенный.

Не будем спорить—
Верно, пыль
На свитках времени.
Ведь были,
Увы, и пострашнее были,
Но вспомнил я
Вот эту боль.

Ломает строгий строй вещей
История неоднократно:
Один идет через парадный,
Другой туда же—через щель...
...Высок и прочен пьедестал.
Герой, суровый и надменный,
Здесь, на виду у всей Вселенной,
А рядом с ликом неизменным,
Робка, смиренна и согбенна—
Старушка топчется с поленом,
Румянец сладкий от костра
И впрямь—святая простота!

Среди простых
есть истины такие,
что проще вроде
и не может быть:
я жив.
Живу.
И буду долго жить.
Потом уйду.
И будут жить
другие.
Мне объясняли:
недлинна дорога.
Я сыну объясняю—
мой черед.
И он, как я,
ту истину поймет
и отметет,
как я тогда—
с порога.

Утро

Как будто небо подменили,
будто
здесь ночью чья-то
сонная рука
развесила неровно
облака,
у горизонта
приспустив слегка,
чтоб подсинить и подсушить
попутно.
Заря
сквозь них
просвечивает скудно...
Луна плывет,
угадываясь смутно,
как рыба,
вылавшая из садка...
Глаза
неспешно
открывает утро,
как будто
жить осталось
не минуты—
века...

Нам не дано вернуться вновь к началам,
В ту глубину свою, чтоб там найти, в глубь,
И гавани, и старые причалы,
И корабли, конечно, корабли,

Чтоб предсказать, предусмотреть потери
И все сбересть, чтоб после не искать,
Очаг хранить, как водится, но двери—
С собою, на себе ли—не таскать.

Чтоб цену знать доподлинно мгновеньям
И скупко тратить, но не стать скупцом,
Жить, как мечталось, и не знать сомнений,
Что лучше—в лужу сесть или в грязь—лицом?

Нет, не дано. Никак нельзя, но все же
Мне повезло. Я видел в той глубь,
Как мальчик, странно на меня похожий,
Встречать на берег вышел корабли.

О зов трубы!
И сразу,
без оглядки,
душа рванулась
в самый центр
схватки,
дрожа от нетерпенья—
так ждала!
И...
обернулась...
И...
назад вернулась,
туда,
где только что
она была.

Здесь по углам
разбуженная мгла,
и в сумраке
беспомощно белело

измученное,
страждущее тело.
Оно пыталось—
вслед,
да не сумело
и с тихой завистью
сейчас смотрело
на душу на свою,
хотело
спросить ее:
а как там вышло дело?
Но лишь шепнуло горько:
да... дела...
Горела лампа
на краю стола...
Без сна лежало
на постели тело,
душа
разочарованно
спала...

Не знаем мы,
каков он,
лик судьбы.
И что она—
мы этого не знаем?
Но почему тогда
предполагаем,
что есть она
и ждет
в конце тропы?
Не молода, конечно,
где уж тут!
В монашеском,
должно быть,
одеянье,
и меж бровей—
морщинка ожидания...
Свиданье будет
или скорый суд?
А сможешь ты
в глаза ее взглянуть

и объяснить
удачи и потери?
Взволнован ли,
испуган ли,
растерян,
ты подошел.
Как долгот твой путь!
И хочешь ты
увидеть лик судьбы?
И что-то вымолить?
Здесь не помогут
слезы.
Сейчас ты взглянешь
и поймешь,
что поздно.
Ты
шел
к себе!
Дошел.
Конец тропы...

Судьба

Однажды в доме отдыха

А было так.
Был поздний вечер,
И мы, сидящие вдвоем,
Смотрели, как сгорали свечи
Над полупраздничным столом.
И где-то музыка играла,
Но что нам музыка, когда
Душа уже не танцевала,
Как разучилась навсегда.
Сидим.
Свое перебираем.
Беседы прихотлива нить.
Нам хорошо.
Мы не скучаем.
Нам есть о чем поговорить.
И вдруг...
О сказочное слово,
Затертое...
Где взять новей?
Она
В ДВЕРЯХ ВОЗНИКЛА,
Словно
И вовсе не было дверей.
Она вошла,
Она взглянула
И словно легким ветерком
По нашей комнате скользнула,
Задела каждого тайком.
Принцесса?
Фея?
Что сравненья?
Пожалуй, лучшая из фраз—
«Как мимолетное виденье...»
И та придумана до нас.
И вот уж нет ее.
Как будто
Вдруг растворилась в пустоте.
Как будто кто-то спрятал утро—
Едва блеснуло—в темноте.
Была или нет?
Тихи и строги,
Молчим вдвоем порой ночной...
Какие странные дороги
Нас сводят с юностью чужой!
Мы фею сказке возвращаем.
Все понимаем.
Только жаль,
Что мы так тонко понимаем
Свою нескромную печаль.

МАМЧИК НА КАЧЕЛЯХ

Николай ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

Глава 6.

ЧЕТВЕРГ, 28 СЕНТЯБРЯ.

I

Логвинов вспомнил фотографию, висевшую над письменным столом, вспомнил женщину, снятую рядом с сыном. «Интересно, видела она этот снимок?— подумал он.— Скорее всего нет».

— Наши отношения оставались неопределенными долго,— продолжила Клейменова уже более связно.— Слишком долго. Два года я любила его, а он два года знал это и боялся. Боялся чувствовать ко мне что-то большее, чем симпатию. Мы встречались тайком, как первокурсники, да и те по нынешним временам не злоупотребляют конспирацией. А мы, как дети, делали вид, что встречаемся случайно... Я знала, что его тянет ко мне... Я поджидала его на улице после занятий, а он придумывал себе дела на кафедре, если мои часы заканчивались позже обычного. Я любила его, хотела быть с ним. В счастье, в горе, везде и всегда. Хотела быть его женой, создать семью и ждала, ждала... Он боялся разницы в возрасте, боялся, что нам помешает сын,— чего он только не боялся... Господи, на что уходили дни, месяцы, годы!— Она закрыла лицо рукой. Зажатая между пальцами сигарета заметно дрожала.— В день отъезда я сказала ему все— не могла больше играть роль влюбленной девочки в свои тридцать семь... А он... В тот вечер он был легкомыслен, как ребенок. Шутил, смеялся, принес в купе бутерброды, минеральную...— Клейменова прислонилась головой к боковому стеклу, а Логвинов смотрел через зеркало, как догорает в ее пальцах сигарета.— У меня не было никакого желания ехать в санаторий, хотела остаться, но он скачал, чтобы я дала ему время подумать, разобраться в себе... Мы договорились, что он встретит меня и все к тому сроку решится. Я не могла настоять на своем...

— И чтобы не оказывать на него давления, вы составили такой текст телеграммы?

Клейменова кивнула.

— Если бы я осталась, он был бы жив. Мы бы еще могли быть счастливы...

— Вы хорошо знали его сына?

— Нет.

— Почему же вы считаете, что в смерти отца виноват он?

— Он постоянно огорчал его.— Клавдия Степановна подалась вперед. — По существу, они были чудими друг другу. С самого детства Юрий отбил от рук, никогда не считался с мнением отца. Учился музыке — бросил. Начал писать рассказы, и ни слова не сказал отцу, а ведь Иван Матвеевич мог ему помочь. Разве не обидно? Из института его выгнали. У отца инфаркт, а ему хоть бы что. Устроился на какой-то завод или на комбинат, где занимался неизвестно чем...

— Вы никогда не были у них дома? — спросил Логвинов.

— Нет. — Клейменова не заметила, как столбик пепла осыпался на ее нарядное платье. Она снова откинулась на спинку сиденья. — Когда, вы говорите, это случилось?

— В понедельник. В пять вечера.

— Понедельник, понедельник,— несколько раз повторила она, думая о чем-то своем. — В понедельник я ездил на экскурсию в Железноводск... — Она выбросила окурок в щель над припущенным стеклом. — Я уже никогда не узнаю, что он хотел сказать мне сегодня...

Логвинов подумал о Корякине: «Вот кто мог бы ответить на этот вопрос».

Клавдия Степановна взялась за ручку.

— Не провожайте меня. Я доберусь сама — здесь недалеко.

Он не стал возражать. Вышел из машины, открыл дверцу, помог ей вытащить чемодан и еще долго смотрел на высокую, тающую в темноте фигуру.

Продолжение. Начало в №№ 10—14.

Шелканов оказался прав.

На следующее утро, перелистывая домовую книгу, в которой против фамилии профессора Вышемирского успела появиться отметка о смерти, я натолкнулся на следующую запись: «Мендзов Михаил Рубенович, адрес — улица Доватора, дом 28». В графе «члены семьи» стояло короткое «холост». Год рождения Мендзова свидетельствовал о том, что он на три года старше Юрия Вышемирского, то есть вполне мог быть его приятелем.

Все совпадало. И сам Мендзов, которого я застал копающимся под личной автомашиной во дворе дома номер 28, не отрицал, что был знаком с Юрием.

— У меня законный отгул, товарищследователь,— предупредил он, выглядывая из-под старенькой «Победы». — Это на тот случай, если вы поинтересуетесь, почему я дома в рабочее время.

Михаил Рубенович выполз на расстеленную телогрейку, тяжело дыша, поднялся и, отдуваясь, схватился за поясницу.

— Радикулит замучил,— пожаловался он, поглядывая на калитку: нет ли там еще кого. — Проходите в дом, товарищследователь, чаем угощу.

Проследив за тем, как я вытираю обувь, Мендзов деликатно кашлянул:

— Не обижайтесь, но туфли придется снять. Живу один — убирать некому.

Я люблю практических и откровенных людей и часто говорю им об этом. Хотел сказать и Мендзову, но в последний момент передумал и вошел в дом.

Внутри все сияло: и натертый воском паркетный пол, и стерильно чистая мебель, и свежие прозрачные занавеси на окнах. Будь моя воля, я бы водил сюда нерадивых жен. На экскурсии.

— Прощу садиться,— предложил Мендзов, отведя меня на кухню и пододвинув гигиенически белый табурет. — Кипяток у меня в термосе, а чай растворимый. Секунда — и готов.

С видом фокусника он вытащил из настенного шкафа блюдо с аппетитными пирожками, отложил в тарелку две штуки, а блюдо спрятал обратно.

Экономных мужчин я тоже уважаю.

— Угоджайтесь, домашние. Сам готовил. — Он сунул в кипяток два импортных пакетика и, понохав пар, поднимаящийся над стаканами, поцокал языком. — Шикарный напиток!

— Вы хорошо знали Вышемирского? — спросил я, тайне желая по возможности сократить встречу с идеальным холостяком и гурманом Мендзовым.

— Какой там хорошо! Пару раз в год видел, и то из машины, когда мимо автобусной остановки проезжал. Говорят, умер он на днях: то ли под трамвай попал, то ли хулиганы ножом пырнули.

— Откуда такие сведения?

— Люди говорят.

— Вы с Юрием живете по соседству, почти ровесники,— сказал я, хотя второе утверждение звучало неправдоподобно: Мендзов выглядел на все сорок.— Неужели не дружили?

— Как вам сказать? — Он откусил сразу полпирожка, подобрал со стола выпавшую изо рта крошку. — Был такой период.

— Что же у вас нашлось общего?

— Музыка. Я музыкой увлекался. Записи были хорошие. Ну, иногда разрешал ему переписывать.

— А как насчет общих знакомых?

— Знакомых? — Он закатил свои круглые влажные глаза к потолку и стал добросовестно вспоминать, повторяя вслух: — Знакомые, какие же знакомые?..

— Рита,— помог ему я.

Михаил Рубенович поставил стакан на блюдце и хлопнул себя по колену.

— Точно! Юрка ухаживал за ней. — Мендзов

посмотрел на меня хитрыми глазами.— Вам это для протокола нужно?

— Для дела,— ответил я, чувствуя, что дипломатия, может быть, единственное слабое место этого достойного во всех отношениях человека.

— Мне тогда двадцать два стукнуло. После смерти отца остался один. В пустом доме, с машиной на кирпичках. Ну, первым делом, конечно, машину на колеса поставил, потом мебель обзавелся, стереомагнитофон купил, дом потихоньку подремонтировал. По молодости я шустрым был! — Он общицки подмигнул.— Ну, и красивый, конечно!

— Риту с Вышемирским вы познакомили?

— Наоборот, он меня.— Мендзов доверительно наклонился ко мне.— Как-то собираюсь на свидание. Надел лучший костюм, рубашку с запонками, галстук на резиночке — симпатичный такой. Вдруг стучат в окно. Выглянул — там Юрка, а с ним девица. Мы, говорит, записи зашли послушать. Ну, выпустил я их, включил магнитофон, а сам смекаю: Рита эта самая не по зубам Юрке — сразу видно, у меня глаз наметанный. Вертящая, яркая, накрашенная. Он с нее глаз не сводит, про музыку что-то объясняет, а она мебель мою рассматривает и все комплименты отпускает: «Это ваш мотор во дворе стоит? Где вы такие стильные кресла достали? Хорошо, наверное, жить одному?» Короче, никуда я, конечно, не пошел. Посидели, потанцевали — в общем, все как водится. Гляжу, киснуть Юрка начинает, на часы поглядывает. А я уже и представить себе не могу, что он Риту с собой уведет. Ну, говорю, теперь поехали кататься. Посадил их в «Победу» и повез за город. Скорости, помню, я выжал — даже у самого дух захватило...

Мендзов весь ушел в воспоминания, взгляд его помутнел, кончики ушей горели, как раскаленные углы.

— По такой езде,— говорил он голосом, идущим откуда-то изнутри,— Юрку скоро укачало. Пересадил мы его на заднее сиденье, а Рита ко мне вперед села. Двинулись обратно. Улучил я момент и тихо так ей говорю: «Я, Рита, не Юрка. Про музыку и книжки пусть он тебе заливает. Доведем его, попросайся, а потом ко мне придешь». А она моментом мне пощечину. Меня как ошпарило. Доехали кое-как. Остановился у автобусной остановки, разбудил Юрку, высадил их обоих и укатил к себе...

Мендзов отпил чай и сунул в рот остаток пирожка. Взгляд его прояснился.

— Не могу сказать, чтобы откровения Михаила Рубеновича доставляли мне удовольствие, но прерывать его было не в моих интересах. При нашей работе случается выслушивать и не такое!

— Ешьте, не стесняйтесь. — Он подвинул мне тарелку с оставшимся пирожком.

— Спасибо, я сыт... Что же дальше?

— Дальше? — Он перестал жевать. — Дальше она пришла. Минут через пятнадцать. И осталась до утра. Не знаю, что она Юрке потом говорила, но с тех пор приходила ко мне часто. Не то чтобы любила, уж кто-кто, а я женщин знаю. Кошелек ей мой понадобился. Нравились широко пожить, с шиком. Полгода я водил ее по ресторанам, за город возил, деньги начал занимать. Шутки шутками, а когда посчитал, сколько в трубу вылетело, получилась кругленькая сумма. Кому же охота свои кровные терять, они мне не с неба сыпались. Ну и сказал ей в один прекрасный день, чтобы забyla дорогу в мой дом. Так все и кончилось... Да вы попробуйте пирожок.

Преодолевав внезапно возникшую брезгливость, я отодвинул от себя тарелку.

— Юрий знал о вашей связи с Ритой?

— Что-то в моем тоне не понравилось Мендзову, и он обижено надул пухлые губы.

— Было дело. Через месяц после того вечера он зашел ко мне. А Рита была у меня. Ругались, помню, с ней. Я сказал, чтобы спряталась в соседней комнате, и впустил Юрку. Он отдал кассеты, которые брал раньше, и уже собрался уходить. Тут Ритка возьми да и выйди.

— Вы могли бы придумать что-то, соврать, наконец, что это случайность.

— Какая случайность! Она в мою рубашку нарядилась. Юрка-то не дурак, все понял, побледнел, как смерть, ничего не сказал, повернулся и ушел...

Все, что сообщил Мендзов, совпадало с рассказом Вышемирского. Все до последней мелочи.

Но ни Мендзов, ни я не знали, что в тот злополучный вечер Юрий, кляня себя в слабости, вернулся к дому, где так безжалостно растоптали его первое чувство...

Кровь больно билась в виски, когда он представлял себе, что происходит там, за темными провалами окна. Ждал, вышагивая по противоположной стороне улицы, ждал и сам не знал, чего ждет. Наконец не выдержал, перешел через дорогу, крадучись приблизился к дому. Замер, прислушиваясь к току собственной крови. «Я загляну туда, загляну кра-

ешком глаза и уйду, честное слово, уйду...» — говорил он себе.

В окне вспыхнул свет — он был ослепительно ярким, взрывающим сетчатку глаз. Юрий отшатнулся и кинулся на противоположную сторону.

Открылась калитка. Рита вышла на улицу, осмотревшись, перекинула через плечо сумку и пошла прямо на Юрия.

С каждым ее шагом расстояние между ними сокращалось. Казалось, что по запальному шнуру к нему ползет огонек, грозящий взрывом.

И взрыв произошел. Спазмой свело горло, и вместе со стоном из глаз брызнули слезы.

Рита остановилась.

— Кто здесь? — тихо спросила она и сразу угадала: — Юрка, это ты?

«Я плачу, плачу!» — говорил он себе. — Из-за чего? Зачем? Кто стоит таких мучений? Она?»

— Ты что, Юра? — Подойдя вплотную, Рита провела ладонью по его щеке. — Господи, какой же ты еще мальчик! Из-за меня, да? Ну скажи, из-за меня?

Ему показалось, что кто-то посторонний читает его мысли, лишая тем самым последнего убежища, последней возможности найти утешение, забыться.

— Я ненавижу тебя! — крикнул он. — Убери руки, не трогай меня! Я не нуждаюсь в твоей жалости!

Новый приступ жалости к себе охватил его, и он бессильно прислонился к дереву.

— А ты можешь быть сильным. — Рита ласково коснулась его волос. — Таким ты мне нравишься. Только вот этого не надо, слышишь, не надо плакать. Этим ты все портишь...

Юрий схватил ее руки и начал покрывать их торопливыми поцелуями, задыхаясь, бормотал что-то, пьянел, произносил вслух те слова, что долгими месяцами носил в себе...

Он медленно вел ее к своему дому. Была секунда — они вышли в прихожую, — когда оба почувствовали неловкость. Случайность происходящего вдруг стала очевидной, но было уже поздно, и оба, хотя и по разным причинам, не смогли отступить. Юрий открыл дверь неосвященной комнаты, и они одновременно шагнули в темноту.

— Курить хочется, — сказала Рита, устроившись с ногами в глубоком старинном кресле.

Юрий засуетился в поисках сигарет.

— В сумке, — подсказала она.

Огонек спички осветил часть стены.

— Это твоя комната? — Она не тушила спичку, перехватила ее за обгоревший кончик и держала перед собой, пока та не догорела до основания.

— Нет, здесь жила мама.

— Не люблю курить в темноте. Где выключатель?

— Зажги свечку. — Юрий взял со стола подсвечник с огарком. — И не говори громко: за стеной спит отец.

Дрожащее пламя осветило комнату.

— Целый музей. — Рита встала и, держа подсвечник в руке, подошла к стене, увешанной картинами. — Мама рисовала?

— Нет. Это Врубель, Нестеров...

— Не поддельные? — недоверчиво спросила она.

— Нет.

— А ты не сердись, Юра. — Она стряхнула пепел на пол. — Вот ты просишь, чтобы я громко не говорила. Понимаю — отец спит. Ты его боишься. А Миша не боится...

— Не нужно о нем, прошу! — Юрий попытался обнять девушку и остро ощутил неловкость.

— Нет, ты не перебивай. — Рита поставила подсвечник посреди комнаты. — Мне девятнадцать, я на год старше тебя и лучше разбираюсь в жизни. У Мишки мотор, — рассуждала она вслух, блуждая по комнате, — он независим, обеспечен. Это, конечно, не главное, но согласись, как преимущество при других равных условиях годится.

— Ты не на рынке. — Горькое чувство обиды обожгло Юрия.

— Глупенький, разве я виновата, что вся наша жизнь похожа на рынок? Одни это понимают, другие нет. Но это другой разговор. Сейчас речь о тебе. Если хочешь достичь цели, я имею в виду и себя тоже, стань неуязвимым, насмешливым, стань сильным, богатым, знаменитым. Все девочки мечтают о сильном мужчине, только стесняются говорить об этом, а я не хочу кривить душой. Зачем? Лучше смотреть правде в глаза. Вот я вижу, ты страдаешь, тебе тяжело, но чем же я помогу? Ты докажи, что стоишь за тебя держаться. Добейся успеха — ты же умный, талантливый, начитанный мальчик. Не сможешь добиться успеха — добейся денег. Больших денег. Таких, чтобы до конца дней уже не думать о них. Тогда я буду с тобой. Сейчас ты слаб, и я уйду...

В комнате вдруг зажегся свет. У раскрытой двери стоял пожилой мужчина.

— Это мой отец, — нервно засмеялся Юрий и вдруг закрыл изо всех сил: — Убирайтесь! Убирайтесь оба!

Рисунок
Валерия СМЕРНОВА

— С тех пор вы не виделись с Вышемирским? — спросил я у Мендозова.

— Ко мне он приходит перестал. А если встречались на улице, он не здоровался со мной. — Мендозов расплылся в улыбку. — Столько лет прошло, а он все обижался. Слабак.

— А с Ритой?

— Она сейчас в ресторане работает. Певичкой, — пренебрежительно ответил он. — Недавно я был там, слушал. Так она, представьте, тоже сделала вид, что не узнает, не поздоровалась даже.

— В каком ресторане?

— «Приречный». На набережной.

Пора было благодарить хозяина за прием и идти. Я поднялся с табурета и направился к выходу.

— Да, чуть не забыл: как фамилия Риты?

Мендозов приложил палец к губам, плавно приподнялся, нащупав рукой мухобойку, взял ее в руку и с размаха шлепнул ею по столу. На блестящей пластиковой поверхности осталось грязное пятно.

— Фамилия? Елецкая ее фамилия, а вот отчества, извините, не знаю.

2

Получилось так, что в четверг я не смог поехать в детский сад, где работала Ольга Верещак. И ее фамилия легла дополнительной строкой в план ежедневных действий. Накопилось много текущей работы, надо было сдавать дела следовательно, заступавшему на мое место. Это заняло больше часа. Потом пришел Логвинов, и я проинструктировал его перед предстоящей встречей с директором музея изобразительных искусств. Сразу после его ухода я начал созваниваться с криминалистами, научно-техническим отделом, экспертами — необходимо было срочно организовать осмотр коллекции Вышемирских.

Между двумя звонками ко мне прорвался Васильев.

— Привет, Володя, — сказал он. — Сколько можно висеть на телефоне? Ты занят в субботу?

— А что? — спросил я.

— Да вот думал нагрянуть к тебе в гости с супругой. Не против?

Суббота — мой законный выходной день, и я был не против повидаться со старым приятелем. Мы договорились о времени.

— Ты все еще занимаешься тем делом? — на прощание спросил Андрей.

— Занимаюсь.

— Знаешь, мне кажется, что я тогда не совсем верно тебя информировал.

— Ты о чем?

— Не знаю. Просто хотел тебе сказать, что Вышемирский был в принципе не таким уж плохим парнем.

— Скажи, вы бы напечатали его рассказ, если бы не тот случай? — спросил я, раз уж он затеял этот разговор.

— Думаю, что да. А почему ты спрашиваешь?

— Видишь ли, Андрей, я не стал тогда с тобой спорить, но, по-моему, ты действительно был не совсем прав.

Как ему объяснить? Сказать, что не могу избавиться от мысли о мальчике, разбивающем свою детскую скрипку? Или посоветовать почитать Сухомлинского, Макаренко, Спока? Ведь это очень плохо, если ребенок копит свой жизненный опыт без участия родителей, под влиянием случайных знакомых, если он предоставлен самому себе. Иван Матвеевич не принимал участия в воспитании сына, ему было не до этого. Ребенок этого не забывает никогда. Обиды оставляют в его душе глубокие шрамы. Юрий рос, все больше отчуждаясь от отца, пока совсем не потерял контакта с ним. А значит, ему не с кем было посоветоваться, не к кому обратиться за помощью. Все это и привело к тому, что в свои шестнадцать он еще не созрел для борьбы, борьбы за справедливость, недаром он назвал свой рассказ «Мальчик на качелях» — здесь он был ближе к истине, чем редактор. Случай с Щелкановым многому его научил, и в своем рассказе он сделал правильные выводы...

Андрей слушал меня не прерывая.

— К сожалению, он выдавал желаемое за действительное, — продолжал я, — сам, наверное, верил в то, что научился активно бороться со злом, постоять за себя и за товарища. Но тем большим потрясением должна была стать для него встреча с тобой, Андрей. Фактически в тот вечер повторилась уже знакомая ситуация: снова был Зотов, был он и ты почти в роли Щелчка. И снова Юрий оказался несостоятельным. Безвольным, слабым, разбитым и опустошенным оставил ты его в тот вечер.

— Что же мне, по-твоему, надо было делать? — прохладно поинтересовался Андрей.

— Дать по морде легче всего, но разве это лучший метод? — Я и сам отчетливо не понимал, в чем упрекал Андрея. — Ты наказал Зотова, заслуженно наказал. Но чем это помогло твоему подопечному?

— Я ходил к нему,— напомнил Андрей.— И домой и в институт.

— Ты ничем не отличал Вышемирского и Зотова после той встречи— в этом ошибка.

— Слушай, ты случайно не в адвокатуре работаешь?— состриг Васильев, и в его голосе слышалась обида.— Из тебя получился бы неплохой защитник.

— Защитники работают не только в адвокатуре.

— Ладно, не буду занимать твоего времени,— сказал он.— До субботы, встретимся, поговорим.

Я повесил трубку, но ненадолго. Через минуту позвонил Песков.

— У вас ничего нового, товарищследователь?— спросил он.

— К сожалению, пока нет. А у вас, Сень?

— Тоже.— Песков помолчал.— Ну, если что— вы позвоните, хорошо?— попросил он.

— Обязательно,— заверил я.

В половине четвертого ко мне зашел Сотниченко. В руках он держал большой, завернутый в газету сверток.

— С чем пожаловал?— в меру строго спросил я: с самого утра он не давал о себе знать.

— Первое: я дозвонился в Ригу.— Судя по тому, что он говорил, не переставая слова местами, настроение у него было отличное.— Юрий там.

«Наконец!»— едва не вскрикнул я, но решил сначала узнать подробности, а потом уже вопить от восторга.

— Как мы и просили, рижские товарищи его не беспокоили, только осторожно навели справки.— Сотниченко положил сверток на стол и заулыбался.— Юрий проживает у своих знакомых Шепетисов. Квартира в центре Риги. Приехал туда в ночь на вторник.

— Значит, вылетел отсюда самолетом,— вставил я.

— Ты выяснил, что за отношения у него с Шепетисами?

— Они вполне приличные люди. Пенсионеры. Вышемирский почти каждое лето останавливался у них. Если хотите, прямо сейчас можем набрать номер и соединиться с их квартирой. Не исключено, что к телефону подойдет сам Юрий.

— Как он проводит время?

— Целыми днями сидит в кафе «Элита»— это недалеко от квартиры.

— Пьет?

— Нет. Кофе, сигареты.

Мне не терпелось узнать про чемодан, и я спросил.

Сотниченко помрачнел:

— Трудно установить было это. Расспросили соседей. Из них один сказал, что видел, как приехал Юрий. Не было чемодана у него.

— Он же ночью приехал,— усомнился я.

— У соседа Шепетисов бессонница,— ответил Сотниченко.— По полночи у окна просиживает. К тому же при посадке в самолет багажа у Юрия тоже не было.

— Вышемирского пока не трогать, подождем до субботы,— распорядился я. Покончив с одним вопросом, я перешел к следующему:— В течение завтрашнего дня коллекцию картин должны осмотреть специалисты. Тебе придется сделать так, чтобы они попали в дом незамеченными. Как— думай сам, не мне учить уголовный розыск.

— Сделаем в лучшем виде, Владимир Николаевич,— заверил Сотниченко.

Со вторым вопросом тоже было покончено. Оставался третий.

— Что с Зотовым?— спросил я.

— Нашел голубчика.— Инспектор развернул газету, снял оберточную бумагу и бросил ее в корзину. В сверток оказалась часы профессора.

— Не возражаете, если они стоят у вас на столе?— спросил инспектор. Лицо его осветилось загадочной улыбкой.

— Зачем?— удивился я.

— Вы помните часовщика Федю, хозяина этих архангелов?

— Еще бы.

— Не давали мне покоя его часики.— Сотниченко провел рукой по желтому корпусу.— Прикидывал и так и этак, а сегодня не поленился, съездил в Красино, привез Перевозкина и показал ему Зотова. Так, на всякий случай.

— Ну, про «всякий случай» ты кому другому рассказывай,— не поверил я.— Но почему именно Зотова?

— Вспомнил «Второй раунд», а Зотов там герой отрицательный,— пошутил он.— А если серьезно, то по описанию Перевозкина и рост и наружность больше подходили. Я навел справки на заводе, Зотов там работает в отделе снабжения. Он ездил в Красино по своим экспедиторским делам, и время командировки совпадает с датой кражи из часовой мастерской. Точка в точку. Не доказательство, конечно, а все же ниточка. И крепкая.

Ну и Сотниченко!

— Узнал его твой Федя?

— Эффект исключительный, Владимир Николаевич! Сам не ожидал.— Инспектор даже порозовел от удовольствия.— Федя чуть мне руку не оторвал. Как кинется из диспетчерской...

— Из какой диспетчерской?

— Я ему Зотова из диспетчерской завода показывал, во время перерыва.— Он уже хотел перейти к подробностям, но взглянул на часы и заторопился.— Мне бежать пора, Владимир Николаевич. С минуты на минуту Зотов будет здесь, я его на шестнадцать ноль-ноль вызвал. А Перевозкина я с собой прихватил, он в соседней комнате будет ждать с понятиями. Вызовите, если понадобится.

3

У меня оставалось еще немного времени. Перечитав рапорт со сведениями из Риги, я разобрал бумаги и позвонил Логвинову.

— Директор музея еще у тебя?

— Только что ушел.

— Разыщи Сотниченко— у него есть сногсшибательная новость.— Я не стал говорить, какая.— И еще. Есть у меня одна мыслишка: что, если нам пройти после работы?

— С удовольствием,— ответил Костя.

— И поужинаем заодно. Можем мы себе это позволить?

— Когда вас ждать, Владимир Николаевич?

— У меня еще допрос и звонок домой. Значит, через час-полтора,— устраивает?

— Принято.

Я повесил трубку, но домой позвонить не успел.

В кабинет вошел высокий мужчина в клетчатой рубашке, поверх которой болталась широкая нейлоновая куртка. Коричневая от загара кожа обтягивала его скуластое лицо. Редкие, выдававшиеся мысыком до середины лба волосы были похожи на кочки желтой ваты.

— Можно?— простуженным голосом спросил он.— Моя фамилия Зотов. По повестке.

Я намеренно недобрал цифру и, прижав трубку к щеке, кивнул на свободный стул.

— Присаживайтесь, я сейчас.

Зотов широко шагом пошел от двери к столу и вдруг остановился, увидев каминные часы. Под ними, подсунутая заботливой рукой Сотниченко, лежала стопа стандартных бланков с крупным заголовком «ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ВОЗБУЖДЕНИИ ДЕЛА». Все было в рамках закона, мне оставалось исподтишка наблюдать за тем, как менялось выражение лица посетителя: его губы сжались в жесткую прямую линию, глаза забергали от окна к столу и двери. Рука с протянутой повесткой застыла в воздухе.

— Что же вы?— Не глядя в его сторону, я кивнул на свободный стул.

Он нерешительно потоптался на месте, потом втянул голову в плечи и уселся напротив.

— У меня заявление, гражданинследователь,— глухо сказал он.

— Занято и занято,— пожаловался я и начал снова набирать номер: пусть у него не сложится впечатления, что его поймали на слове.

— У меня заявление,— несколько громче повторил он.— Я, гражданинследователь, с повинной пришел.

«Вот теперь самое время»,— определил я и повесил трубку.

— Слушаю вас.

— Два года назад,— торопливо начал Зотов,— будучи командированным в поселок Красино и находясь в состоянии алкогольного опьянения, я разбил витрину ларька и похитил часы. Совесть замутила— решил признаться в совершенном преступлении и понести заслуженное наказание.

Протокольный слог Зотова резал слух.

— Не так официально,— попросил я.— Сидели, что ли?

— Сидел,— с готовностью подтвердил он.— Двести шестая, часть вторая. Хулиганство.

— Хорошо, что запомнили.

— Запомнишь!— Зотов быстро освоился с новой ролью.— Полтора года в общем режиме план давал, а в личное время Уголовный кодекс изучал. «Мои университет» читали?

— Веселый вы человек,— заметил я.

— Так ведь в песне как поется? «Не надо печалиться— вся жизнь впереди»,— оживился он.— Я, гражданинследователь, как рассудил: сам признаюсь— суд учтет. Часы,— Зотов кивнул на стол,— много не стоят, сто рублей им красная цена. Явка с повинной— вещь серьезная, по нашим советским законам обязаны учесть. В итоге мелкое хищение. Ерунда. Разве что характеристику с завода отрицательную могут дать, так ведь я раскаяние и чистосердечное признание подброшу. Ставку на них сделаю. Пусть правосудие разбирается, взвешивает на своих весах. Авось не обвесит.

— Так-то оно так, если признание полное и правдивое,— вставил я.

— Не сомневайтесь, гражданинследователь,— заверил Зотов.— Все как на духу выложу. Мне теперь стесняться ни к чему.— Он закинул ногу за ногу.— Развитие событий, значит, такое. Выпили мы с ребятами в общежитии, прямо в красном уголке. Вы пишете, я и номер общаги скажу, чтобы угодиле частное определение выносить. Значит, употребляли мы спиртные напитки, отъезд мой обмывали, я через час-другой уезжать собирался. Оприходовали три бутылки водки и пошли проветриваться. Красино— поселок маленький, улиц— раз, два и обчелся. Как я умудрился заблудиться— ума не приложу. Видно, алкоголь этот, будь он проклят, виноват. Товарищей своих, то есть собутьельников, растерял. Иду один, столбы телеграфные считаю, вдруг вижу— светится. Магазин не магазин, ларек вроде. А на витрине часы.— Зотов снова показал пальцем на стол.— Они самые. Стоят себе, блестят, прямо как золотые, загляденье да и только. И тут меня по пьяному делу качнуло и об витрину стукнуло что есть силы. Стекло не железное, сами понимаете, разбилось. Вокруг никого. Соблазн большой. Руки, я вам скажу, прямо сами ухватили этих амурчиков, я и опомниться не успел— чувствую, бегу что есть мочи. Гляжу, наперерез кто-то кинулся. Дружинник, наверное. Да я повыше оказался, ноги у меня подлиннее. Убежал. Вещички у меня с собой были, командировочное отмечено, дел в Красине никаких. Сел на попутку и скрылся с места преступления.

Хитрые, глубоко посаженные глаза-буравчики так и сверлили меня. Зотов старался угадать, верю ему или нет. Отсюда и ерический тон и нога на ногу. Конечно, в любой момент я мог оборвать его циничную браваду, но по ряду соображений, которые в совокупности принято называть тактикой допроса, не делал этого. Пусть выговорится.

— Потом, как водится, начались угрызения совести.— Зотов вдохновенно заиграл раскаяние.— На амуров этих с трубами смотреть не мог, чуть не выбросил. Поверите, гражданинследователь, ночью не спал, сновидения всякие мерещатся. Гляну на мать-старушку, сердце кровью обливается. Иду на работу— вокруг честные граждане, едут в троллейбусах, автобусах...

— ...трамвалях,— подсказал я.

— И в трамваях, гражданинследователь,— не возмущено подтвердил он.

— Я запишу это в протокол, не беспокойтесь,— пообещал я.— А кому вы часы продали?

— Обижаете, гражданинследователь.— Зотов проникновенно посмотрел мне в глаза.— Не знаю, правда, от кого они к вам попали.— Последовала секундная заминка, в течение которой он ждал ответа и закончил, не дождавшись.— Но я их попросту потерял. Вез на почту, чтобы в милицию посылкой отослать, без указания обратного адреса, конечно, и забыл в такси.

— Это тоже в протокол записать?— спросил я.— Мне нетрудно.

Пора было вернуть его из мира фантастики на твердую почву реальности.

— В каком смысле?— поинтересовался Зотов.

— В том самом, что от вашего чистосердечного признания ничего не останется.

— Это в каком смысле?— повторил Зотов.

— В том, что мы знаем о вас гораздо больше, чем вы представляете.

— Например?— спросил он и подозрительно уставился на меня.

— Вспомните Щелканова, своего одноклассника. Вспомните, как избил его восемь лет назад.

— Неподсудное дело.— Зотов облегченно вздохнул.— Это несерьезно, гражданинследователь.

— Вы правы. Только не советую попадаться ему на глаза. Сейчас вам с ним не справиться— здоровья, пожалуй, не хватит.

— Плевать мне на Щелканова.

— А как у магазина досталось от знакомого Вышемирского, помните?

— За это его, а не меня судить надо,— огрызнулся Зотов.

Он все еще не понимал, для чего я перечисляю его юношеские подвиги.

— А Вышемирского Юру не забыли?

— Вы что, с детства за мной слежку ведете?— кисло улыбнулся Зотов, но внезапно улыбка сбежала с его лица, сквозь загар проступила восковая бледность.— Понял! Постойте... выходит... Так вы из-за Юрки меня вызвали? Получается, что я, дурак, сам на себя наклепал?!— Он даже привстал со стула.— Наговорил я на себя! Неправда! Не крал я часы! Не крал!

— А как же явка с повинной?

— Отменяется явка,— ярвкнул Зотов.— Отговорил я себя.

— И часы не вы крали?

— Первый раз их вижу.—От его напускного добродушия не осталось и следа.

Я не спеша дописал страницу протокола и протянул его Зотову. Он прочел и размахисто расписался.

— А теперь,—прята бумагу в папку, сказал я.—довожу до вашего сведения, что часовщик из красинского ларька вместе с понятными сидит в соседней комнате и ждет вызова на опознание. Можем, начнем?

Глаза-буравчики снова метнулись к двери, потом к окну, потом с нескрываемой злобой на меня.

— Ладно, ваша взяла,—сказал он и махнул рукой.

— Наша всегда берет,—ответил я.—Явку с повинной вы отменили, но чистосердечное признание осталось. Пользуйтесь.

Зотов сторбился, достал надорванную пачку папирос.

— Курить можно?

— Потерпите,—сухо отказал я. Время беседы в нейтральном тоне прошло.

Зотов спрятал свой «Беломор».

— Вы и так все знаете,—простуженным, хриплым голосом начал он.—Купил я Юрку на эти часы. То есть формально продал их ему, а фактически получил возможность тянуть из него деньги.—Он поднял глаза.—Пишите, пишите, гражданин следователь. Будет вам чистосердечное, а мне — смягчающие обстоятельства. Все по упку.— Он помедлил, собираясь с мыслями.—Вернувшись из Красина, я решил как можно быстрее избавиться от часов. В комиссии дело, известное дело, не отнесешь, сослуживцам продавать — тоже рискованно. Случай сам подвернулся. Юрка Вышемирский искал подарок для отца на день рождения. Я предложил ему часы за сто пятьдесят рублей, а уступил за семьдесят.

— Надпись сами стерли?—спросил я.

— Напильником,—увердительно кивнул Зотов.

— Дальше?

— Недели через две после продажи у меня на заводе обнаружилась недостача. Так, ерунда, сто рублей, а покрыть денег, как назло, не было. Стал ломать голову, где достать. Выхожу вечером на балкон и слышу, внизу пацаны из-за мяча ссорятся. Один другому грозит: «Не дашь мяч, я твоим предкам скажу, что по подъездам куришь». Меня сразу осенило. На следующий день пошел к Юрке...

4

Вышемирский вышел из дома и отвел Зотова в беседу.

— Чего тебе?—спросил он, стирая с указательного пальца пятна масляной краски.

— Все рисуешь, художник от слова «худ»?—Зотов постучал папиросой по коробке и сунул ее в рот.—Дай огоньку, живописец.

Он прикинул от зажатости и выпустил из ноздрей дым.

— Часы где?

— А тебе что? Я за них заплатил.

— Заплати-и-ил,—передразнил Зотов.—Отдал, что ли, папаше?

— Подарил.

— Сколько ему стукнуло?

— Шестьдесят.

Зотов отодрал зубами кончик бумажного мундштука, пожалев его и выплюнул.

— Шестьдесят, говоришь?—Он хохотнул.

— Все шутить? Не надоело?

— Кончились наши шуточки, Юрочка. Крышка нам с тобой. Не рисовать тебе больше картин. Разве что стенгазету в колонии выпускать будешь.

— Перепил, что ли, а. Зот? Так иди, проспиться.

— Вместе отоспимся. В следственном изоляторе. Там спать можно. Я сидел — знаю.

— Ты что, обалдел? Какой еще следственный изолятор?—встрепнулся Вышемирский.

— Тюрьма, по-вашему,—объяснил Зотов.—Пока следствие да суд, там посидим, а потом в колонию, хорошо, если в общий режим попадем...

— У меня, Зот, чувства юмора нет, чтобы твои острооты перебаривать, занят я. Говори прямо, что нужно, а то я уйду.

Зотов лениво потянулся, зевнул во весь рот, но стоило приятелю сделать шаг в сторону, он схватил его за плечи.

— Это, между прочим, тебя касается. Часики-то ворованными оказались. Сперли их, оказывается, вместе с ангелочками из государственного амбара. Я, как и ты, на крючок попался. Подсунули дружки бывшие, я и купил, а потом тебе перепродал,—пятерку хотел заработать. Теперь они меня в оборот взяли: выкуп требуют, заложить грозятся.

— При чем здесь я?—побелел Юрий.

— При том, что за скупку краденого срок полагается. Не слышал? Мне-то что — одной судимостью больше, одной меньше. Тебя жалко. Ведь я, Юрочка, тебя выгораживать не стану. Кто, спросят,

гражданин Зотов, краденые часы у вас купил? Вышемирский, скажу, Юрий Иванович, сын известного профессора. Проживает там-то и там-то.

— Я не знал, что они ворованные.—Вышемирский ушел в глухую оборону.—Ничего не знаю, ничего я не покупал...

— Ты дружков моих бывших плохо знаешь. Я и сам их боюсь.

— Ничего не знаю, не знаю,—повторил Юрий.

— Да ты пойми, Рембрандт, они-то заявят, что я знал, что часы краденые, а мне придется на тебя вину делить, что, мол, и ты в курсе дела был. Усек?—Зотов отбросил погасший окурок под яблоно.

— Юрочка, дружок ты мой драгоценный, у меня денег нет, чтоб за тебя платить. Часы, что ни говори, твои, а не мои.

— Деньги?—Вышемирский схватился за это слово и умоляюще посмотрел на приятеля.—А сколько?

— Сто карбованцев...

5

— ...Может, он и догадался, что надуваю, но отказать побоялся. Выложил сотню, не пикнул даже.

— Часто вы с него деньги брали?—спросил я.

— В два-три месяца раз.—Кожа на скулах Зотова стала почти кирпичного цвета.—Когда сто, когда двести. Но не больше двухсот. Мог бы прижать, но жалел: товарищ все-таки.

— Получается, что за два года Вышемирский заплатил вам около двух тысяч рублей?

— Не может быть?!—непритворно удивился он.

— Сумма значительная. Где он брал деньги?—спросил я.

— Откуда ж я знаю?—Для убедительности Зотов повторил еще раз:—Ей-богу, не знаю, гражданин следователь. Может, папаша давал, может, сам зарабатывал, не знаю.

— Он не делал попыток отказаться от ваших поборов?

— Этот хлюпик?!—Зотов презрительно скривил губы.

«Желая покончить с шантажом со стороны Зотова, Юрий выкрал у отца деньги и отдал их приятелю, потом уехал, испугавшись ответственности, и сейчас, сидя в рижском кафе «Элита», выжидает момента, когда сможет вернуться»,—так рассуждал я.

Оставался один вопрос: кто же должен подать сигнал? Зотов? Чтобы проверить себя, я спросил:

— Когда вы думаете дать телеграмму Вышемирскому?

— Какую телеграмму?—не понял он.

— Не отпирайтесь, Зотов. Последний раз вы потребовали от Вышемирского сразу большую сумму денег, и он вам ее отдал. В понедельник, у себя дома после пяти часов. Сколько вы получили от него?

Зотов удивленно посмотрел на меня.

— Я же говорю, больше двухсот никогда с него не брал. В таком деле должна быть мера. Если бы я запросил больше, он бы не дал. Двести было пределом. В этом весь секрет. Да и в понедельник я с ним не виделся. Клянусь вам, гражданин следователь.

И хотя клятва такого человека не многого стоила, я поверил и одновременно понял, что поспешил с выводами. Зотов — мелкий вымогатель, а с Вышемирским имел дело человек поопытнее и постарше. Рушилась очередная версия, и мне оставалось высунуть из-под обломков то ценное, что от нее осталось.

— Когда последний раз вы шантажировали Юрия?—спросил я.

— С неделю назад. Он дал мне сто рублей и сказал, что это в последний раз, больше давать не будет.

— Назвал причину?

Зотов отрицательно мотнул головой.

— Сказал, что надоело и что денег у него больше нет.—Помялся и добавил:—Ваше дело, гражданин следователь, верить или нет, но в тот раз я подумал, что комедия действительно затянулась, и решил прикрыть лавочку.

— Сообщили об этом Вышемирскому?

— Не успел. Мы с ним вообще стали редко видеться.

— В последнее время он ничего не говорил вам о том, что собирается уехать из города?

Зотов умоляюще посмотрел на меня:

— Можно закурить, гражданин следователь?

— Курите,—разрешил я.

Он вытащил папиросу, примял мундштук и закурил.

— Не мог он уехать,—сказал Зотов между двумя затяжками.—Любовь у него была здесь.

— Вы имеете в виду Елещкую?

— Ритку? Да нет, то пройденный этап.—Он уже не удивлялся моей осведомленности.—Оля у него

была, студенточка. Она его уму-разуму учила. Как связался с ней, в начале года это было, так на меня стал волком смотреть. Рита-то своя баба, попроще.

— Что вы о ней знаете?

— Знаю, что Юрка за ней несколько лет ухлестывал, еще со школы. Что он в ней нашел, черт его знает.—Он последний раз жадно затянулся и затухнул папиросу.—Ох, и убивался за ней Юрка! Чуть не плакал. Бегал, встречал после работы, следил, с кем ходит, кто провожает. А она и вправду бойкая девица была. Певницей в ресторане работает. Раз как-то мы за ее счет посидели...

— Это по какому случаю?

— А мне без разницы — не интересовался. Встретил Юрку в центре и увязался с ним. Он какую-то картину в ресторан ташил. Для Ритки. Она с нами весь вечер просидела — не работала в тот день. Обслужили нас по первому классу. К закрытию собрались уходить, Юрка за деньгами полез, а она сказала, что за все заплачено.

— Когда это было?

— Года два назад.

— До того, как вы часы ему продали?

— Примерно в то же время.

Много узнал я из беседы с Зотовым, намного больше, чем ожидал. Оставались формальности. Я спросил:

— Скажите, Зотов, где вы были в понедельник, двадцать четвертого сентября, во второй половине дня?

Его ответ был исчерпывающим и ясным:

— С пяти утра и до самого вторника, гражданин следователь, я находился в медицинском вытрезвителе номер один. Безотлучно.

Увидев, что моя рука потянулась к кнопке звонка, вмонтированного в крышку стола, Зотов поспешно спросил:

— Конвой вызываете?

— Конвой.

— Гражданин следователь, как думаете, много дадут?

— Ровно столько, сколько заслужили.—Я сказал то, в чем никогда не сомневался, и нажал кнопку.

6

Нешадно светившее весь день солнце подсушило сырой асфальт, прогрело воздух и теперь, наполювинув скрывшись за горизонтом, багровым цветом окрасило гряду облаков, чем-то похожих на величавый горный крик. Пока мы с Логвиновым спускались на набережную, оно исчезло совсем, оставив после себя, как напоминание, розовое, таявшее на сером фоне облачко.

Мы подошли к чугунной ограде. От воды тянуло прохладой и сыростью.

— Хорошо здесь.—Я обернулся к Логвинову, стоявшему сзади.

Он кивнул в знак согласия, но думал, видно, о другом.

— Давай подведем итог,—предложил я.—Если я тебя правильно понял, директор музея Коробейников был заинтересован в том, чтобы коллекция профессора попала в музей. И его позиция не внушила тебе никаких подозрений.

— Никаких,—подтвердил Логвинов.

— Вместе с Олегом Станиславовичем после смерти жены Вышемирского Коробейников участвовал в осмотре коллекции и подписал заключение о подлинности картин.

— Все правильно,—сказал Логвинов и поинтересовался:—А вы домой звонили, Владимир Николаевич?

— Забыл.—Я поискал взглядом телефон-автомат.—Две копейки есть?

— А еще ужинать собрались в ресторане.—Он протянул монетку и, негромко насвистывая, пошел следом.

Под длинные телефонные гудки я смотрел на причал речного вокзала. Прижимаясь боками к гранитной набережной, мерно покачивались легкие прогулочные катера. Пароходы побольше стояли неподвижно, возвышаясь над оградой белоснежными палубами. Они были украшены разноцветными флажками, иллюминацией, с некоторых неслаб приглушенная музыка.

Трубку сняла дочь.

— Мама дома?—спросил я.

— Папка, здравствуй! Ты скоро придешь?

— Здравствуй, Оленька. Я задержусь. Ужинайте сегодня без меня.

— Эх ты! Сегодня твоя любимая окрошка и цыпленок-табака.

— Обидно.—Я говорил искренне, так как ценил кулинарный талант жены.—Ну ничего. Поужинаю в ресторане, потом сравним впечатления. А мамы нет?

Продолжение следует.

Рисунок
Анатолия САВЧУКА

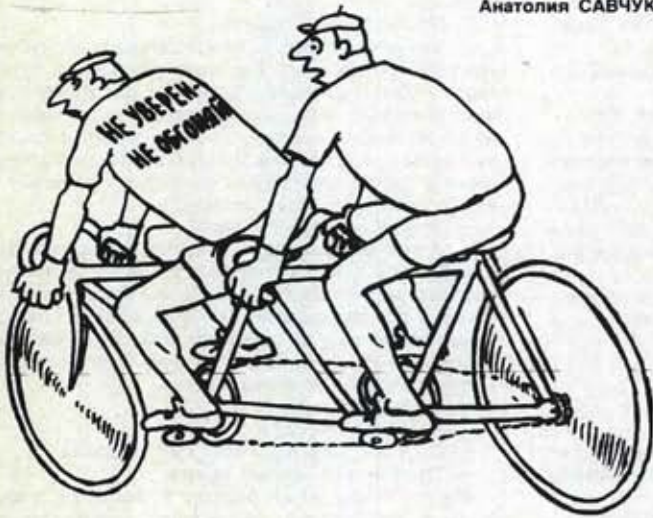

Рисунок
Николая БЕЛЕВЦЕВА

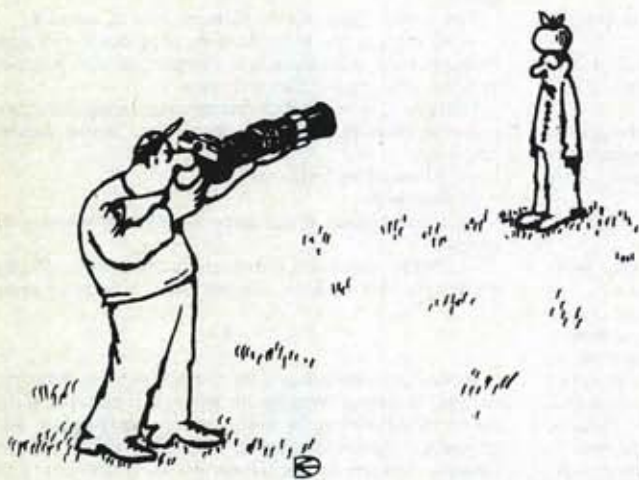

Рисунок
Владимира КАЗАНЕВСКОГО

Рисунок
Александра ВОЛОШИНА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ЛЮБИТЕЛИ ШАХМАТ НА СТАРТ!

Олимпийским играм в Москве посвящается это традиционное массовое соревнование наших читателей.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР VII

Ход белых. Какой путь ведет их к успеху? (2 очка).

КОНКУРС «СМЕНА-80» (Продолжение. Начало см. в №№ 12—14 журнала).

Запомните, пожалуйста, что открытки с решениями заданий четвертого тура разрешается отправлять в адрес редакции «Смены» до 15 октября 1980 года.

Приводим краткие ответы на шахматные композиции, опубликованные в № 8 журнала: 1. Ca2! d5 2. d4! cd 3. C : d5x; 1. Фg7! Кре2 2. Фd4 Крf3 3. Фе4x; 1. Лd6!! C : d6 2. Фg7x; 1. Cf6! d4 2. Ke2 a1Ф3. Kc1!! Фа5 4. C : d4+! Кр : d4 5. Kb3+ Кр : d3 6. Ka5±.

Уточняем задания заключительного тура шахматной олимпиады, помещенные в № 11 журнала: на третьей диаграмме при добавлении белых пешек на полях «с5» и «с7» нужно найти мат в четыре хода, на пятой диаграмме белые делают ничью, на шестой диаграмме следует оценить шансы сторон при ходе черных. По указанным трем заданиям обусловленные баллы присуждаются всем участникам. Желющие могут выслать нам открытки с ответами на эти позиции до 5 октября.

КОГДА НЕТ И ДВАДЦАТИ...

Немалый интерес вызвал Всесоюзный отборочный юношеский турнир, проведенный нынешним летом в Сочи. Этот форум молодых советских шахматных дарований выявил наиболее достойных для участия в ответственных международных состязаниях этого года среди юношей.

Предлагаем вниманию читателей яркие фрагменты, характеризующие игровой почерк нашей шахматной смены.

К такому положению пришел после 11-го хода черных поединок победителя сочинского турнира 19-летнего московского шахматного мастера Николая Андрианова (у него были белые фигуры) с Талайбеком Иманалиевым из Киргизии. Энергичным прорывом в центре белые начали разгромную атаку королевских бастионов со-

перника, связанную с красивой жертвой ферзя.

12. e3—e4 d5:e4 13. d4—d5! Kd7—c5 14. d5:c6! b7:c6 15. Cb5:c6+ Кре8—e7 16. 0—0—0!! Kc5:a4 17. Лd1—d7+ Кре7—e8.

Отступление не спасает черных, однако «приключенческий» вариант — 17. ... Крf6 18. К:e4+ Крf5 19. Л:f7+ Крg4 20. h3+ Л:h3 21. f3+! Л:f3 22. g1+ Кр:f3 23. Cc7+ им, конечно, тоже не пришлось по вкусу.

18. Cc6:a4 Cf8—e7 19. Лd7:a7+, и черные пошли на капитуляцию.

Здесь перед вами весьма нешаблонная позиция, создавшаяся после 19-го хода черных в партии рижанина Александра Войткевича, игравшего белыми с представителем Казахстана Булатом Асановым. За легкую фигуру у черных, казалось бы, вполне достаточная компенсация в виде четырех (!)

«пехотинцев» и активно дислоцированных ладьи и слоны. Однако неожиданной комбинацией, в ходе которой жертвуются качество, конь и ферзь, быстрого успеха добиваются белые.

20. Лg1:g4! h5:g4 21. Ce3—f4! Лc4:d4 22. Cf4:e5!! d6:e5 23. Фd2—h6 Лd4—d1+ 24. Лh1:d1, и черные сложили «оружие».

На этой диаграмме отображена обоюдоострая ситуация, возникшая после 26-го хода белых во встрече Евгения Пигусова из Кемерово (он играл черными) с тбилисцем Игорем Ефимовым. И в данном случае исход борьбы решает тактика — изящной жертвой коня черные разрушают пешечное прикрытия неприятельского короля. Мат парируется лишь ценою ферзя.

27. ... Kd4—f3+! 28. g2:f3 Cb7:f3 29. Kg5:f3 Фf4:h6 30. Cd3—e4 Лd7:d1 31. Лf1:d1 Фh6:h5, и белые сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.06.80. Подписано к печати 03.07.80. А 06607. Формат 70x108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1160 000 экз. Изд. № 1773. Заказ № 2666. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ДЕВУШКА ИЗ ПОЛЕСЬЯ

Музыка Олега ИВАНОВА
Стихи Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО

*Живет в белорусском Полесье
Кудесница леса Олеся.
Считает года по кукушке,
Встречает меня на опушке.*

Припев:

*Олеся, Олеся, Олеся,—
Так птицы кричат в поднебесье,—
Олеся, Олеся, Олеся,
Как сказка, как чудо, как песня!*

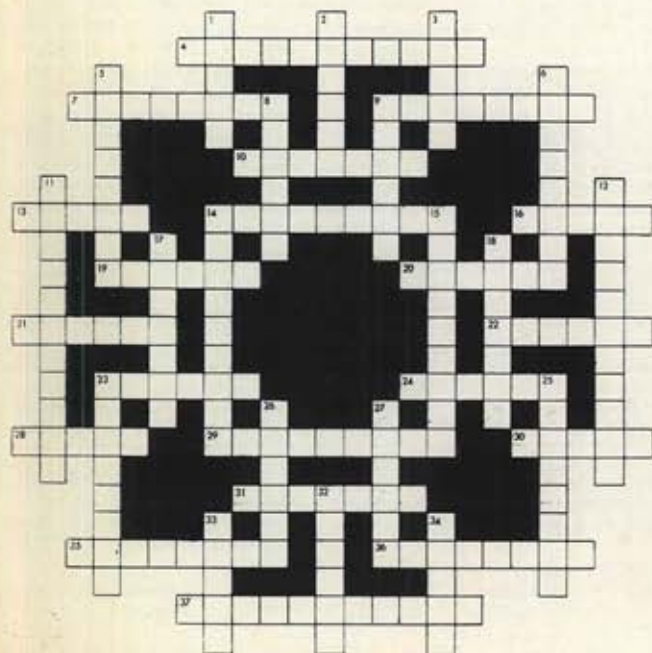
*Боясь, что вернутся морозы,
Заплачут в апреле березы.
Олеся к ветвям прикоснется,
Росою слеза обернется.*

Припев.

*Живет в белорусском Полесье
Кудесница леса Олеся.
Живет в ожидании счастья,
А с ним нелегко повстречаться.*
Припев.

КРОССВОРД ОЛИМПИЙСКИЙ

Составил победитель конкурса
Ф. УСТЮГОВ,
Омск

По горизонтали:

4. Спортсмен, участник состязаний на льду.
7. Лыжница, неоднократная олимпийская чемпионка.
9. Тяжеловатлет, чемпион XX и XXI Олимпиад.
10. Спортсмен, цирковой артист.
13. Чемпион XVII Олимпиады по гребле на каноэ-одиночке.
14. Город, где проходили V Олимпийские игры.
16. Теннисистка, чемпионка II Олимпиады.
19. Фигурист, чемпион XI зимних Олимпийских игр.
20. Лыжник, чемпион VII зимней Олимпиады в эстафете.
21. Спортсмен, участвующий в схватках на ринге.
22. Порт, место состязания спортивных судов на XXII Олимпиаде.
23. Рейка, устанавливаемая на заданной высоте для прыжков.
24. Большие состязания на спортивных судах.
28. Значительная встреча в спортивных соревнованиях.
29. Лодка для состязаний по академической гребле.
30. Спортивное оружие.
31. Спортивный инвентарь, применяемый вратарем в хоккее.
35. Чемпион VII Олимпиады по прыжкам в воду с вышки.
36. Чемпион XVIII Олимпиады по дзюдо в легком весе.
37. Гимнастический снаряд.

По вертикали:

1. Спортивный снаряд для метания.
2. Город, где проходили IV и XIV Олимпийские игры.
3. Кличка лошади, на которой Е. Петушкова завоевывала первенство в конном спорте на чемпионатах и XX Олимпийских играх.
5. Французский общественный деятель, организатор современных Олимпийских игр.
6. Город, где проходила XVI Олимпиада.
8. Десятиборец, чемпион XX Олимпиады.
9. Прыжок в фигурном катании на коньках.
11. Польский штангист, чемпион XVIII и XIX Олимпиад.
12. Советский борец, чемпион XV Олимпиады в тяжелом весе.
14. Футболист, чемпион XVI Олимпийских игр.
15. Гимнастка, чемпионка XV Олимпиады в командном зачете.
17. Советское спортивное общество.
18. Финский конькобежец, чемпион I зимних Олимпийских игр.
23. Вид водного спорта.
25. Фехтовальщик на саблях, чемпион XVIII Олимпиады в командном зачете.
26. Чемпион VIII Олимпиады по прыжкам в высоту и в десятиборье.
27. Класс олимпийских яхт.
32. Финский спортсмен, чемпион XXI Олимпиады по классической борьбе.
33. Спортсмен, силач.
34. Чемпион XVIII Олимпийских игр по дзюдо.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 14

По горизонтали:

5. Байдарка.
6. Протокол.
9. Регата.
10. Ригерт.
12. Манкин.
13. Антсон.
14. Австралия.
17. Едешко.
18. Осокин.
19. Аксель.
21. Арбитр.
27. Автогонки.
29. Скобов.
30. «Солинг».
31. Титова.
32. «Дракон».
33. Латынина.
34. Невзоров.

По вертикали:

1. Качарова.
2. Брагина.
3. Кошева.
4. Бочарова.
7. Калита.
8. «Арабат».
9. Рекорд.
11. Татами.
15. Вукулов.
16. Инсбрук.
20. Корбут.
22. Таллин.
23. Аккерман.
24. Колчан.
25. Победа.
26. Пантюхов.
27. Австрия.
28. Исакова.

КАПРИЗНА ЛИ МОДА?

Начало на 20-й стр.

ди мужчин не принято много толковать «о тряпках», желание выглядеть современно, быть одетым по моде спрятано в каждом. Мне доводилось консультировать самых разных людей: и рабочего и академика. И я видел, как каждый внутренне подтягивается, меняется, когда чувствует, что одежда на нем всем хороша. Это всегда — улучшенное настроение, если хотите, дополнительный стимул в жизни, труде.

— Давайте воспользуемся случаем и немного потолкуем о мужской моде. Например, о галстуках и пиджаках. Говорят, они уходят?

— Зря говорят. Конечно, галстук — скорее официальный элемент костюма. И вместе с тем он и сорочка прежде всего придают одежде оттенок индивидуальности владельца, способствуют его самовыражению. Арсенал украшения мужчины ограничен, бижутерия, платки, грим, разнообразие причесок — оружие женщины, а покрой и цвет костюма меняются не часто. Лично я очень люблю галстук и серьезно отношусь к его выбору.

Пиджаки... Человек, контактирующий в течение дня с разными людьми, будь то рядовой служащий или руководитель производства, должен сохранять в одежде элемент официальности. Это уже временем проверенная форма. Внутри нее и происходят изменения. Существующая уже более полутора веков стабильная бюрократическая форма мужского костюма начинает разрушаться. Мы устали от жесткости нагрудников из волоса, каменных бортовок. Мы сами стали динамичнее и от одежды хотим того же. Намечается раскрепощение, отказ от фундаментальных портновских саркофагов. Прежде всего, пиджак начинает весить уже не 2 килограмма, а 500, 400, 300 граммов — за счет легких полушерстяных тканей с разреженной структурой, невесомых клеевых при-

кладов, выгесняющих волос и вместе с тем сохраняющих принятую форму официальной одежды.

— Пожалуйста, о моде ближайшего будущего. Что вы рекомендуете женщинам?

— Резких изменений не предвидится. Продолжают развиваться темы классического элегантного костюма: строгий английский стиль, окрашенный элементами романтики, спортивный (для молодежи). И в нарядной и в повседневной одежде используются элементы фольклора и, конечно, олимпийские. Женская мода тяготеет к комфортной практичной одежде из мягких пластичных тканей изысканных цветов и цветосочетаний, молодежная — к темпераментным цветам и формам, подчеркивающим природ-

СОЗДАВАЯ ТЕАТРАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ, ХУДОЖНИК ПОРОЙ ПЕРЕНОСИТСЯ В ПРОШЛОЕ, МОДЕЛИРУЯ ПОВСЕДНЕВНУЮ ОДЕЖДУ. — В БУДУЩЕЕ.

ную красоту фигуры приталенному силуэту, сарафанному. В спортивном варианте преобладает свободный прямой силуэт. Длина устанавливается индивидуально.

По-прежнему растет популярность комплектной, многослойной одежды, которая теряет вес, зато увеличивается в объеме. Хороши, например, блузы, под которые надевается тонкий свитер или водолазка. Затем идут, скажем, пуловер, куртка, а уж потом пальто. Подбор такого комплекта требует от женщины элемента творчества, говорит о ее индивидуальности.

Доминируют довольно мягкие, приглушенные цвета — все оттенки бежевого, коричневого, серебристо-серого, голубоватого, больше теплые, чем холодные. Для контраста в качестве так называемых конфликтующих дополнений вторгаются исключительно яркий и сочный зеленый, красный, оранжевый. По-прежнему будут очень популярны черный и белый цвета. Маленькое черное платье и яркий цветок, например.

Среди молодежи наряду с классическими пользуются спросом так называемые крестьянские юбки с высокими поясами, помогающими сохранить и подчеркнуть естественную форму

ВСЕ ЛИ ПОЛУЧИЛОСЬ, КАК ЗАДУМАНО?

тела. Жакеты и блузы с кулиской на талии или бедрах хороши с тонкими свитерами.

Платки, шарфы, косынки, прежде довольно контрастные, несколько диссонировавшие с одеждой, теперь гармонируют с ней цветом и фактурой. Шарфы очень индивидуализированы и потому поэтичны. Женщина может выбрать себе по вкусу шарф ручной или машинной вязки, украсить концы бахромой, почти невесомыми шарами.

— А что ожидает сильный пол?

— Мужской костюм, как и всегда, сохраняет свою традиционную форму, но становится легче. Брюки — строгие по всей длине. Ширина внизу сужается до 24—26 сантиметров.

Прежде всего одежда должна быть, как говорится, к лицу — то есть с учетом роста, полноты и, конечно, характера. Каждый должен стремиться к своему стилю.

А как же одевается сам Зайцев, справедливо считающий, что личный пример в пропаганде моды не последнее дело? Прежде всего очень просто и лаконично, очень функционально. Кстати, именно эти черты наряду с ясностью силуэта и элементами старины присущи его сегодняшним моделям.

Интересно, что Зайцев не любит, когда одеваются строго «по Зайцеву».

В одном из данных им интервью есть такие строки: «Я даже немного пугаюсь, встречая на улице сверхмодную девушку, одетую точь-в-точь по картинке, даже если эту картинку нарисовал я. Художник создает лишь модный эталон, ни в коем случае не рассчитанный на конкретную личность».

Вкус — вот что помогает одеться человеку по моде и в то же время с учетом своей индивидуальности и окружающей обстановки.

Если задуматься, мы все в той или иной мере поклонники искусства моды и, более того, активно участвуем в формировании ее облика. В самом деле — картина или скульптура в доме не обязательны, но без одежды обойтись невозможно. Надев же костюм или платье, мы, сами того не сознавая, порой даже против собственной воли, голосуем за тот или иной стиль одежды, включаемся в круговорот моды. Потому что ее печать лежит на кепке и шляпе, сапогах и модных штиблетах, старинной косоворотке и современном батнике, кургузом пиджачке и строгом выходном костюме.

И, конечно, любой, даже самый равнодушный к своему внешнему виду человек, безусловно, согласится, что лучше быть одетым со вкусом, чем ему наперекор.

Если даже мне совершенно все равно, как я выгляжу, то другим — нет!

Беседу вел Михаил ШПАГИН.